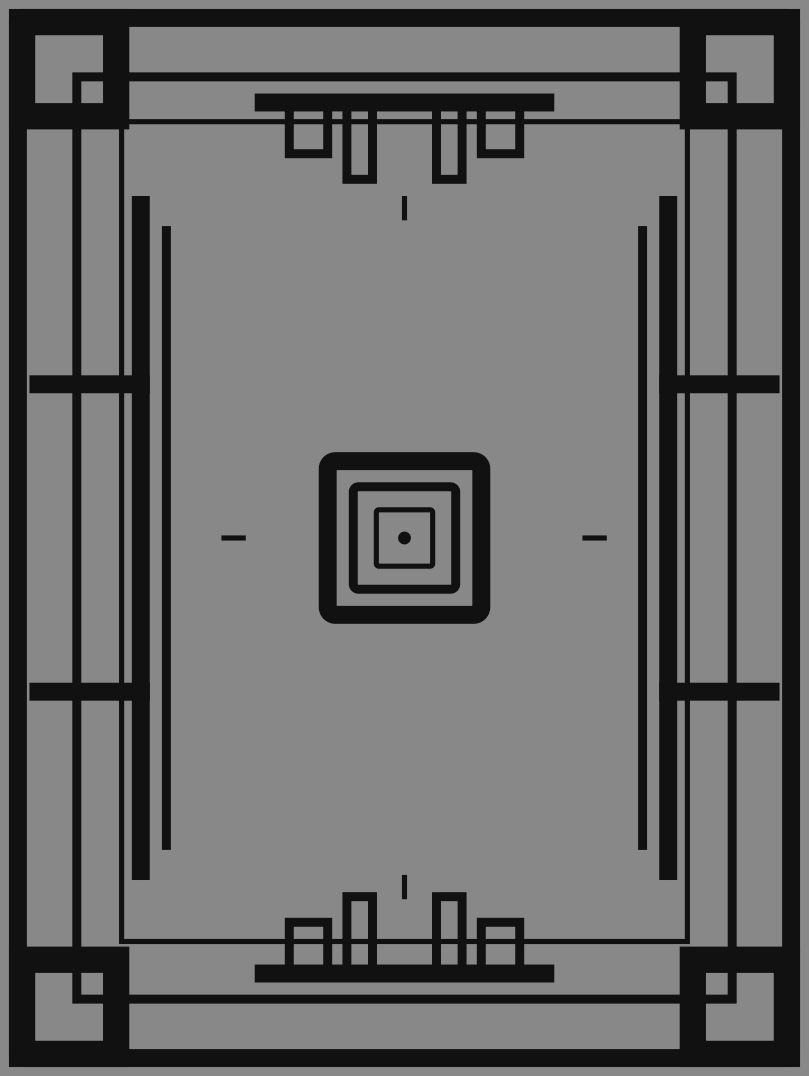

Слишком много поваров

Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Слишком много поваров
Предисловие
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Аннотация

Знаменитый детектив Ниро Вульф вместе со своим верным помощником Арчи Гудвином приглашены на съезд лучших шеф-поваров мира.

Рекс Стаут
Слишком много поваров

Rex Todhunter Stout
Too Many Cooks
Too Many Cooks © Rex Stout, 1938
© Перевод на русский язык Татьяны Поповой, 2019

Перевод нескольких фрагментов текста на кулинарные темы взят из книги «За столом с Ниро Вульфом» Т. Соломоник, С. Синельникова и И. Лазерсона.

Переводчик выражает горячую благодарность elizabeth_perm, А. Агнич, Д. Касперовичу, М. Левину, С. Синельникову, Ю. Тарасовой, Е.Якимовой и всем, кто оказывал помощь и поддержку в работе над проектом!

Предисловие

Описывая очередное невероятное дело Ниро Вульфа, я старался использовать как можно меньше французских и прочих заумных слов, но, учитывая действующих лиц, совсем обойтись без иностранщины не получилось. За ошибки в правописании я не в ответе, так что не трудитесь слать мне жалобы. Вульф помочь отказался, так что мне пришлось съездить в школу иностранных языков Хайнеманна и заплатить тамошнему профессору тридцать баксов, чтобы он проверил текст и исправил ошибки. Чаще всего, заслышав бессмысленную трескотню вместо речи, я либо пропускал ее мимо ушей, либо, по необходимости, разбирал суть при помощи американского языка.

Арчи Гудвин

1

Закурив и утерев пот со лба, я принялся расхаживать вдоль поезда по платформе Пенсильванского вокзала. Казалось, после всего, что мне только что пришлось пережить, я вполне смогу подрядиться установить пирамиду Хеопса на крышу небоскреба голыми руками и в одном купальном костюме. Вот только успокоюсь немножко.

Но не успел я затянуться хотя бы трижды, как меня остановил стук по стеклу ближайшего окна. Я наклонился и встретился с отчаянным взглядом Ниро Вульфа, сидевшего в купе новенького пульмановского спального вагона, где я разместил его в целости и сохранности.

— Арчи, чтоб тебя, иди скорей сюда, поезд сейчас тронется, а билеты у тебя! — завопил он через закрытое окно.

— Сами сказали, что внутри курить негде! Еще только 9:32! Я остаюсь! Спокойной ночи! — прокричал я в ответ и продолжил гулять.

Билеты, как же! Не билеты его волновали, он просто очень боялся остаться один в поезде, ко-

торый вот-вот отправится. Он ненавидел всё, что движется, и обожал доказывать, что в подавляющем большинстве случаев люди едут туда, где ничуть не лучше, чем там, откуда они едут. Но, черт возьми, я все-таки смог доставить его на вокзал за двадцать минут до отправления, несмотря на помехи в виде трех сумок, двух чемоданов и двух пальто (на четыре апрельских дня), плачущего на пороге дома Фрица Бреннера, бегущего к упакованному в машину Вульфу с очередными вопросами по поводу ухода за орхидеями Теодора Хорстманна, и даже обычно невозмутимого коротышку Сола Пензера, который, высадив нас у станции, не смог сдержать дрожь в голосе при прощании. Можно было подумать, что мы отправлялись в стратосферу чистить луну и собирать блуждающие звезды.

И не успел я выбросить окурок в щель между поездом и платформой, как увидел настоящую звезду. Она прошла так близко, что нельзя было разобрать, аромат духов или тела донесся до меня, а ее яркая красота хотя и могла быть создана на киностудии, выглядела природной и не нуждающейся в исправлениях. Я сразу понял, что передо мной не фабричное изделие, а тонкая ручная работа. Высокий крупный мужчина в

коричневом плаще необычного покроя и мягкой широкополой шляпе подвел ее к соседнему вагону и проследовал за ней и проводником внутрь. «Ты промелькнула словно в дивном сне и навсегда разбила сердце мне», — пробормотал я и, с деланным безразличием пожав плечами, вскочил в тамбур: просигналили отправление.

Вульф сидел в купе у окна, вцепившись в широкое сиденье обеими руками. Несмотря на это, момент отправления застал его врасплох, вагон дернулся, и Вульф качнулся. Украдкой я посмотрел, как он бесится, решил, что будет проще не обращать внимания, достал из сумки журнал и примостился на стульчике в углу.

— Мы прибываем на курорт «Канова» завтра в 11:25 утра. Четырнадцать часов! В Питтсбурге наш вагон прицепят к другому составу! В случае его задержки мы будем вынуждены ждать следующего! Если что-нибудь случится с локомотивом… — прокричал он, продолжая держаться за сиденье.

— Я не глухой, — сухо прервал я его. — Бухтите сколько хотите, ваше право, но я не потерплю намеков ни словом, ни тоном, что я хоть как-то виноват в ваших мытарствах. Я ведь знал, что до этого дойдет, и заранее подготовил свой ответ.

Вы сами захотели поехать на курорт «Канова», или, по крайней мере, вы захотели там побывать. Полгода назад вы заявили Вукчичу, что будете там шестого апреля. И вот сейчас раскаиваетесь в своем решении. Я тоже. Что касается локомотива, то для скорых поездов используют новейшие модели, и даже ребенку ясно…

Мы выехали из туннеля под рекой и набирали скорость, громыхая через промышленные зоны Джерси.

— В локомотиве две тысячи триста девять движущихся деталей! — прокричал Вульф.

Я отложил журнал и ухмыльнулся, потому что ничего другого не оставалось. Этот его приступ двигателефобии нельзя было пускать на самотек. Следовало переключить его внимание, и, пока я выбирал тему поприятнее, раздавшийся стук в дверь доказал, что панический страх, овладевший Вульфом, когда я курил на платформе, не лишил его присутствия духа. Проводник внес поднос с тремя бутылками пива и стаканом, откинул столик, поставил на него стакан и одну открытую им бутылку, поместил остальные вместе с открывалкой в держатель рядом, принял от меня плату и удалился. Поезд дернулся на повороте, и Вульф насупился, но, когда мы

вновь покатили прямо, он поднял стакан, сделал глоток, другой, пятый и поставил пустой стакан на место. Он облизнул пену с губ, утерся платком и без малейшего намека на истерику заметил:

— Замечательно. Не забыть рассказать Фрицу, что первая бутылка была идеальной температуры.

— Отправьте ему телеграмму из Филадельфии.

— Спасибо. Я испытываю невыносимые страдания, и вы это знаете. Соблаговолите потрудиться за ваше жалованье, мистер Гудвин, и достаньте из сумки книгу. «Европа изнутри» Джона Гюнтера.

Я дотянулся до сумки и вытащил книгу.

Когда через полчаса в дверь постучали снова, поезд быстро и мягко катил по ночному Джерси, пиво было выпито, Вульф хоть и хмурился над книгой, но страницы переворачивал, а значит, и впрямь читал, ну а я почти добрался до конца статьи о сопоставлении улик в журнале по криминологии. Надо сказать, я мало что из нее вынес, ибо голова моя была занята тем, как подготовить Ниро Вульфа ко сну. Дома, разумеется, он переодевался самостоятельно, и к тому же я служил ему не камердинером, а всего лишь секретарем, охраной, менеджером, младшим сыщиком и козлом отпущения. Однако факт

оставался фактом: через пару часов наступит полночь, а он до сих пор в брюках, и кому-то придется придумать, как их снять, чтобы поезд не сошел с рельс. Вульф не был неуклюж, но совершенно не умел сохранять равновесие в транспорте. О том, чтобы сперва уложить его, а потом уже стянуть брюки, не могло быть и речи, ибо весил он где-то между центнером и тонной. Насколько я знаю, он никогда не взвешивался, так что точнее сказать было нельзя. Размышляя над вышеописанной проблемой, я склонялся к числам побольше и уже готов был взять за отправную точку расчетов полтора центнера, когда в дверь постучали, и я прокричал, чтобы входили.

Это был Марко Вукчич. Из телефонного разговора между ним и Вульфом на прошлой неделе я знал, что он едет тем же поездом, но в последний раз мы виделись в начале марта за его ежемесячным обедом у Вульфа. Он был одним из двух людей в мире, с кем Вульф был на «ты» — не считая, конечно, его служащих.

Вукчич закрыл за собой дверь и остановился посреди купе, огромный, как лев, поднявшийся на дыбы. Густая грива волос покрывала его голову не хуже шляпы.

— Марко! — закричал на него Вульф. — У тебя

что, своего места нет? За каким дьяволом ты болтаешься по кишкам этого монстра?

Вукчич усмехнулся, блеснув зубами.

— Ниро, затворник ты этакий! Я же не рак-отшельник, как ты, в раковине не прячусь. В любом случае, ты едешь в поезде, и это воистину большое достижение! И я нашел не только тебя, но и коллегу, которого не видел целых пять лет. Он в соседнем вагоне, я с ним говорил и предложил вас познакомить. Он будет рад принять тебя в своем купе.

Вульф поджал губы.

— Полагаю, тебе смешно. Я не акробат. Пока эта конструкция не остановится и локомотив не отцепят, я и с места не сойду.

— А как же ты тогда… — Вукчич рассмеялся и окинул взглядом гору багажа. — Да я смотрю, ты неплохо подготовился. Я и не думал, что тебя удастся сдвинуть с места. Давай тогда я приведу его сюда, можно? Я за этим и пришел.

— Прямо сейчас?

— Сию минуту.

Вульф покачал головой.

— Марко, я тебя умоляю. Посмотри на меня, я совершенно не в состоянии поддерживать беседу.

— Хотя бы ненадолго, просто поздороваться.

Это была моя идея.

— Нет, не стоит. Ты понимаешь, что если из-за какого-нибудь препятствия да или просто дьявольского каприза, эта конструкция вздумает внезапно остановиться, то мы все тут продолжим движение со скоростью восемьдесят миль в час? Разве это подходящая ситуация для светских бесед?

Он опять поджал губы и раздвинул их для итогового:

— Завтра.

Вукчич пытался настаивать, но, хотя в упрямстве он не уступал Вульфу, переспорить друга не сумел. От уговоров он перешел к насмешкам, но и это ни к чему не привело. Я зевал. Наконец, Вукчич сдался.

— Ладно, завтра, — пожал он плечами. — Если мы не погибнем, налетев на какое-нибудь препятствие. Я скажу Беррэну, что ты уже спишь.

— Беррэн, — Вульф резко выпрямился и почти перестал держаться за сиденье. — Не Жером ли Беррэн?

— Конечно. Ведь он один из Les Quinze Maîtres, Пятнадцати мэтров!

— Веди его сюда. — Вульф прикрыл глаза. — Конечно же, я хочу с ним познакомиться! Какого

черта ты сразу не сказал, что это Беррэн?

Вукчич махнул рукой и удалился. Через три минуты он уже придерживал дверь для своего коллеги, только коллег оказалось двое. Та, что стоила моего внимания, вошла первой. Она была в шляпке, но уже без накидки, и нежный восхитительный аромат, окутывавший ее, манил не меньше, чем тогда на платформе. Любовь грезит о юности, а в юности вошедшей не было сомнений. В полумраке ее глаза отливали фиолетовым, а губы выдавали сдерживаемую улыбку. Вульф бросил на нее изумленный взгляд и переключил внимание на проследовавшего за ней спутника, высокого крупного мужчину, которого я узнал и без странного плаща и мягкой матерчатой шляпы.

Вукчич протиснулся вперед:

— Мистер Ниро Вульф, мистер Гудвин. Мистер Жером Беррэн. Его дочь, мисс Констанца Беррэн.

Поклонившись, я отвлекся от дальнейших приветствий и занялся рассаживанием гостей, преследуя собственные цели. В результате солидная троица расположилась на сиденьях, греза села на стульчик, а я устроился на чемодане рядом. Однако убедившись, что так дело не пойдет, я переместился к стене напротив для

лучшего обзора. Она одарила меня простодушной улыбкой и отвела взгляд. Краем глаза я увидел, как Вульф скривился при виде того, как Вукчич раскурил сигару, а Беррэн скрылся в клубах дыма из старой черной трубки. С того момента, как я узнал, что он приходится ей отцом, я испытывал к нему самые дружеские чувства. Черные волосы тронула седина, уже прочно укоренившаяся на выстриженной бородке, а глубоко посаженные черные глаза молодо сверкали.

— Нет, в Америке я впервые, — говорил он Вульфу. — И уже вижу ее техническое превосходство! Никаких сквозняков! Ни одного! И такой плавный ход, словно чайка летит! Потрясающе!

Вульфа передернуло, но его собеседник ничего не заметил и продолжил разговор. Однако его слова про «первый раз в Америке» меня обеспокоили. Я наклонился к грёзе и тихо спросил:

— Вы говорите по-английски?

— О, да, — улыбнулась она. — Очень много. Мы жили три года в Лондоне. Мой отец работал в «Тарлетоне».

— Окей, — кивнул я и отодвинулся для лучшего обзора. Как хорошо, что я не поддался многочисленным искушениям, имевшим место в прошлом, и счастливо избежал супружеского яр-

ма, а то сейчас пришлось бы бессильно скрипеть зубами. Мораль: избегать ярма, пока есть, чем скрипеть. Но смотреть-то разрешается.

— Вукчич сказал мне, что вы — гость Сервана, — продолжал ее отец. — Тогда последний вечер будет за вами. В первый раз такая честь выпала на долю Америки. В 1932 году, в Париже, когда наш прошлый председатель Арман Флёри был еще жив, перед нами выступал премьер-министр Франции. В 1927 году это был Ферид Халдах, тогда он еще был любителем. Вукчич говорит, что вы agent de sûreté. Неужели?

Он с сомнением оглядел объемы Вульфа.

Вульф кивнул:

— Если быть точным, то я не полицейский, а частный сыщик. Клиенты платят мне за то, чтобы я выяснил личность преступника и собрал улики.

— Потрясающе! До чего же грязная работа!

Рывок вагона помешал Вульфу завершить пожатие уже приподнятыми на полдюйма плечами, и он нахмурился, сердясь, конечно, на вагон, а не на Беррэна.

— Не спорю. Все мы находим себе занятие по душе. Производитель детских колясок, заложник системы и отнюдь не единственный стяжа-

тель, заставляет рабочих обеспечивать своим трудом его нужды. Патриоты-долихоцефалы и патриоты-брахицефалы убивают друг друга, и их мозги успевают сгнить прежде, чем им установят памятники. Мусорщик собирает объедки, а сенатор — свидетельства коррупции в высших эшелонах. Работа мусорщика чище, но гораздо хуже оплачивается, вот и вся разница. Я не пачкаю рук за гроши. Мои услуги стоят дорого.

Беррэн решил не возражать.

— Но вы же не станете обсуждать с нами объедки, не так ли? — усмехнулся он.

— Нет. Мистер Серван пригласил меня выступить с речью о — как он выразился — Contributions Américaines à la Haute Cuisine.

Беррэн фыркнул:

— Вклад Америки в мировую кулинарию? Нет никакого вклада Америки.

— Никакого, сэр? — удивился Вульф.

— Ни малейшего. Мне рассказывали, — продолжал Беррэн, — что в Америке существует добротная домашняя кухня. Я, к сожалению, ничего из нее не пробовал, но слышал о таких известных блюдах Новой Англии, как тушеная солонина с овощами, кукурузные лепешки, густая похлебка чаудер из моллюсков и молочная

подливка… Это блюда для массового потребителя, и их не следует отвергать, особенно когда они хорошо приготовлены, но все это не для истинных мастеров… — Он снова фыркнул. — К la haute cuisine это относится не в большей степени, чем сентиментальные песенки — к Бетховену с Вагнером.

— Неужели?! — фыркнул Вульф и наставил палец на собеседника. — Вы когда-нибудь пробовали приготовленный на дубовой доске стейк-портерхаус — истекающий под ножом горячим красным соком кусок отборного мяса двухдюймовой толщины, украшенный листьями американской петрушки и ломтиком лайма и окруженный тающим во рту картофельным пюре, особенно если к этому еще подать толстые ломтики свежих, чуть обжаренных грибов?

— Нет.

— Или знаменитый рубец по-креольски из Нового Орлеана? Или миссурийский окорок из графства Бун, запеченный с уксусом, черной патокой, вустерским соусом, сладким сидром и травами? Или курицу в яичном соусе с изюмом, луком, миндалем, хересом и мексиканскими колбасками? Или опоссума по-теннессийски? Или омара Ньюбург? Или филадельфийский

черепаховый суп? Вижу, что ничего этого вы не пробовали… — Вульф опустил палец.

— Разумеется, настоящий рай для гастронома — Франция. Но было бы разумным, если бы по пути туда он сделал небольшой крюк… Я едал кайенский рубец а-ля мод в ресторане «Фарамонд» в Париже. Блюдо действительно превосходно, но все-таки не превосходит нежный рубец по-креольски, который, в отличие от французского, совсем не обязательно запивать таким большим количеством красного вина. В юности, когда я был гораздо легче на подъем, мне доводилось есть буйабес в Марселе — его колыбели и храме. Но по сравнению с его новоорлеанским тезкой — это всего лишь сытная еда, которой набивают брюхо портовые грузчики. Ведь при отсутствии красного лютианус…

Сперва мне показалось, что Беррэн плюется, но это он просто не находил слов от возмущения. Я перестал вслушиваться и снова наклонился к Констанце:

— Ваш отец — хороший повар, не так ли?

Темные глаза с удивлением уставились на меня из-под вздернутых бровей, и она прыснула.

— Он шеф-повар отеля «Корридона» в Сан-Ремо, разве вы не знали?

— Да, я видел список Пятнадцати. Во вчерашнем номере «Таймс», — кивнул я. — Но надо же было с чего-то начать разговор. А вы сами готовите?

— Нет, я ненавижу готовку. Только варю хороший кофе. — Она перевела взгляд на мой темно-коричневый в горошек галстук, повязанный на светло-коричневую рубашку в полоску. — Когда мистер Вукчич нас знакомил, я не расслышала ваше имя. Вы тоже сыщик?

— Меня зовут Арчи Гудвин. «Арчибальд» означает святой и благостный, но меня зовут не Арчибальд. Интересно, как «Арчи» прозвучит во французских устах, попробуйте разок?

— Я не француженка. — Она нахмурилась, и морщинка на ее исключительно гладкой коже выделялась не хуже полоски на новеньком теннисном мячике. — Я каталонка, и не сомневаюсь, что смогу выговорить «Арчи». Арчи-арчи-арчи, годится?

— Замечательно.

— Так вы сыщик?

— Конечно. — Я покопался в бумажнике и вытащил прошлогоднюю рыболовную лицензию штата Мэн.

— Вот, видите моё имя?

— У-же-ни-е? — неуверенно прочла она и про-

тянула ее назад. — Мэн? Там ваш arrondissement?

— У меня его нет. В Америке два вида сыщиков — мэны и крутые мэны. Я мэн, и, значит, по мелочи не работаю, ну там, пить как лошадь, пленных расстреливать, ворота подмазывать — не для меня. Вот если кому-то требуется совет, как поступить, то я сижу и размышляю над этим. А мистер Вульф — он крутой мэн. Видите, какой он большой и могучий. А бегает быстрее оленя.

— А… а при чем тут лошади?

Я принялся терпеливо объяснять:

— Казнить невезучего в нашей стране запрещено законом. Когда двое играют в кости на выпивку, часто можно услышать «везет» или «не везет». А кто везет — лошади, конечно! И пока он этого не скажет, казнить нельзя. А если кто обманулся, то он говорит, не свезла, мол, кобылка. Кобыл-то много, а коней мало. А сколько проблем с конскими пальто! Ведь если конь в пальто…

— А что такое кобыла?

Я поперхнулся и откашлялся.

— Пара для коня. Как вам известно, у всего должна быть противоположность. Нет права без лева, нет дна без вершины, а без плохого не бывать и хорошему. Поэтому без кобылы нет коня, а без коня нет кобылы. Если взять миллион

коней…

Но тут мои планы вступили в конфликт с намерениями Вульфа. Я слишком увлекся болтовней с юной каталонкой, чтобы следить за беседой прочих, и наш разговор прервал Вукчич, поднявшийся со своего места и пригласивший мисс Беррэн составить ему компанию в вагоне-ресторане. Оказалось, что Вульф возжелал конфиденциальной беседы с ее отцом, и я с подозрением покосился на него, пытаясь догадаться, что он там задумал. Он задумчиво постукивал пальцем по колену, и это означало, что дело серьезное.

Следом за Констанцей поднялся и я.

— Минутку, — я отвесил ей легкий поклон и обратился к Вульфу:

— Если я вам понадоблюсь, пошлите проводника в вагон-ресторан, я не закончил объяснять мисс Беррэн про кобыл.

Вульф посмотрел на меня с подозрением.

— Кобыл? Все, что она захочет узнать о кобылах, можно спросить у Марко. Нам понадобится — я надеюсь, что понадобится — твой блокнот. Садись.

И вот Вукчич ее увел, а я снова сел на стульчик, решив, что пора предъявлять ультиматум с требованием восьмичасового рабочего дня.

К сожалению, хуже места, чем поезд, для этого нельзя было придумать. А Вукчич откроет ей глаза на конский розыгрыш и сильно понизит мои шансы.

Беррэн снова набил трубку, и Вульф заговорил беспечным тоном, ничем не выдавая готовности к внезапному удару:

— Я бы хотел поведать вам о том, что случилось со мной двадцать пять лет назад. Надеюсь, вам будет интересно.

Беррэн утвердительно промычал, и Вульф продолжил:

— Это произошло перед самой войной, в Фигерасе.

Беррэн вынул трубку изо рта:

— Да ну! И что же?

— Да, там. Невзирая на мою молодость, австрийское правительство послало меня с тайной миссией в Испанию. След одного человека привел меня в Фигерас, и в десять вечера, еще не ужинав, я вошел в небольшую таверну на углу городской площади и спросил еды. Хозяйка сказала, что у нее почти ничего не осталось, и подала вина, хлеба и колбасок.

Вульф наклонился к собеседнику:

— Сэр, таких колбасок ни Лукулл с Брилья-Сава-

реном ни едали, ни Ватель с Эскофье не готовили. Я спросил у хозяйки, откуда она их взяла. Она сказала, что их приготовил ее сын. Я спросил, не удостоит ли он меня встречи, но его не было дома. Я попросил рецепт, но она сказала, что только сын его и знает. Я спросил его имя, и она ответила: Жером Беррэн. Я съел четыре порции и договорился, что приду на следующее утро поговорить с ее сыном, но через час мой подопечный метнулся в Порт-Вендрес и отплыл в Алжир, и мне пришлось последовать за ним. Погоня привела меня в Каир, и мне не удалось вернуться в Испанию, а потом началась война.

Вульф откинулся назад.

— До сих пор стоит мне закрыть глаза, как я вспоминаю вкус тех колбасок, — вздохнул он.

Беррэн кивнул, но вид у него был недовольный.

— Красивая история, мистер Вульф, отличный комплимент, благодарю вас. Но, разумеется, колбаски минюи…

— Тогда они еще не назывались так. Это были просто домашние колбаски, подаваемые в маленькой таверне в испанском захолустье. Это и есть впечатление, которое я стремлюсь произвести. Я был всего лишь незрелый юнец с

неразвитым вкусом, усталый и озабоченный, но я распознал в этом блюде руку мастера. Как сейчас помню, сперва я заподозрил, что это лишь счастливый случай удачного смешения ингредиентов, но остальные колбаски в первой порции, как и три последующих, были того же высочайшего качества. Мои вкусовые рецепторы признали творение гения. Я не из тех, кто специально едет из Ниццы или Монте-Карло пообедать в отеле «Корридона» в Сан-Ремо просто потому, что там работает автор шедевра «Колбаски минюи», знаменитый Жером Беррэн. Я не дожидался пока вы обретете славу, чтобы признать ваш талант. Если бы я так ездил, то не ради статуса, а ради еды.

Беррэн продолжал хмуриться.

— Я готовлю не только колбаски, — пробурчал он.

— Разумеется. Ведь вы воистину мастер своего дела. — Вульф наставил на него палец. — Я не хотел сердить вас. Желая предварить этим рассказом свою просьбу, я, по всей видимости, допустил какую-то неловкость. Мне известно, что все эти двадцать лет вы отказывались раскрыть тайну рецепта. Это и понятно: помимо общечеловеческих шеф-повар должен блюсти и свои интересы. Мне известно, сколько усилий было затрачено в

попытках воспроизвести это блюдо, неизменно неудачных. Мне…

— Неудачных? — фыркнул Беррэн. — Оскорбительных, преступных!

— Именно так. Я сочувствую вашему оправданному желанию предотвратить многократные издевательства над вашим шедевром на десятках тысяч кухонь по всему миру, раскрой вы тайну рецепта. Великих поваров единицы, хороших немного, а криворуких — легион. У меня служит хороший повар, мистер Фриц Бреннер. В нем нет творческой жилки, но он знает свое дело. И он, и я умеем хранить секреты. Я умоляю вас — вот к чему я вел все это время — я умоляю вас поделиться со мной рецептом колбасок минюи.

— Великий боже! — Беррэн едва не выронил трубку. Он покрепче сжал ее и уставился на Вульфа. Потом он захохотал, замахав руками в воздухе и трясясь всем телом. Он хохотал, как будто это была последняя шутка в его жизни, и он хотел бы потратить на нее оставшийся запас веселья. Наконец он отсмеялся и смерил Вульфа презрительным взглядом.

— Поделиться им *с вами?* — переспросил он. От отца Констанцы эта реплика прозвучала вдвойне обидно.

— Да, сэр, со мной, — спокойно подтвердил Вульф. — Я не предам доверия, и никому не раскрою его тайну. Подавать это блюдо будут только мне и мистеру Гудвину. Я не хочу им хвастаться, я хочу его есть.

— Боже правый! Невероятно! Вы всерьез полагаете…

— Я не полагаю, я только прошу. Разумеется, вы захотите навести обо мне справки, и я оплачу эти расходы. Я всегда держу слово. Помимо расходов я уплачу три тысячи долларов: недавно я получил значительный гонорар.

— Ха! Мне предлагали пятьсот тысяч франков!

— Для использования в коммерческих целях. Я же прошу рецепт исключительно для личного пользования. Приготовление будет происходить у меня дома, а закупать ингредиенты будет мистер Гудвин, неподкупность которого я гарантирую. Я должен кое в чем признаться. Когда вы работали в «Тарлетоне» в Лондоне, с 1928 по 1930 годы к вам четырежды приходил некий посетитель, заказывал колбаски минюи, уносил пару штук в кармане и посылал мне. Я и сам пытался разобраться, и платил специалистам — диетологу, шеф-повару, отправлял образцы на анализ в химическую лабораторию, но ни разу не добился

успеха. Похоже, дело не только в ингредиентах, но и в способе приготовления. Я пробовал…

— Это был Ласцио? — прорычал Беррэн.

— Ласцио?

— Филипп Ласцио, — выплюнул Беррэн с ненавистью в голосе. — Вы сказали, что отдавали колбаски на анализ шеф-повару…

— А-а. Нет, не ему, я с ним не знаком. Я признался вам в своих попытках, чтобы убедить вас в своей одержимости выведать вашу тайну, но я не нарушу данного слова и оправдаю доверие. Признаюсь еще: я согласился на эту безумную авантюру с поездкой не только ради чести быть почетным гостем. Главным образом я рассчитывал на встречу с вами. Моя жизнь завершится раньше, чем я успею прочесть все достойные книги, оценить всю иронию мироздания или попробовать все существующие блюда.

Прикрыв глаза, он вздохнул. Потом снова открыл их.

— Пять тысяч долларов. Ненавижу торговаться.

— Нет, — отрезал Беррэн. — Вукчич об этом знал? Он для этого меня привел?

— Помилуйте, сэр, я же говорил, что это останется между нами. Я никому не высказывал

своих намерений. Я начал с просьбы и повторяю ее снова. Вы исполните ее?

— Нет.

— Ни при каких условиях?

— Ни при каких.

Вульф со вздохом колыхнул животом и покачал головой.

— Какой же я осел. Разве можно было начинать такой разговор в поезде, я же здесь сам не свой. — Он потянулся к кнопке вызова проводника. — Не желаете пива?

— Нет, — фыркнул Беррэн. — То есть да, желаю.

— Отлично. — Вульф откинулся назад и закрыл глаза.

Беррэн снова раскурил трубку. Вагон тряхнуло на стрелке и качнуло на повороте. Вульф нащупал подлокотник и вцепился в него. Явившийся проводник получил заказ и быстро принес и расставил стаканы и бутылки. Я снова выложил бабки и принялся прихлебывать пиво и рисовать сосиски на пустой страничке расходной книжки.

Вульф снова заговорил:

— Спасибо, что приняли мое предложение выпить. Нам нет нужды ссориться. Я вижу, что сделал что-то не так. Еще до того, как я высказал

свою просьбу, пока я вел, как я думал, приятное для вас повествование, вы реагировали враждебно. В чем была моя ошибка?

Беррэн причмокнул, поставил пустой стакан и по привычке потянулся было рукой к несуществующему фартуку. Утеревшись носовым платком, он наклонился, постучал по колену Вульфа пальцем и отчеканил:

— Вы живете в дурной стране.

Вульф удивленно поднял брови.

— Неужели? Посмотрим, что вы скажете, отведав черепаху по-мэрилендски. Или, что уж там, устричный пирог а-ля Ниро Вульф, приготовленный Фрицем Бреннером. По сравнению с американскими европейские устрицы не более чем протоплазма с медным привкусом.

— Я не про устриц. Вы живете в стране, пустившей к себе Филиппа Ласцио.

— Неужели? Я не знаком с ним.

— Но ведь он варит свои помои у вас в Нью-Йорке, в отеле «Черчилль»!

— Разумеется, я знаю о нем, поскольку он один из вас.

— Один из нас? Тьфу! — Беррэн махнул рукой, словно выбрасывая Филиппа Ласцио из окна. — Он не один из нас!

— Прошу прощения, — кивнул Вульф. — Но и он, и вы входите в состав Les Quinze Maîtres. Вы хотите сказать, что он недостоин этой чести?

Беррэн снова постучал пальцем по колену Вульфа. Я ухмыльнулся, наблюдая, как ради сосисок Вульф пытается скрыть неприязнь к чужим прикосновениям.

— Порубить его на куски да скормить свиньям — вот всё, на что он годится. Даже на это не годится, свинина будет горчить, — процедил Беррэн сквозь зубы и показал под ноги. — Просто порубить на куски и закопать. Я же говорю вам, я знаю его много лет. Может, он турок? Никто не знает, кто он на самом деле. В 1920 году он украл секрет почек о-монтань у моего друга Зелоты из Таррагоны и выдал его за свое творение. Зелота грозился его убить. Он много чего украл. В 1927 году его избрали одним из Пятнадцати, несмотря на мои отчаянные протесты. Вы видели его молодую жену? Это же Дина, дочка Доменико Росси из лондонского кафе «Эмпайр», я столько раз качал ее на коленях! — Он стукнул ладонью по колену. — Как вам, без сомнения, известно, на ней был женат ваш друг Вукчич, и Ласцио украл ее у Вукчича. Когда-нибудь Вукчич его убьет, странно только, что до сих пор не убил. — Беррэн

потряс кулаками. — Он собака, змея, он ползает в грязи! Вы знаете Леона Блана, нашего любимого Леона? Когда-то он был велик, а теперь прозябает в каком-то захудалом клубе «Уиллоу» в городишке под названием Бостон! Много лет он украшал своим присутствием отель «Черчилль» в вашем Нью-Йорке. Ласцио занял его место с помощью клеветы и интриг, украл его! Дорогой Леон убьет его, непременно убьет, и справедливость наконец восторжествует.

— Итак, Ласцио трижды обречен умереть, — проворчал Вульф. — Ожидают ли его и другие смерти?

Беррэн погрузился в кресло и прорычал:

— Непременно. Его убью я сам.

— Неужели? Он тоже что-то у вас украл?

— Он у всех что-то да украл! Господь создал его для воровства, вот пусть господь его и бережет. — Беррэн выпрямился. — Я прибыл в Нью-Йорк в субботу, на «Рексе». Вечером, движимый непреодолимой ненавистью, я пошел с дочерью в ресторан «Черчилля». Мы сели в зале, который Ласцио назвал «Курорты мира», не знаю, у кого он украл эту идею. Тамошние официанты носят ливреи знаменитых курортов мира: каирского «Шеперда», «Ле Фигуйера», что в Хуан-ле-пин,

биаррицкого «Континенталя», «Дель Монте» у вас в Калифорнии, и даже «Кановы», куда мы сейчас едем. Десятки ливрей, там всё поставлено на широкую ногу. Мы садимся за столик, и что же я вижу? Официанта в ливрее моего ресторана! Разносит помои Ласцио в моей ливрее, представляете? Я бы бросился к нему и потребовал снять ее, а не то сорвал бы ее собственными руками, — он потряс ими перед лицом Вульфа, — но дочь меня удержала. Она сказала, чтобы я ее не позорил. А как насчет моего позора, а?

Вульф сочувственно покачал головой и потянулся за бутылкой. Беррэн продолжил:

— Хорошо еще, что его столик был далеко от нас и я смог отвернуться. Но послушайте, что было дальше. Я читаю меню. И что, что я вижу?

— Надеюсь, не колбаски минюи?

— Именно! Именно! Четвертым номером в антре! Конечно, мне говорили об этом. Я знал, что Ласцио уже который год мелет фарш из ботинок, вмешивает туда невесть какие приправы и выдает это за колбаски минюи. Но увидеть это напечатанным в меню! У меня зал поплыл перед глазами, столики, стулья, все эти ливреи… Появись тогда передо мной Ласцио, я б его вот этими руками прибил! Но его не было. Я заказал две

порции, и голос мой дрожал, когда я делал этот заказ. Его подали на фарфоровой посуде, тьфу, и это было… не буду говорить что. В этот раз я не подчинился дочери. Я взял по тарелке в каждую руку, встал, уверенно и спокойно перевернул их и вывалил эту мерзкую дрянь на ковер. Разумеется, это не осталось без внимания. Прибежал официант. Я взял дочь под руку и удалился. На выходе нас догнал chef des garçons. Я не дал ему и рта раскрыть! Я сказал таким тоном, что этого было достаточно: Я — Жером Беррэн из «Корридоны» в Сан-Ремо. Приведите сюда Филиппа Ласцио, и я покажу ему, что я сделал, но держите меня подальше от его горла! Других слов не потребовалось. Я повел дочь к Вукчичу, в «У Рустермана», и он укротил мой гнев гуляшом и бутылкой «Шато Латура» двадцать девятого года.

— Его гуляш и тигра укротит, — кивнул Вульф.

— Именно. Я отлично выспался. Но наутро, вчера утром, знаете, что произошло? Ко мне в отель пришел посланник от Филиппа Ласцио, пригласить меня к ленчу! Представляете, какая наглость? Но это еще не все. Это был Альберто Мальфи!

— Неужели? Мне должно быть известно это имя?

— Не в этом виде. Сейчас-то он не Альберто, нарезавший в юности на Корсике фрукты, а Альберт Мальфи. Я заметил его в кафе в Аяччо и взял его с собой в Париж, где я работал в «Провансале». Я обучил его ремеслу, сделал из него приличного мастера по антре, а теперь он помощник Ласцио в «Черчилле»! Ласцио украл его у меня в 1930 году. Украл моего лучшего ученика, да еще и смеялся надо мной! А теперь эта наглая жаба посылает его ко мне с приглашением к ленчу! Одетый с иголочки, он предстает передо мной с поклоном, как будто ничего не произошло, и передает сообщение на идеальном английском!

— Я так понимаю, вы не пошли.

— Ха! Не буду же я травиться по собственной воле. Я вышвырнул Альберто из номера. — Беррэна передернуло. — Я никогда не забуду, как однажды, в 1926 году, когда я лежал больной и не мог работать, я был вот настолько близок, — он свел большой и указательный пальцы вместе, — к тому, чтобы раскрыть ему рецепт колбасок минюи. Боже правый, а ведь если бы раскрыл? Он бы сейчас делал их для Ласцио! Страшно подумать!

Вульф согласился, прикончил очередную бутылку и принялся в самых учтивых выражениях высказывать свое сочувствие и понимание, да

так, что больно было слушать. Он должен был видеть, что все его усилия напрасны, что у него нет ни малейшего шанса достичь желаемого, и я не мог спокойно смотреть, как он унижается, стараясь заслужить расположение этого повара с бешеным взглядом. Ритмичное постукивание колес клонило меня в сон, глаза смыкались. Я встал.

— Что, Арчи? — взглянул на меня Вульф.

— Вагон-ресторан, — твердо произнес я, открыл дверь и свалил.

Шел уже двенадцатый час, и вагон-ресторан был полупустой. Кроме пары юнцов, словно сошедших с рекламных фотографий помады для волос, прихлебывавших виски с содовой, тут и там сидели седоватые и лысеющие завсегдатаи вагонов-ресторанов, из тех, что уже лет тридцать как соблюдают традицию обращаться к любому проводнику «Джордж»[1]. Вукчич и мисс Беррэн сидели друг напротив друга со скучающими лицами и пустыми бокалами. Рядом расположился голубоглазый атлет в темно-сером костюме, чей

---

[1] Примечания переводчика: 1

«...обращаться к любому проводнику «Джордж» — Компания железнодорожных пассажирских перевозок Пульмана нанимала на должности проводников исключительно чернокожих. Все они были обязаны откликаться на имя «Джордж», и эта строго соблюдавшаяся традиция стала частью многолетней рекламной кампании.

волевой подбородок намекал, что в течение ближайших лет его хозяин намерен многого добиться в жизни. Я подошел и заговорил с ними. Голубоглазый атлет принялся было подниматься, чтобы уступить мне место, но Вукчич опередил его:

— Садитесь, Гудвин, я уверен, что мисс Беррэн не будет возражать, если вы меня смените. Я не выспался прошлой ночью.

Он попрощался и ушел. Я сел и, увидев, что официант выглянул из своего закутка, махнул ему рукой. Мисс Беррэн, как оказалось, оценила американскую газировку с имбирем, а себе я заказал стакан молока. Нас обслужили, и мы принялись за напитки.

Она перевела на меня взгляд своих фиолетовых глаз. Они выглядели темнее обычного, и я понял, что не разберусь в их цвете, пока не увижу их при свете дня.

— Вы на самом деле сыщик, — сказала она томным низким голосом. — Мистер Вукчич рассказал мне. Раз в месяц он обедает у мистера Вульфа, и вы живете там. Он говорит, вы очень храбрый и трижды спасали мистеру Вульфу жизнь.

Она покачала головой, и взгляд ее стал сердитым.

— Зачем вы говорили неправду про лошадей и

напиваться? Вы же могли догадаться, что я буду спрашивать и все узнаю.

— Вукчич приехал сюда всего восемь лет назад и в сыщицком деле не разбирается, — твердо ответил я.

— Ну уж нет, — рассмеялась она. — Я не настолько мала, чтобы быть настолько большой дурочкой. Я окончила школу три года назад.

— Ну ладно, — махнул я рукой, — забудем про лошадей. В какие же школы ходят там у вас девушки?

— В монастырские. То есть это я ходила в монастырскую. В Тулузе.

— Вы совсем не похожи на монашку.

Она глотнула газировки и снова рассмеялась.

— Нет, я не как монашки, я не религиозная, я очень практичная. Мать Цецилия всегда говорила нам, девочкам, что лучше нет жизни, чем в служении ближним, но я обдумала этот вопрос, и мне кажется, что лучше всего будет наслаждаться жизнью как можно дольше, а когда состаришься, растолстеешь и заведешь семью, то можно и другим послужить. А вы как считаете?

— Не знаю, — я с сомнением покачал головой. — По мне, служение ближним очень нужное дело. Но, конечно, переусердствовать не стоит. А

как вы, у вас получается наслаждаться жизнью?

— Иногда, — кивнула она. — Моя мать умерла, когда я была совсем маленькой, и отец установил для меня много правил. Я видела, как ведут себя американки, приезжающие в Сан-Ремо, и пробовала им подражать, но обнаружила, что не знаю, как. А потом отец узнал, как я провела яхту лорда Джерли вокруг полуострова одна, без компаньонки.

— А Джерли-то там был?

— Джерли был, но ничего не делал. Он заснул и упал за борт, и мне трижды пришлось поворачивать, чтобы он смог подняться обратно. Вам нравятся англичане?

Я поднял брови.

— Ну, при правильных обстоятельствах мне и англичанин может понравиться. Например, если мы окажемся на необитаемом острове, три дня проживем без еды, а потом он поймает кролика, ну или не кролика, а кабана или моржа. А вам нравятся американцы?

— Сама не знаю! — засмеялась она. — Пока я росла, я встречала только нескольких. Они говорили со смешным акцентом и все время старались показать свое превосходство. Я имею в виду мужчин. Когда мы жили в Лондоне, и папа

работал в «Тарлетоне», там жил один богатый американец с больным желудком. Папа готовил ему отдельно, и когда он уезжал, то надарил мне подарков, вот он мне нравился. С тех пор как я приехала в Нью-Йорк, я видела много симпатичных американцев, а вчера в отеле встретила настоящего красавца. Вы похожи на него в профиль, но волосы у него были светлее. Вообще я не могу сразу сказать, нравится мне кто-нибудь или нет, мне надо узнать его поближе…

Она продолжала, но я отвлекся, поймав себя на опасных мыслях. Когда она прервалась, чтобы отпить газировки, мои глаза сами собой переключились с ее лица на прочие части ее фигуры. Подражая американкам, она закинула ногу на ногу, и подол юбки поднялся, открывая прелестный вид на отличную ножку. Всё бы хорошо, но, когда я осознал, что голубоглазый атлет напротив устремил свой взгляд мимо книжки ровно на тот же объект, что так меня заинтересовал, я испытал недружелюбные чувства, и это меня встревожило. Вместо того чтобы обрадоваться, что не только я, но и сосед не упустил возможности оценить такую красоту, я понял, что желаю ровно двух вещей: смерить атлета недовольным взглядом и велеть ей одернуть юбку!

Я взял себя в руки и принялся размышлять логически. Я имел бы право возмущаться чужими взглядами и желать запретить их, либо если бы эта ножка была моей собственностью, либо если бы я намеревался в скором времени ее заполучить. Первое, очевидно, не соответствовало действительности, а начать желать второго было бы крайне опасно, поскольку существовал лишь один способ достичь желаемого, приличествующий ситуации в целом.

Она продолжала говорить. Вопреки своим привычкам, я быстро опустошил стакан, подождал, пока она остановится, и повернулся к ней так, чтобы не утонуть ненароком в ее темных глазах.

— Совершенно верно, — сказал я. — Чтобы как следует узнать человека, нужно время. Что можно сказать о том, кого не знаешь? Взять любовь с первого взгляда, это же курам на смех. Это не любовь, а просто сильное желание познакомиться поближе. Никогда не забуду, как познакомился со своей женой на Лонг-Айленде. Я сбил ее машиной. Она почти не пострадала, но я поднял ее и отвез домой. А вот когда она подала на меня в суд за ущерб на двадцать тысяч долларов, тут-то я, можно сказать, и влюбился. Ну а потом случилось неизбежное, и пошли дети, Кларенс, и Мертон, и

Изабель, и Мелинда, и Патриция, и…

— Я думала, Вукчич сказал, что вы не женаты!

— Я не посвящаю Вукчича в свою личную жизнь, — отмахнулся я. — Мы никогда не говорили с ним о семьях. В Японии, например, мужчины считают неприличным справляться о чужих женах и здоровье, так же, как у нас неприлично указывать другому, что он лысеет, или спрашивать, как ему до сих пор удается надевать носки без посторонней помощи.

— Так вы женаты!

— Еще как, и очень счастливо.

— А как зовут остальных детей?

— Ну… старших я перечислил, а остальные так, карапузы.

Мы продолжили болтать, но атмосфера поменялась. Я с грустью думал, что успешно отполз от края бездны. Вскоре произошло еще кое-что. Не спорю, возможно, это было просто случайностью, но опишу как я это увидел. Она сидела вполоборота ко мне, ее правая рука, в которой она держала стакан с недопитой газировкой, протянулась по спинке стула в сторону голубоглазого атлета. Я готов поклясться, что она не отводила от меня взгляда, но стакан тем временем потихоньку наклонялся, и, когда я заметил, что происходит,

было уже поздно: газировка пролилась на темно-серые брюки соседа. Я прервал ее и потянулся за стаканом, она повернулась и вскрикнула. Атлет покраснел и полез за носовым платком. Повторяю, я готов согласиться на случайность, но все же какое совпадение: как только она узнала, что один женат, то принялась лить газировку на другого!

— Ох, я надеюсь пятна не будет? Si gauche! Извините, пожалуйста, я не думала, не видела…

— Не беспокойтесь, право, право, не п-пескобойтесь, п-пятна не дудет!.. — залепетал атлет.

Ну и так далее. Я наслаждался сценой. Но он быстро взял себя в руки и уже через минуту перестал нести чепуху, успокоился и обратился ко мне с членораздельной речью:

— Ничего страшного не произошло, сэр, сами видите. Все в порядке. Позвольте представиться, меня зовут Толман, Барри Толман. Я прокурор округа Марлин в Западной Вирджинии.

Итак, он был стервятником от политики. Но, несмотря на то, что мои воспоминания о встречах с прокурорами не отличались особой нежностью, я не видел смысла грубить. Я представился, назвал свое занятие, представил ему Констанцу и предложил оплатить ему выпивку в счет проли-

той на него.

Себе я заказал второй стакан молока, последний перед сном, и, прихлебывая его, удерживал себя от участия в развитии нарождающейся дружбы справа от меня. Только поддакивал иногда, чтобы не показаться угрюмым. Когда мой стакан опустел наполовину, мистер Барри Толман сказал:

— Простите, я случайно услышал, как вы упомянули Сан-Ремо. Я там не бывал. В 1931 я ездил в Ниццу и Монте-Карло, и кто-то, уже не помню кто, сказал, что я обязательно должен посетить Сан-Ремо, что это прекраснейшее место на Ривьере, но я не поехал. Теперь я вполне верю в это.

— О, вам надо было съездить! — я с радостью вновь услышал в ее голосе низкие нотки. — Там чудесные холмы, покрытые виноградниками, и море!

— Да, разумеется. Я обожаю красивые пейзажи. А вы, мистер Гудвин, обожаете… — в воздухе раздался хлопок, и нас ненадолго оглушил шум проносившегося мимо встречного поезда, — …красивые пейзажи?

— Еще бы, — кивнул я и отхлебнул молока.

— Как жаль, что сейчас ночь, — сказала Констанца. — Иначе я бы глядела в окно на Америку. Мы проезжаем Скальные, то есть Скалистые

горы?

Толман не стал смеяться. Я знал, даже не глядя в его сторону, что он уже утонул в темных глазах. Он объяснил, что нет, Скалистые горы находятся в полутора тысячах миль от нас, но местность, по которой мы едем, тоже заслуживает внимания. Он рассказал, что был в Европе трижды, но, кроме исторических мест, с Америкой там ничто не сравнится. В его родной Западной Вирджинии найдутся горы, про которые никто не скажет, что они хуже швейцарских. Он ничего не видел лучше родной долины, особенно места, где теперь находится знаменитый курорт «Канова».

— Но я как раз и еду на курорт «Канова»! — воскликнула Констанца.

— Я… я на это и рассчитывал, — он покраснел. — Я имею в виду, что три из этих вагонов направляются в «Канову», и я надеялся, что вы тоже… что я вас еще встречу, хотя, конечно, я не вращаюсь в тамошних кругах.

— А мы познакомились уже в поезде. Я там надолго не задержусь, но раз вы сказали, что там лучше, чем в Европе, то теперь я не могу дождаться, чтобы проверить. Должна вас предупредить, что очень люблю Сан-Ремо и море. А вы ездили в Европу с женой и детьми?

— Ну право слово, — опешил он, — разве я выгляжу на возраст, в котором у человека уже есть жена и дети?

Рот закрой, остолоп, подумал я. Мой стакан опустел, и я поднялся.

— Прошу прощения, я пойду и проверю, не выпал ли мой босс из окна. Я скоро вернусь, мисс Беррэн, и отведу вас к отцу. Не можете же вы научиться вести себя по-американски за один день.

Мой уход их нисколечко не огорчил.

В следующем вагоне по ходу поезда я столкнулся с Жеромом Беррэном. Он остановился, так что пришлось остановиться и мне.

— Где моя дочь? — взревел Беррэн. — Вукчич бросил ее одну!

— С ней все в порядке, — я ткнул пальцем через плечо, — она в вагоне-ресторане, беседует с моим другом, которого я ей представил. А как там мистер Вульф?

— Откуда я знаю, мы распрощались.

Он протиснулся мимо меня, и я продолжил путь.

Вульф сидел в одиночестве, широко раскрыв глаза, и, продолжая держаться за подлокотники, являл собой жалкое зрелище. Я встал посреди купе и задумчиво оглядел его.

— Приезжайте в Америку! Отдыхайте и развлекайтесь на наших курортах! Ни малейших сквозняков в поездах, едет мягко, словно чайка летит! — продекламировал я.

— Заткнись.

Но не мог же он сидеть так всю ночь. Настало время действий. Я вызвал проводника, и он расстелил постель. Потом я подошел к Вульфу и… Но нет.

В одном старинном романе, который как-то попал мне в руки, рассказывалось, как милая юная девушка входит вечером в спальню и тонкими пальчиками берется за верхнюю пуговку платья. «Но теперь, читатель, мы должны удалиться, — продолжал рассказчик. — Не будем подсматривать за девичьими тайнами и смущать невинность пошлым любопытством. Мир скрылся под вуалью ночи, набросим же и мы вуаль».

Сгодится.

2

— Не думал, что выслеживать мальчишку, кидающегося камнями, подходящее занятие для сыщика при таком престижном курорте, — заметил я.

Гершом Оделл сплюнул сквозь зубы на огромный папоротник, росший в десяти футах от того места, где мы сидели на траве.

— Это точно. Но я ж говорю, все эти важные птицы выкладывают от пятнадцати до пятидесяти баксов в день за честь ночевать в этом караван-сарае и писать письма на фирменной бумаге курорта «Канова». И им не нравится, когда какой-то черномазый кидается камнями и портит им конную прогулку. Не мальчишка, а черномазый. Месяц назад одного из гаража погнали, так на него думают.

Сквозь листву деревьев пригревало солнышко, я зевнул и решил проявить вежливый интерес:

— Где это произошло, прямо здесь?

— Вон там, по ту сторону тропы, — показал он. — И оба раза в Креслера, ну, знаешь, авторучки Креслера, он еще дочь за Уиллета выдал,

за посла.

С тропы послышался приближающийся стук копыт, и вскоре из-за поворота показалась пара породистых, но вполне симпатичных лошадок. Они прорысили так близко, что я бы удочкой дотянулся. На одной ехал модный парень в клетчатом пиджаке кричащей расцветки, а на другой — дама, достаточно состарившаяся и растолстевшая, чтобы в любой момент пойти на подвиг служения ближним.

— Это миссис Джеймс Фрэнк Осборн, из Балтимора, судостроение и сталь, а с ней Дейл Чапман, неплохо мухлюет в бридж. А вот наездник из него никакой, вон как поводья дергает.

— Да? Не заметил. Я смотрю, ты тут всех знаешь.

— На этой работе по-другому никак. — Он снова плюнул в папоротник, почесал в затылке и сунул в зубы травинку. — Я тут почти всех знаю, кто сюда приезжает. Ну, не всегда. Взять вот ваших, например. Откуда они взялись вообще? Я так понял, наш шеф-повар пригласил толпу таких же, как он. Но с каких это пор в «Канове» открыли курсы домоводства?

Я покачал головой. — Не моя компания, мистер.

— Ты с ними приехал.

— Нет, я с Ниро Вульфом.

— Так он с ними.

— А вот и нет, — ухмыльнулся я, — не сию минуту. Сейчас он в номере 60, спит себе в кроватке. Похоже, в четверг мне придется усыплять его хлороформом, чтобы затащить на поезд домой. — Я потянулся на солнышке. — А вообще повара не самая плохая компания.

— И то верно, — не стал он спорить. — Откуда они все понаехали-то?

Я достал из кармана журнальную страницу, вырезанную из приложения к «Таймс», развернул и перед тем, как передать ему, взглянул еще раз и сам:

LES QUINZE MAÎTRES

Жером Беррэн, «Корридона», Сан-Ремо

Леон Блан, клуб «Уиллоу», Бостон

Рэмзи Киф, отель «Гастингс», Калькутта

Филипп Ласцио, отель «Черчилль», Нью-Йорк

Доменико Росси, кафе «Эмпайр», Лондон

Пьер Мондор, «У Мондора», Париж

Марко Вукчич, «У Рустермана», Нью-Йорк

Сергей Валленко, Шато Монкам, Квебек

Лоренс Койн, «Раттан», Сан-Франциско

Луи Серван, курорт «Канова», Западная Вирджиния

Ферид Халдах, кафе «Европа», Стамбул

Анри Тассон, отель «Шепеард», Каир

Скончались:

Арман Флери, «У Флери», Париж

Паскуале Донофрио, «Эльдорадо», Мадрид

Жак Балэн, отель «Изумруд», Дублин

Оделл не стал утруждать себя чтением длинной статьи и принялся разбирать имена и адреса, указанные в начале, двигая головой влево-вправо.

— Имен-то сколько, на футбольную команду хватит, — хмыкнул он. — За какие заслуги их напечатали-то? И что это значит, сверху, лес квинзи что-то там?

— Это по-французски. — Я произнес как следует. — Это означает «Пятнадцать мэтров». Эти ребятки весьма знамениты. Один из них такие со-

сиски готовит, что люди на дуэлях дерутся, чтобы только попробовать. Скажи ему при случае, что ты сыщик, и спроси рецептик, он с удовольствием поделится. Каждые пять лет они собираются на территории самого старшего из них, поэтому в этом году они и приехали в «Канову». Каждый имеет право пригласить одного гостя. Ниро Вульфа пригласил Серван, а чтобы я смог его сопровождать, меня пригласил Вукчич. Здесь их всего десять. С прошлого раза трое умерло, а Халдах и Тассон не смогли приехать. Они собираются готовить, есть, пить, врать, выбрать трех новых членов сообщества и прослушать речь Ниро Вульфа. Ах да, еще: одного из них убьют.

— Неплохо, неплохо. — Оделл снова сплюнул. — Которого?

— Филиппа Ласцио, из нью-йоркского «Черчилля». В статье указано, что он получает шестьдесят тысяч баксов в год.

— И не такое случается. А кто его убьет?

— Да все поочередно. Могу продать билеты в первый ряд. Советую передать портье, чтобы получили по счету заранее, а то потом можно и не дождаться… Ах, что я вижу! И всего-то пара капель имбирной газировки, а какой эффект!

По тропе прорысили всадник и всадница. Они

смотрели друг на друга, сияя улыбками на разрумянившихся лицах. Ветерок отнес в нашу сторону пыль из-под копыт.

— Кто эта сладкая парочка? — спросил я Оделла.

— Прокурор нашего округа Барри Толман. Его послушать, так в президенты метит, — хмыкнул он. — Девчонка ведь с вами приехала? Ничего так, симпатичная. А при чем тут имбирная газировка?

— Да ни при чем, — отмахнулся я. — Так, забытая цитата из Чосера. В этих двоих кидать камнями бесполезно, им и лавина нипочем. Кстати, в чем там дело с охраной от камнеметателей?

— Да ни в чем, работа как работа.

— Ну да, работа, как же. Я ведь и сам сыщик. Во-первых, пока мы тут сидим, никто бросаться камнями не будет. Тут маршрут в шесть миль, что ему мешает выбрать место поукромней? Во-вторых, ты говоришь, что это уволенный из гаража негр мстит начальству, но попал он почему-то оба раза в производителя авторучек Креслера. Не дури мне голову. Не мое дело, разумеется, просто хотел показать, что я дурак только по выходным.

Он подозрительно покосился на меня. Потом повернул голову и ухмыльнулся.

— Похоже, ты неплохой парень.

— Конечно! — С энтузиазмом согласился я.

Он продолжал ухмыляться.

— Право слово, грех не рассказать. Знал бы ты этого Креслера! Но дело не только в нем. Меня тут заездили. Впахиваю на них, считай, двойную смену, второго помощника не дают, а с того, что есть, никакого толку, племянничек чей-то. Вот и отдуваюсь с рассвета до заката. Этот Креслер вечно на желчь исходит. Его шофер тырил смазку в гараже, а я его застукал. Ты бы видел, как Креслер злился. Мне черномазый один помог, так он добился, чтобы его уволили, да и меня требовал уволить. Ну я ему и придумал ответочку. Видишь вон тот уступ? Нет, вон там, за елками? Вот оттуда я в него и бросал. И попал, оба раза.

— Ясно. Сильно попал?

— Да что ему сделается. Но плечо расшиб хорошо. Я себе и алиби состряпал на всякий случай. Ну, Креслер из отеля и съехал. Это первый плюс. А второй плюс в том, что теперь я в любое время могу сказать, что иду выслеживать камнеметателя, ухожу сюда на часок-другой, посиживаю да поплевываю. Сяду позаметнее, и мне хорошо, и постояльцам приятно, охрана бдит, мол.

— Неплохая идея, но в конце концов тебе при-

дется или поймать кого, или бросить это дело. Ну или еще пару камней швырнуть.

— Да ты смотри, где уступ, а где тропа! А я точнехонько в плечо попал, смачно так. Не знаю, буду ли я продолжать или нет, но если буду, то уже выбрал, кем займусь. Я тебе ее потом покажу.

Он взглянул на часы.

— Батюшки, уже почти пять часов! Мне пора.

Он вскочил и поспешил вниз. Торопиться мне было некуда, и я лениво побрел следом. Я уже понял, что в «Канове» куда ни ткнись, повсюду сад. Не знаю, кто протирал пыль с листвы и подметал территорию не меньше чем в тысячу акров, но прибрано было на славу. Вокруг главного здания отеля располагалось несколько павильонов и крытый бассейн с горячими источниками. Все это было окружено рядами кустов, газонами и клумбами, а в тридцати ярдах от входа работали три внушительных фонтана.

То, что они называли павильонами, на самом деле было полноценными жилыми корпусами, со своими кухнями и прочим. Как я понял, за соответствующую цену они обеспечивали лучшее убежище от любопытных глаз.

Назывались они по округам Западной Вирджинии. Два из них, «Покахонтас» и «Апшур»

находились всего в ста ярдах друг от друга и соединялись парой дорожек, петляющих между клумб и деревьев. Их и предоставили Пятнадцати, то есть десяти, мэтрам. Номер 60, который дали нам с Вульфом, находился в «Апшуре».

Я беззаботно шагал по дорожке. Вокруг было на что посмотреть, если, конечно, вам по душе природа: розовые соцветия на кустах, которые Оделл назвал горным лавром, журчащий тут и там под деревянными мостиками ручей, какие-то деревья в цвету, птички, что-то вечнозеленое и тому подобная чушь. Ничего не имею против, надо же как-то использовать все это загородное пространство, так пусть уж растет что-нибудь, но разве можно это сравнить с настоящей жизнью где-нибудь на Таймс-сквер или на Центральном стадионе Нью-Йорка!

Ближе к центру, там, где находились павильоны, и особенно вокруг главного здания и горячих источников было чуть веселее. Люди приезжали и уезжали на автомобилях и верхом, а иногда даже шли на своих двоих. Большинство тех, кто шли, были негры в униформе «Кановы»: черных бриджах и ярко-зеленых куртках с большими черными пуговицами. Шныряя по дорожкам, они порой сверкали улыбками, но на людях их лица

сохраняли серьезно-озабоченное выражение.

Я добрался до «Апшура» в шестом часу. Номер 60 находился в дальнем конце правого крыла. Осторожно открыв дверь, я тихонько прокрался через прихожую, дабы не разбудить малютку, но, войдя в комнату Вульфа, обнаружил ее пустой. Три окна, которые я, уходя, приоткрыл, были заперты, вмятина на постели не оставляла никакого сомнения насчет того, кто в ней спал, а одеяло, которым я его накрыл, висело в ногах. Я выглянул в прихожую: шляпы не было. Я зашел в ванную и, злой как черт, принялся намыливать руки. За десять лет я привык с уверенностью ожидать, что Ниро Вульф, как и Статуя Свободы, находится там, где я его оставил в прошлый раз. Ну разве что дом сгорит. Я расстроенно представлял, как он порхает бабочкой вокруг этого итальяшки-сосисочника в надежде полизать ему ботинки.

Умывшись и сменив рубашку, я хотел было прогуляться к главному зданию и поглазеть вокруг, но решил, что Фриц и Теодор меня убьют, если я не верну им Вульфа в целости и сохранности, так что вместо этого я вышел через боковой вход и направился в павильон «Покахонтас».

«Покахонтас» был заметно шикарней «Апшу-

ра»: первый этаж занимали четыре больших помещения, а номера располагались в крыльях и на втором этаже. Еще снаружи я услышал людской шум и, войдя, обнаружил приятно проводивших время мэтров. Мы уже встречались за ленчем, приготовленным и поданным в этом же павильоне, для которого пятеро мэтров состряпали по блюду и который я съел без малейших усилий над собой. А ведь за десять лет поедания яств Фрица Бреннера под руководством Ниро Вульфа я привык к высоким стандартам.

Я позволил одной зеленой куртке открыть мне дверь, доверил другой шляпу и пошел искать мою упорхнувшую бабочку. В правой гостиной, с мебелью темного дерева и коврами и прочими штуками на стенах — «Покахонтас» был оформлен в индейском стиле, — три пары танцевали под радио. Невысокая стройная брюнетка с алебастровой кожей и томными миндалевидными глазами прижалась к здоровенному светловолосому увальню под пятьдесят со шрамом под ухом. Его звали Сергей Валленко, а ее — Дина Ласцио. Она была дочерью Доменико Росси и одно время женой Марко Вукчича, у которого, согласно Жерому Беррэну, ее и украл Ласцио. Низкорослая черноглазая и усатая толстушка, напоминающая

утку, звалась Мари Мондор, а ее лупоглазый круглолицый партнер, не уступающий ей ни в возрасте, ни в весе, был Пьер Мондор, ее муж. Она не говорила по-английски, и я не видел причин, по которым ей бы стоило это делать. Третья пара состояла из шестидесятилетнего коротышки-шотландца с багровым проспиртованным лицом, по имени Рэмзи Киф, и точеной китайской статуэтки с темными глазами, чей возраст я, в силу недостаточного опыта общения с китаянками, не мог определить точнее, чем не старше тридцати пяти. За ленчем она выглядела таинственно и загадочно, не хуже гейш с открыток. Гейши, конечно, японочки, но какая разница. Она звалась Лио Койн и была четвертой женой Лоренса Койна, что, несомненно, являлось внушительным достижением Лоренса, седого как лунь и разменявшего восьмой десяток.

Я заглянул в комнату слева от входа, поменьше. Там почти никого не было. Лоренс Койн храпел на диване в углу, а Леон Блан, «наш дорогой Леон», хмурился на себя в зеркало, словно стараясь решить, пора ли ему бриться. Я прошел в банкетный зал, большой и слегка захламленный мебелью. Помимо длинного стола и стульев там стояли два сервировочных столика, буфет, набитый

невесть чем, несколько ширм с нарисованной Покахонтас, спасающей Джона Смита, и прочее в том же духе. Из банкетного зала вели четыре двери: та, через которую я вошел, двойные двери в большую гостиную, другие двойные двери на боковую террасу и дверь, ведущая в буфетную и дальше на кухню.

Были там и люди. Марко Вукчич сидел у стола, курил сигару и читал телеграмму, качая головой. Жером Беррэн с бокалом в руке беседовал с благообразного вида седоусым морщинистым старцем — Луи Серваном, старейшиной мэтров и нашим хозяином в «Канове». У открытой стеклянной двери на террасу, на стуле, который был ему явно мал, сидел Ниро Вульф, неловко откинувшись назад, чтобы своими полуприкрытыми глазами видеть лицо стоявшего над ним собеседника. Это был Филипп Ласцио — коренастый крепыш с волосами, едва тронутыми сединой, гладко выбритый, с проницательным взглядом и неуловимо скользкий. По одну руку Вульфа стоял столик со стаканом и парой бутылок пива, а по другую, почти взобравшись к нему на колени, сидела Лизетта Путти. Хотя ее положение было весьма сомнительным, ее привлекательность уже завоевала ей друзей. Она была гостьей Рэмзи

Кифа из далекой Калькутты, представившего ее как свою племянницу. Вукчич рассказал мне, как после ленча Мари Мондор возмущенно пыхтела, что она просто уличная девка, которую Киф подобрал в Марселе, но, в конце концов, рассудил Вукчич, может же у человека по фамилии Киф быть племянница по фамилии Путти, и даже если это и не так, то Киф же за нее платит, так что всё в порядке. С точки зрения приличий звучало это не очень-то, но меня не касалось.

Пока я шел к ним, Ласцио закончил свой монолог, и Лизетта затрещала по-французски что-то насчет толстых коричневых печенюшек на тарелке в ее руках. В ту же секунду из кухни раздался вопль, мы повернулись и увидели, как в дверь ворвался Доменико Росси с дымящейся тарелкой в одной руке и длинной ложкой в другой.

— Оно свернулось! — Завизжал он, подбегая к нам и тыча тарелкой под нос Ласцио. — Посмотри на эту мерзкую жижу! Что я тебе говорил, а? Посмотри! Ты мне должен сто франков. Дьявол тебя раздери, зять называется! Вдвое старше меня, а таких простых вещей не знает!

Ласцио невозмутимо пожал плечами.

— Вы согрели молоко?

— Я что, способен забыть такую простую вещь?

— Ну, тогда может яйца были несвежие.

— Луи! — Росси крутанулся и ткнул ложкой в Сервана — ты слышал? Он говорит, что у тебя бывают несвежие яйца!

Серван засмеялся:

— Но ведь если ты сделал все как он сказал, а молоко свернулось, то ты выиграл сотню франков, что ж тут плохого?

— Но все же испортилось, хорошие продукты псу под хвост! — продолжал возмущаться Росси. — Эти ваши новомодные идеи ничего не стоят. Лучше уксуса еще ничего не придумали.

— Я оплачу долг, — негромко сказал Ласцио. — Завтра я покажу вам, как надо.

Он резко повернулся, прошел к двери в большую гостиную и открыл ее. Оттуда послышались звуки радио. Росси пробежал вокруг стола показать жижу Сервану и Беррэну. Вукчич засунул телеграмму в карман и подошел посмотреть. Лизетта заметила мое присутствие, ткнула в меня своей тарелкой и что-то сказала. Я широко улыбнулся ей и ответствовал:

— Робин Бобин кое-как подкрепился натощак. Съел теленка…

— Арчи, — приоткрыл глаза Вульф. — Мисс Путти говорит, что мистер Киф собственноручно

приготовил эти вафли из ингредиентов, привезенных им из Индии.

— Вы их пробовали?

— Да.

— Вкусно?

— Нет.

— Тогда объясните ей, пожалуйста, что я не перекусываю перед едой.

Я прошел к двери в гостиную и встал рядом с Филиппом Ласцио. Из трех танцующих пар он видел только одну. Мамаша и папаша Мондоры запыхались, но не снижали темпа. Рэмзи Киф и гейша смотрелись забавно, но их это явно не беспокоило, а Дина Ласцио и Валленко продолжали прижиматься друг к другу. Но вскоре им пришлось разомкнуть объятья. Рядом со мной назревала буря. Ласцио стоял неподвижно, и я не видел, чтобы он шевельнул хоть пальцем, но ему удалось передать двум танцующим свое отношение к происходящему. Они резко остановились, Дина прошептала что-то партнеру и направилась к мужу. Я отодвинулся, но они не обратили на меня никакого внимания.

— Хочешь потанцевать, дорогой? — спросила она.

— Ты прекрасно знаешь, что не хочу. И ты не

танцами занималась. — Он криво усмехнулся.

Валленко подошел к ним, перевел взгляд с одного лица на другое, расхохотался и сильно хлопнул Ласцио по плечу:

— Ай, Ласцио, ай, дружище! Благодарю вас, мадам! — он отвесил ей поклон и удалился.

— Филипп, милый, если ты не хотел, чтобы я танцевала с твоими коллегами, то мог бы и сказать. Не такое уж это и удовольствие…

Эти двое явно во мне не нуждались, и я вернулся в банкетный зал, сел и следующие полчаса просто наблюдал за этим зверинцем. Из малой гостиной вышел Лоренс Койн. Он протер глаза, расчесал усы пальцами и взревел так, что окна затряслись: «Лио!» Его жена-китаянка просеменила к нему из соседней комнаты, усадила в кресло и примостилась у него на коленях. Пришел Леон Блан, сразу заспорил о чем-то с Беррэном и Росси и скрылся с ними на кухне. Было около шести, когда в зал впорхнула Констанца, уже не в костюме для верховой езды. Она огляделась, и, когда никто не обратил внимания на ее приветствия, прошла ко мне с Вукчичем и спросила, где ее отец. Я ответил, что он на кухне, обсуждает лимонный сок. При свете дня темные глаза были еще более притягательны.

— Пару часов назад я видел вас среди лошадок, — заметил я. — Будете газировку с имбирем?

— Нет, спасибо. — Она улыбнулась мне как добродушному дядюшке. — С вашей стороны было очень мило сказать папе, что мистер Толман — ваш друг.

— Не стоит благодарности. Я видел, как вы юны и неопытны, и решил немного помочь. Как оно, складывается?

— Складывается?

— Неважно, — махнул я рукой. — Лишь бы вам было хорошо.

— Просто замечательно! Мне так нравится Америка! Да, наверное, я выпью газировки. Не беспокойтесь, я сама. — Она прошла вокруг стола к кнопке вызова официанта.

Я был уверен, что сидевший по соседству Вукчич не слышал ни единого слова из нашего разговора. Он неотрывно смотрел на свою бывшую жену, сидевшую рядом с беседующими Ласцио, Серваном и Вульфом. Он и за ленчем так на нее смотрел. Также я заметил, что Леон Блан аккуратно избегает Ласцио и ни единым словом не обменялся с тем, кто, согласно Беррэну, украл у него работу в отеле «Черчилль». Сам Беррэн постоянно сверлил Ласцио гневным взглядом

в упор, но тоже не заговаривал с ним. Вкупе с фырканьем мамаши Мондор в адрес Лизетты Путти все это создавало довольно напряженную атмосферу. В воздухе витали профессиональная зависть, разногласия по поводу салата-латука и уксуса, коллективное осуждение Ласцио и, не в последнюю очередь, сладострастная дымка, окутывавшая Дину Ласцио. Я всегда считал, что образ женщины-омута — когда троекратный взмах ее ресниц бесповоротно затягивает вас в трясину и сопротивление бесполезно — действует лишь на неопытных простофиль. Но я не мог не признать, что Дина Ласцио не нуждалась в том, чтобы проливать газировку на чьи-то брюки. И если она заимела на тебя виды, а за окном дождь и некуда идти, то так просто от нее не отшутиться.

Я смотрел, слушал и ждал, пока Вульф подаст признаки жизни. В седьмом часу он поднялся на ноги, я вышел за ним через террасу, и мы проследовали по дорожке в «Апшур». Учитывая его невыносимые страдания в поезде, передвигался он вполне сносно.

В номере 60 побывала горничная: кровать была заправлена, одеяло сложено в шкаф. Я прошел к себе в комнату и через некоторое время вернулся к Вульфу. Он сидел у окна, откинувшись на спин-

ку почти достаточно вместительного кресла. Брови его были нахмурены, а руки сцеплены на животе. Выглядел он жалко. Фрица нет, атласа поизучать нет, орхидей, чтобы повозиться, нет, даже крышек от пивных бутылок посчитать нет! Я пожалел, что обед не предполагал формальностей, ибо три или четыре мэтра его и готовили, потому что процесс запихивания Вульфа в парадный костюм заставил бы его забыть об остальных неудобствах. Под моим взглядом он вздохнул так тяжко, что у меня слезы навернулись на глаза, и, чтобы не расплакаться, я заговорил:

— Вы слышали, что на завтрашний ленч Беррэн приготовит колбаски минюи?

Молчание.

— Хотите, полетим домой на самолете? — предложил я. — Тут рядом аэродром, и один борт всегда готов к полету на случай внезапного заказа. Шестьдесят баксов до Нью-Йорка, всего четыре часа.

Молчание. Я продолжил:

— Прошлой ночью в Огайо с рельс сошел товарный состав. Сто свиней передавило!

Он открыл глаза и начал было вставать, но его рука соскользнула с подлокотника, и он плюхнулся обратно.

— Ты уволен с момента нашего возвращения домой в Нью-Йорк, — объявил он. — Возможно. Дома поговорим.

Он явно приходил в себя, и я широко ухмыльнулся.

— Это мне вполне подходит. Я все равно собираюсь жениться. Что вы думаете о малышке Беррэн?

— Тьфу.

— Фукайте сколько угодно. Думаете, десять лет жизни с вами убили во мне все чувства? Думаете, я неподвластен…

— Тьфу!

— Что поделать, вчера вечером в вагоне ресторане мне было откровение. Может, вы и не заметили, какая она красотка, вам-то до женщин дела нет. Конечно, я еще не открылся ей. Не могу я же просить девушку выйти замуж за простого частного сыщика. Но я решил сменить ремесло и доказать, что достоин ее…

— Арчи. — Он выпрямился и в его голосе зазвучали угрожающие нотки. — Всё ты врешь. Посмотри мне в глаза!

Я постарался выдержать твердый взгляд и уже думал, что шутка удалась, но его веки опустились, и я понял, что потерпел поражение. Мне

оставалось только широко ухмыльнуться.

— Чтоб тебя! — облегченно выдохнул он. — Ты представляешь, что такое брак? Девяносто процентов мужчин старше тридцати лет женаты, и представляют собой жалкое зрелище! Ты понимаешь, что жена начнет настаивать на том, чтобы тебе готовить? Ты знаешь, что все женщины без исключения верят в то, что путь еды до желудка значения не имеет? Ты можешь себе представить, что женщины никогда… Кто там?

Стук в дверь раздался уже во второй раз, погромче. В первый раз я проигнорировал его, потому что не хотел прерывать Вульфа. Я прошел через гостиную и открыл дверь. И, хотя меня редко застают врасплох, замер в изумлении. На пороге стояла Дина Ласцио.

Ее глаза казались больше обычного, и в них не было обычной поволоки.

— Можно войти? — спросила она низким голосом. — Мне надо видеть мистера Вульфа.

Я отступил, давая ей пройти, закрыл дверь и указал на комнату Вульфа:

— Сюда, пожалуйста, — и пропустил ее вперед.

Единственной эмоцией, отразившейся на лице Вульфа при виде Дины Ласцио, было узнавание.

— Польщен, мадам, — кивнул он ей. — Прошу

меня извинить, я позволяю себе не вставать. Придвинь кресло, Арчи.

Она беспокойно огляделась.

— Мистер Вульф, могу я поговорить с вами наедине?

— Боюсь, что нет. Мистер Гудвин мой доверенный помощник.

— Но я… — Она продолжала стоять — Мне трудно довериться даже вам…

— Ну что ж, мадам, если вам так трудно… — Вульф не стал договаривать.

Она сглотнула, опять взглянула на меня и шагнула к Вульфу. — Но еще труднее… Мне необходимо рассказать хоть кому-нибудь, я столько слышала о вас от Марко, еще тогда, давно… Мне больше не к кому обратиться. Кто-то пытается отравить моего мужа.

— Неужели? — Вульф слегка прикрыл глаза. — Садитесь. Пожалуйста. Согласитесь, миссис Ласцио, что беседовать проще сидя.

3

Женщина-омут опустилась на подставленное мной кресло, а я с деланно-безразличным видом прислонился к спинке кровати. Такое развитие событий вполне могло разогнать здешнюю скуку и оправдать предчувствия, заставившие меня сунуть в сумку пистолет и пару блокнотов.

— Да, конечно, — согласилась она. — Вы ведь старинный друг Марко и, наверное, думаете, что я поступила плохо, когда я… ушла от него. Но из чувства справедливости… сострадания…

— Мадам, это слабые аргументы, — бесцеремонно перебил ее Вульф. — Мало у кого хватает мудрости на справедливость или свободного времени на сострадание. И к чему вы упомянули Марко, вы считаете, что это он травит Ласцио?

— Нет, конечно! — Ее рука взлетела с колена и опустилась на подлокотник. — Только мне очень жаль, что вы предубеждены против меня с мужем, а я решилась вам рассказать, ведь больше некому…

— Вы сообщили мужу о том, что его травят?

Она качнула головой, слегка изогнув губы. —

Это он сообщил мне сегодня. Вы, конечно, знаете, что несколько мэтров готовили блюда к ленчу. Филипп делал салат, и объявил, что приготовит к нему заправку «ручеек на лугу», его собственного изобретения. Все знают, что он смешивает сахар, лимонный сок и сметану за час до еды и пробует целыми ложками. Ингредиенты разместили на столике в углу кухни: лимоны, миску сметаны и сахарницу. В полдень он начал готовить. По привычке, он насыпал сахар на ладонь и попробовал его. Сахар был несладкий и хрустел на зубах как песок. Он насыпал немного в кастрюлю с водой, и мелкие крошки остались плавать по поверхности и не утонули даже после размешивания. Он налил в бокал немного шерри, всыпал сахар туда, но он почти не растворился. Если бы он принялся за готовку и попробовал ложку-другую, он бы отравился насмерть. В сахаре было полно мышьяка!

— Или муки, — буркнул Вульф.

— Муж сказал, мышьяк. Он не почувствовал вкуса муки.

— Это легко установить с помощью соляной кислоты и медной проволоки. Вы не принесли сахар, где он?

— На кухне, полагаю.

Вульф воззрился на нее с изумлением.

— И пойдет нам на обед? Мадам, вы говорили о сострадании…

— Нет-нет, Филипп высыпал сахарницу в раковину, и негр наполнил ее заново, на этот раз сахаром.

— Неужели? — Вульф уселся поудобнее и снова прикрыл глаза. — Удивительно. Несмотря на то, что он был уверен, что там мышьяк, он не показал его Сервану, никому, кроме вас, не рассказал об этом, и даже не сохранил его в доказательство? Удивительно!

— Мой муж — удивительный человек. — Луч солнца упал на ее лицо из окна, и она слегка подвинулась. — Он сказал, что Серван — его друг, он не хочет создавать ему проблемы, и запретил мне говорить об этом. Он самолюбив, и у него сильный характер. Он не сомневается, что достаточно умен, силен и опытен, чтобы справиться с любым противником.

Она подалась вперед и протянула руку:

— Я обращаюсь к вам, мистер Вульф, мне страшно!

— Чего же вы от меня хотите? Разобраться, кто подсыпал мышьяк в сахар?

— Да. То есть нет, вряд ли вы его найдете, а если

и найдете, то мышьяк-то уже выбросили. Я хочу оградить мужа от опасности.

— Но, мадам, — брюзжащим тоном начал Вульф. — Если убийца не дурак, то он своего добьется. Нет ничего проще, чем убить человека. Проблемы возникают при попытках уйти от ответственности. Боюсь, мне нечего предложить вам. А оберегать человека против его воли еще сложнее. Вы считаете, что вам известно, кто отравил сахар?

— Нет. Но вы же можете что-то сделать…

— Уж не Марко ли? Я могу его спросить, он ли это был.

— Нет! Не говорите Марко, вы обещали не рассказывать…

— Я не обещал ничего подобного. Простите за грубость, миссис Ласцио, но не надо делать из меня идиота. Если вы опасаетесь отравления, то вам нужен дегустатор, а я им не являюсь. Если физического насилия, то следует нанять телохранителя, и это тоже не по моей части. Перед тем, как он сядет в автомобиль, необходимо проверить в нем все узлы и гайки. Когда он будет гулять по улице, следует контролировать все окна и крыши и никому не позволять приближаться. Если он пойдет в театр…

Женщина-омут встала.

— Вы издеваетесь надо мной. Мне очень жаль.

— Это вы принялись издеваться…

Но она не стала дослушивать. Я сделал шаг к двери, но она уже открывала ее, ну а раз так, то я позволил ей и входную открыть самостоятельно. Дождавшись, пока она закроет ее за собой, я вернулся в комнату Вульфа и картинно нахмурился. Как выяснилось, зря: глаза у него были закрыты. Я обратился к его большой круглой физиономии:

— Разве можно так обращаться с дамой? Ведь выполнить ее просьбу легче легкого. Все, что нам нужно сделать, это нырнуть в реку под сточные трубы и плавать кругами, пока не почувствуем вкус мышьяка.

— У мышьяка нет вкуса.

Я сел.

— Ну хорошо. Думаете, она сама намеревается его отравить и заранее отводит от себя подозрения? Или она и в самом деле боится за мужа и мечется в попытках спасти его? Или это Ласцио пудрит ей мозги, играя на ее чувствах? Видели бы вы, каким взглядом он смотрел, когда она танцевала с Валленко. Как смотрел Вукчич, полагаю, вы видели: как мотылек в сачке в лучах прожекторов. Или кто-то и впрямь додумался подсыпать

мышьяк в общую сахарницу? Между прочим, если вы хотели успеть причесаться и заправить рубашку, то обед через десять минут. Кстати, вы знаете, что за пять баксов в день можно нанять персонального лакея? Клянусь, я как-нибудь попробую и закажу на вечер. При должном уходе я буду отлично выглядеть.

Я зевнул — недостаток сна и свежий воздух брали свое. Вульф заговорил не сразу:

— Арчи. Тебе известно, что планируется этим вечером?

— Нет. Что-нибудь особенное?

— Да. Господа Серван и Киф заключили нечто вроде пари. Через некоторое время после обеда будет проведен эксперимент. Зажарят голубей, и мистер Ласцио вызвался приготовить достаточное количество соуса прэнтан. Помимо соли в него входит девять приправ: кайенский перец, сельдерей, лук-шалот, шнит-лук, кервель, эстрагон, черный перец горошком, тимьян и петрушка. Он приготовит соус в девяти вариантах, и в каждом из них будет недоставать одной из этих приправ, всякий раз иной. Блюда с голубями и соусами расставят в банкетном зале, и мы будем заходить туда по одному, чтобы не советоваться друг с другом, пробовать каждый соус с кусочком

голубя и записывать, в каком блюде какой приправы не хватает, где шнит-лука, где перца и так далее. Насколько я понял, мистер Серван поставил на то, что среднее число ошибок не превысит двадцати процентов.

— Ну что ж, — зевнул я. — Я смогу отличить, где не хватает голубя.

— Ты не участвуешь. Только члены общества Les Quinze Maîtres и я. Это будет интересный и полезный опыт. Основная трудность будет со шнит-луком и шалотом, но я думаю, что смогу их различить. За обедом я буду пить вино, и, разумеется, не сладкое. Но я подумал, что, возможно, нелепая история миссис Ласцио как-то связана с этим пари. Соус будет готовить мистер Ласцио. Ты знаешь, что меня не так просто запугать, но я приехал сюда встретиться с мастерами своего дела, а не быть свидетелем убийства одного из них.

— Вы приехали сюда научиться готовить сосиски. Но не будем о грустном. Однако какая ж тут может быть связь, убить-то собираются Ласцио, а не дегустаторов. Впрочем, пробуйте лучше последним, а то как я вас в этой деревне лечить буду?

Он прикрыл глаза и вскоре снова поднял веки.

— Мне не нравятся россказни о подсыпанном в

еду мышьяке. Который час?

Достать часы из кармана и то лень. Я сообщил ему точное время, он вздохнул и начал приготовления к подъему из кресла.

Обед в павильоне «Покахонтас» прошел на ура, хотя и довольно бурно. Бульон авторства Луи Сервана только выглядел обыкновенным консоме. Серван превзошел себя и, когда его засыпали поздравлениями, было приятно смотреть, как его благородное морщинистое лицо краснеет от удовольствия. Рыбу приготовил Леон Блан. Это были маленькие шестидюймовые гольцы, по четыре на брата, под светло-коричневым соусом с капер-сами и привкусом чего-то такого, что не могло быть ни лимоном, ни каким-либо известным мне уксусом. Я так и не понял, что это было, и когда все стали задавать тот же вопрос, Леон Блан лишь разулыбался и сказал, что у этого соуса еще нет названия. Все, кроме меня и Лизетты Путти, ели рыбу целиком, с головой и костями, и Констанца Беррэн справа от меня не отставала от прочих. Посмотрев, как я вынимаю кости, она улыбнулась и заметила, что так я никогда не стану настоящим ценителем высокой кухни, на что я ответил, что из уважения к своей любимой золотой рыбке я не могу пожирать рыбьи лица. Наблюдая, как

она перемалывает своими прелестными зубками рыбьи кости и головы, я порадовался, что мне удалось преодолеть себя и перестать ревновать ее ножки к взглядам посторонних.

Антре Пьера Мондора было настолько вкусным, что я последовал примеру многих других и попросил добавку. Оказалось, что это блюдо давно принесло ему славу и было хорошо известно присутствующим. Констанца рассказала мне, что ее отец прекрасно умеет его готовить и что в основном оно состоит из говяжьего костного мозга, толченых крекеров, белого вина и куриных грудок. Доедая добавку, я подмигнул сидевшему напротив Вульфу, но он не отреагировал, продолжая пребывать на вершине блаженства словно прихожанин в церкви, внимающий проповеди святого Петра. Во время антре Мондоры внезапно устроили скандал и принялись кричать друг на друга. Он вскочил и бросился на кухню, и она помчалась за ним по пятам. Впоследствии я узнал, что она услышала, как он спросил Лизетту Путти, понравилось ли ей его блюдо. Обычно француженки не столь строги в вопросах морали.

На жаркое подали молодую утку а-ля мистер Ричардс, приготовленную Марко Вукчичем. Это блюдо входило у Вульфа в число любимых, и при-

готовленная под его присмотром версия Фрица Бреннера была мне отлично известна. На этот раз я был слишком сыт, чтобы судить как следует, но мэтры как будто начали всё с чистого листа, отхлебнув бургундского в качестве заголовка. Они принялись за новое блюдо так, словно уже давно ждали, чем бы им заморить червячка. Однако я заметил, что женщины, особенно китаянка Лио — жена Койна — и Дина Ласцио, могли лишь слегка клевать свои порции. Я также заметил, что официанты понимали, что перед ними происходит нечто вроде чемпионата мира по кулинарии и гастрономии, но старались не подавать виду. Девять уток были уничтожены подчистую.

Мне показалось, что Вукчич слишком налегает на различные вина. Наверное, именно поэтому он так бурно среагировал на замечания Ласцио по поводу более удачных начинок для утки и дальнейшего сравнения клиентуры отеля «Черчилль» и ресторана «У Рустермана», не в пользу последнего. Я был гостем Вукчича и всегда относился к нему с симпатией, и потому мне было неловко видеть, как он запустил в Ласцио коркой хлеба и попал тому прямо в глаз, но остальные не одобрили его поступок лишь потому, что он оторвал их от еды. Сидевший рядом с Ласцио

Серван не дал скандалу разгореться, а Вукчич осушил очередной бокал и в ответ на все упреки только сверкал глазами. Официант в зеленой куртке убрал хлеб с пола, и все вернулись к утке.

Выход на сцену салата Доменико Росси тоже не обошелся без скандала. Началось с того, что как только его стали разносить, Ласцио поднялся и ушел на кухню, чем весьма оскорбил Росси. Серване пришлось объяснять, что Ласцио пора начинать готовить соус прэнтан для последующего эксперимента, но Росси все ворчал про зятьев-перестарков. Затем Росси заметил, что Пьер Мондор даже не пытается сделать вид, что ест, и возжелал узнать, уж не черви там у него в тарелке. Мондор ответил дружелюбно, но твердо, что всё, что подчеркивает вкус салата, особенно уксус, убивает вкус вина, и что он хочет допить свое бургундское.

— Никакого уксуса здесь нет, — мрачно возразил Росси. — Я вам не варвар.

— Я не ощутил вкуса уксуса. Я отставил тарелку, лишь заслышав аромат салата.

— Я вам говорю, здесь нет уксуса! Этот салат подан в его первозданном виде, как сотворил его Господь. Побеги горчицы и кресс-салата, салат-латук! Луковый сок с солью! Хлебные корочки,

натертые чесноком! В Италии мы едим его из салатниц, запивая кьянти, и благодарим Господа за такое счастье!

— У нас во Франции так не принято, — пожал плечами Мондор. — А Франция, как вам известно, дорогой Росси, главенствует в искусстве гастрономии. По-французски…

— Ха! — Росси встал на дыбы. — Главенствует, потому что мы вас всему и обучили! Потому что в шестнадцатом веке вы вторглись к нам, объели нас и занялись подражательством! Читать умеете? Историю гастрономии изучали? Вообще историю! Всё, что есть хорошего во Франции, всё пришло из Италии! Знаете ли вы…

Вот так и начинаются войны. Но на этот раз удалось сохранить мир. Мондора удержали, Росси принялся за свой салат, и вновь воцарилось спокойствие.

Когда пришла пора подавать кофе, большинство гостей перебрались в большую гостиную, Лоренс Койн опять завалился на диван в малой, а Киф и Леон сели рядом с ним и продолжили беседу. После еды я предпочитаю оставаться на ногах, и потому я принялся бродить по комнатам. Вульф, Вукчич, Беррэн и Мондор уселись в углу большой гостиной и принялись обсуждать утку.

Мамаша Мондор принесла сумку с рукоделием, проковыляла к лампе и взялась за вязание. Лио Койн сидела в кресле поджав ноги, и слушала, что ей рассказывал Валленко. Лизетта Путти доливала Сервану кофе, а Росси хмурился, разглядывая наброшенное на кушетку индейское покрывало, словно подозревая, что оно сделано во Франции.

Дины Ласцио нигде не было видно, и я лениво размышлял, чем она в данный момент занимается: подмешивает яд в еду или просто прошла к себе в номер в левом крыле за питьевой содой. А может, помогает мужу на кухне? Я направился туда. В банкетном зале шли приготовления к эксперименту. Стулья были отодвинуты к стенам, сервировочные столики отгорожены ширмами, на столе свежая скатерть. Я обогнул пару зеленых курток и проследовал на кухню. Дины там не было. Полдюжины народу в белых фартуках не обратили на меня ни малейшего внимания. За прошедший день они привыкли к толкущимся на кухне чужакам. Ласцио, тоже в фартуке, стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и два поваренка по обе стороны ждали его распоряжений. Я был сыт, и царившие вокруг запахи меня не прельщали, так что я вышел через другую дверь и вернулся мимо буфетной в гостиную.

Подали крепкие напитки, я обеспечил себе бокал коньяку, сел поудобнее и стал наблюдать за остальными.

Через некоторое время я понял, что давно не видел Констанцы. Вскоре она вошла из холла, окинула взглядом комнату, подошла ко мне и села, вызывающе закинув ногу на ногу. На ее лице виднелись следы слез, и я подался вперед, чтобы убедиться в этом.

— Вы плакали.

Она кивнула:

— Да, и еще как! Сегодня в отеле танцы, и мистер Толман пригласил меня, а отец не разрешает! А ведь мы в Америке! Вот я и плакала в номере. — Она закинула ногу еще выше. — Отец не любит, когда я так сижу, вот я и села ему назло.

— Ревность к ногам, родительская версия, — буркнул я.

— Что-что?

— Неважно. Садитесь удобнее, он не смотрит. Принести вам коньяку?

Мы приятно болтали, время от времени отвлекаясь на происходящее вокруг. Из холла вошла Дина Ласцио. Она взяла бокал, перекинулась парой слов с мамашей Мондор и прошла к табуретке рядом с радио. Потягивая коньяк, она принялась

возиться с настройками, но ничего не поймала. Через пару минут через комнату промаршировал Вукчич, взял стул и уселся рядом. Она одарила его роскошной улыбкой, но я не мог сказать, в состоянии ли был Вукчич оценить ее в полной мере. Койн, Киф и Блан вернулись из малой гостиной в большую. Где-то в десять вечера нас посетил сам управляющий курортом, мистер Клэй Эшли: безупречного вида господин под пятьдесят без малейшего признака седины в темных волосах. Он обратился к нам с приветствием и уверил в том, что принимать у себя наиболее выдающихся из ныне живущих мастеров великого искусства — большая честь для курорта «Канова». Также он выразил надежду, что мы по достоинству оценим и так далее. В свою очередь, Серван обратился к Вульфу, как к почетному гостю, с просьбой ответить на приветствие, и в кои-то веки Вульфу пришлось встать без определенной цели пойти куда-то. Он произнес несколько подобающих случаю фраз, поблагодарил мистера Эшли и ни словом не упомянул ни поезд, ни сосиски. Эшли представили тем, с кем он еще не был знаком, и он удалился.

Вслед за Вульфом с краткой речью выступил Серван. Он объявил, что всё готово для прове-

дения эксперимента, и объяснил, как он будет проходить. На столе в банкетном зале участников будут ждать на подогревателях девять блюд с соусом прэнтан, и в каждом не будет хватать какой-либо приправы. Также будет блюдо с голубями, тарелки и столовые приборы. Каждый дегустатор сам нарежет себе мяса голубя: пробовать соус без птицы запрещено. Для ополаскивания рта будет предоставлена вода. Каждое блюдо можно пробовать только один раз. Они будут помечены табличками с номерами от 1 до 9. Всем участникам выдадут листочки со списком приправ, которые надо будет пронумеровать согласно их отсутствию в каждом блюде. Ласцио приготовил соус и будет следить за порядком. Те, кто уже завершил дегустацию не должны переговариваться с теми, кто еще будет ждать своей очереди, вплоть до завершения эксперимента. Для удобства порядок дегустации был определен заранее, и Серван зачитал список:

Мондор
Койн
Киф
Блан
Серван
Беррэн

Вукчич
Валленко
Росси
Вульф

Тут же произошла заминка. Когда стали раздавать списки приправ, Леон Блан покачал головой и сказал вежливо, но твердо:

— Прости, Луи, но без меня. Я не высказывал своего мнения о Ласцио, дабы не портить понапрасну настроение всем остальным, но ни при каких обстоятельствах я не стану есть ничего из того, что он приготовил. Он… вы знаете, что он… но лучше я промолчу.

Он развернулся и вышел в холл. Тишину нарушило глухое рычание Жерома Беррэна, который уже взял свой листок.

— Ему же хуже, — хмыкнул Рэмзи Киф. — Милый старый Леон. Все мы знаем… Да какого черта! Пьер, ты первый? От души надеюсь, что ты не угадаешь ни одной! Начинаем, Луи?

Мамаша Мондор подхватила вязанье, засеменила к мужу и затрещала по-французски. Я попросил Констанцу перевести, и она объяснила, что если Мондор хоть один раз ошибется в таком простом деле, то не видать ему прощенья ни от небес, ни от жены. Мондор утешающе, но нетер-

пеливо похлопал ее по плечу и в свою очередь просеменил в банкетный зал, закрыв за собой дверь. Через десять-пятнадцать минут дверь открылась, и он показался снова.

Киф, второй участник пари с Серваном, подошел к нему и требовательно спросил:

— Ну как?

— Нам было сказано не переговариваться. Могу лишь заметить, что я говорил Ласцио, что соли лучше бы поменьше, а он меня не послушал. Но даже так я буду в высшей степени удивлен, если окажется, что я хоть раз ошибся.

Киф повернулся и взревел на всю комнату:

— Лизетта, любимая моя племянница, опаивай их всех ликерами, будь убедительна и неотразима!

— Твоя очередь, Лоренс, — улыбнулся Серван.

Седой старик прошел в банкетный зал. Я понял, что дело затянется надолго. Констанцу позвал отец, и я решил узнать, как это — танцевать с женщиной-омутом. Я подошел в угол с радио, где Вукчич все еще сидел подле нее, но успеха не добился. Она окинула меня равнодушным взглядом своих томных миндалевидных глаз и заявила, что у нее болит голова. Я не хотел сдаваться и пошел искать другую партнершу, но никого

подходящего не нашлось. Лио, китаянка Койна, куда-то незаметно ушла, а Лизетта восприняла указание Кифа слишком буквально и обходила присутствующих с подносом, уставленным рюмками. Приглашать же мамашу Мондор я не решился, опасаясь возможной ревности Пьера. Ну а Констанца… Я вспомнил о детях, что ждут меня дома и представил, как моя рука обвивается вокруг ее талии и желание поближе разглядеть ее глаза и полнее насладиться ее манящим ароматом становится непреодолимым, и решил, что было бы нечестно так поступить по отношению к моему старому другу Толману. Я еще раз неодобрительно взглянул на Вукчича, который сидел рядом с Диной как приклеенный, и устроился в большом кресле, которое освободила Лио Койн.

Кресло оказалось очень удобным, и я прикрыл глаза, но гул голосов вокруг не давал окончательно погрузиться в сон. К тому же в голову лезли назойливые мысли о том, как это им удается после всей этой груды уток и прочих яств умять в себя еще по девять кусочков голубиного мяса в разных соусах. Я проснулся, то есть, конечно, открыл глаза, от громкой музыки. Дина Ласцио склонилась над радиоприемником и выкручивала громкость, а Вукчич стоял нагото-

ве. Она выпрямилась, прижалась к нему, и они закружились в танце. Через минуту их примеру последовали Киф с Лизеттой Путти, а затем и Луи Серван с Констанцей. Я огляделся. Беррэна не было видно, так что, видимо, была его очередь. Я скрыл зевок, слегка потянулся, не поднимая рук, встал и подошел к Вульфу, который беседовал с Пьером Мондором и Лоренсом Койном в углу комнаты. Там стояло свободное кресло, и я его занял.

Вскоре из банкетного зала вышел Беррэн и прошел к нам. Я увидел, как Серван, продолжая танцевать, подал знак Вукчичу, что настала его очередь. Вукчич кивнул, но не показал и виду, что собирается выйти из клинча с Диной. Беррэн хмурился.

— Ну как, Жером? — спросил Койн. — Мы уже оба там были. В номере третьем не хватает шалота, так?

— Мистер Вульф еще не пробовал, — возразил Мондор. — Он идет последним.

— Я не помню, что под каким номером, — проворчал Беррэн. — Мой список уже у Луи. Боже правый, мне стоило большого труда сдержаться в присутствии этого пса с его ухмылкой. — Его передернуло. — Я не смотрел на него. Я ему и слова не сказал.

Они продолжили беседу. Я слушал вполуха, наблюдая за более интересным зрелищем. Серван уже дважды безрезультатно просигналил Вукчичу, что настала его очередь пробовать соусы. Со своего места я мог видеть, как именно Дина улыбается Вукчичу, и от меня не укрылось то, что мамаша Мондор тоже это заметила и начала терять интерес к вязанию. Наконец Серван поклонился Констанце, оставил ее и направился к другой паре танцоров. Его благородство и воспитание не позволили ему применить силу, и он просто встал у них на пути, вынудив их остановиться и разомкнуть объятия.

— С вашего позволения, лучше не нарушать очередность, — произнес Серван.

Похоже, Вукчич успел протрезветь. Во всяком случае, он не хотел грубить Сервану. Он махнул головой, откидывая назад свою гриву, и рассмеялся.

— Но я решил, что не пойду. Я решил присоединиться к бунту Блана. — Чтобы быть услышанным, ему пришлось перекрикивать радио.

— Но, дорогой мой, — мягко возразил Серван. — Мы же цивилизованные люди, а не малые дети.

Вукчич пожал плечами и повернулся к партнерше.

— Как ты думаешь, Дина, мне стоит поучаствовать?

Она подняла на него глаза и шевельнула губами, но недостаточно громко, чтобы я мог расслышать. Он снова пожал плечами, повернулся и вошел в банкетный зал. Она посмотрела ему вслед и снова села у радио, а Серван продолжил танцевать с Констанцей. Через несколько минут, в половине двенадцатого, передача закончилась. Зазвучала реклама жевательной резинки, и Дина выключила приемник.

— Мне поискать другую станцию? — спросила она.

Но желающих танцевать больше не нашлось, и она оставила приемник в покое. В нашем углу Вульф сидел с закрытыми глазами, откинувшись назад, а Койн рассказывал Беррэну о заливе Сан-Франциско. Из холла вошла его жена-китаянка, огляделась, просеменила к нам, сунула Койну под нос указательный палец и велела поцеловать его, потому что она больно прищемила его дверью.

— А я думал, ты гуляешь и любуешься ночью, — заметил он, целуя палец.

— Я и любовалась. Но эта дверь! Больно!

Он снова принялся целовать палец:

— Ах ты мой бедный цветочек, ах ты мой бутон-

чик азиатский! Беги гуляй, дай нам поговорить спокойно.

Она надула губки и отошла.

Вукчич вышел из банкетного зала и направился было к Дине Ласцио. Серван напомнил Валленко, что тот следующий, и Вукчич развернулся к нему.

— Вот мой листок. Я пробовал каждое блюдо по одному разу, как было сказано. Ласцио там нет.

— Как это нет? — удивился Серван. — А где же он?

Вукчич пожал плечами.

— Я не смотрел, может, на кухне?

— Рэмзи! — окликнул Кифа Серван. — Филипп ушел с поста! Остались только Валленко, Росси и мистер Вульф, что будем делать?

Киф ответил, что если Серван им доверяет, то и он тоже, и Валленко отправился на дегустацию. Через некоторое время он вернулся, и настала очередь Росси. Он уже три часа ни с кем не ругался, и я навострил уши, рассчитывая, что если Ласцио снова там, то я и через закрытую дверь услышу, как Росси прохаживается насчет зятьев. Однако в гостиной было слишком шумно, и я все равно бы ничего не услышал. Вернувшись, Росси провозгласил, что только идиот может так

пересолить соус прэнтан, но никто и внимания не обратил. Ниро Вульф, последний по счету, но не по значимости, с трудом поднялся из кресла, и Серван проводил своего почетного гостя к двери. На горизонте наконец-то забрезжила возможность выспаться, и я воспрял духом.

Через десять минут дверь отворилась и на пороге показался Вульф.

— Мистер Серван, раз уж после меня никого нет, можно я проведу эксперимент с мистером Гудвином?

Серван не возражал, и Вульф махнул мне рукой. Я сразу понял, что произошло нечто непредвиденное, и уже был на ногах. Вот уж какие эксперименты Вульф со мной проводить не станет, так это гастрономические. Я прошел к нему, и он закрыл дверь. На столе стояли девять блюд, с пронумерованными табличками перед каждым, поднос с электрическим подогревом, графин с водой, стаканы, тарелки, вилки и прочее.

— Рад помочь, — ухмыльнулся я. — На каком номере застряли?

— Иди сюда. — Вслед за ним я обогнул стол и остановился у ширмы с нарисованной Покахонтас. — Ты только взгляни на это безобразие.

От изумления я даже отшатнулся. Я не прида-

вал никакого значения разговорам об убийстве, списывая их на горячую южную кровь, и что бы я ни думал о россказнях женщины-омута о ядах, к виду крови они меня не подготовили. А кровь была, пусть и немного, потому что нож под левой лопаткой Ласцио оставался вонзенным по самую рукоятку. Я наклонился над телом и слегка повернул ему голову, чтобы как следует увидеть глаз. Затем я выпрямился и обернулся к Вульфу.

— Приятная поездочка, — горько произнес он. — Говорил я тебе, Арчи… впрочем, неважно. Он мертв?

— Как сосиска.

— Ясно. Никто не может обвинить нас в препятствовании правосудию. Это термин из области права. Вот пусть служители правосудия этим и займутся, а мы здесь ни при чем. И что тебе на данный момент запомнилось из всей нашей поездки?

— Только то, что мы приехали поездом.

Он кивнул.

— Зови мистера Сервана.

4

В три часа утра я сидел за столом в малой гостиной павильона «Покахонтас». Напротив меня разместился мой старинный друг Барри Толман, а за его спиной недобро косил глазом бандит в костюме из синей шерсти, пунцовом галстуке и розовой рубашке с жестким белым воротником. Его имя и род занятий не составляли тайны: то был Сэм Петтигрю, шериф марлинского округа. Имена стенографиста на другом конце стола и полицейского на стуле у стены остались мне неизвестны. Дверь в банкетный зал была открыта, и оттуда доносился запах фотовспышек и гул голосов полицейских экспертов, занимавшихся поиском отпечатков пальцев и прочих улик.

Голубоглазый атлет старался сохранять спокойствие:

— Я понимаю, Эшли, что вы, как управляющий, печетесь об отеле, но я-то прокурор округа, чего же вы от меня хотите? Не могу же я сделать вид, будто он сам напоролся на нож? И я не потерплю ваших инсинуаций о погоне за дешевой популярностью…

— Хорошо-хорошо, Барри, не будем об этом. — Клэй Эшли, стоявший рядом со мной, расстроенно покачал головой. — И надо же было такому случиться! Я понимаю, что не в твоих силах это замять, но, ради бога, разберись со всем побыстрее, чтобы они все уехали. Я понимаю, что ты прикладываешь все усилия, прости, если что не так сказал… Пойду посплю немного. Буду нужен — пришлешь кого-нибудь.

Он свалил. Кто-то вышел из банкетного зала спросить о чем-то шерифа. Толман встряхнулся, потер красные от недосыпа глаза и обратился ко мне:

— Мистер Гудвин, я послал за вами снова, чтобы уточнить, не хотите ли вы добавить что-либо к вашему рассказу.

Я помотал головой.

— Нет, я все выложил.

— Вы больше ничего не припоминаете, что случилось, скажем, в гостиной или еще где-либо, какую-либо неожиданность или важный разговор?

Я ответил отрицательно.

— А днем?

— Ни днем, ни ночью.

— А когда Вульф тайно позвал вас в банкетный

зал и показал тело Ласцио за ширмой, что он сказал вам?

— Он позвал меня во всеуслышанье, а вовсе не тайно.

— Да, но только вас. Почему?

— Его спросите, — пожал я плечами.

— Так что он сказал?

— Я же уже все рассказал. Он спросил меня, мертв ли Ласцио, и я убедился в том, что да, мертв. И тогда он попросил меня позвать Сервана.

— И это все, что он сказал?

— Ну, он еще отпустил замечание про приятную поездочку. Порой он не может сдержать сарказма.

— Мне кажется, это чересчур хладнокровно. У него были причины не расстраиваться по поводу смерти Ласцио?

Я резко сбавил обороты. Если из-за меня мы внезапно попали бы в центр внимания, Вульф меня никогда бы не простил. Я-то знал, зачем Вульф позвал меня одного и осведомился насчет состояния моей памяти. Ему было известно, что важных свидетелей могут не выпускать из штата или обязать вернуться дать показания в суде. И то и другое противоречило его представлениям о приятной жизни. Признаюсь, мне было

нелегко сохранять серьезный вид при беседе с простофилей, попавшимся на пролитую в вагоне-ресторане газировку. Но, хотя я не имел ничего против Западной Вирджинии, я вполне разделял желание Вульфа уехать вовремя и лишний раз не возвращаться.

— Конечно же, не было, — ответил я. — Он не был с ним знаком раньше.

— Произошло ли в течение дня что-либо, что сделало бы его равнодушным к судьбе Ласцио?

— Насколько мне известно, нет.

— Было ли ему или вам известно о предыдущем покушении на жизнь Ласцио?

— Мне не было, а его спросите сами.

Из дружбы и долга Толман выбрал долг. Он облокотился на стол, наставил на меня палец и сказал противным голосом:

— Вы врете.

Шериф за его спиной насупился, и атмосфера в комнате резко накалилась.

— Я вру? — удивился я.

— Да, врете. Что миссис Ласцио рассказала вам с Вульфом, когда она приходила вчера днем к вам в номер?

Я постарался не выдать своего удивления и хоть и растерялся, но лишь на мгновение. Неваж-

но, как и сколько они узнали, выбора не было. Я сказал:

— Она рассказала нам, что ее муж рассказал ей, что он обнаружил в сахарнице мышьяк и высыпал его в раковину. Она хотела, чтобы Вульф оградил ее мужа от опасности. Также она сказала, что ее муж велел ей никому об этом не рассказывать.

— Что-нибудь еще?

— Это все.

— Вы же только что мне сказали, что вам ничего не известно о предыдущем покушении на жизнь Ласцио?

— Верно.

— И что же? — продолжал он тем же противным голосом.

Я широко ухмыльнулся.

— Послушайте, мистер Толман. Я не собираюсь играть с вами в игры, даже если б и хотел. Но обратите внимание на пару вещей. Во-первых, не обижайтесь, конечно, но вы просто зеленый юнец, вас избрали прокурором впервые, а Ниро Вульф распутывал такие дела, о которых вы и не слыхивали. Вам хорошо известна его репутация. Даже если бы нам с ним и было известно что-то, что могло бы навести вас на след, а нам ничего

такого не известно, то вам все равно не удалось бы выжать из нас эти сведения против нашей воли, мы слишком опытные. Я не хвастаюсь, просто объясняю вам, как обстоит дело. Взять мое утверждение насчет покушения на Ласцио. Я утверждаю, что не знал ни о каком покушении. Все, что мне известно, это рассказ миссис Ласцио о том, что ее муж рассказал ей, что он обнаружил в сахарнице что-то помимо сахара. Откуда он мог знать, что это мышьяк? Ласцио не отравили, а зарезали, и, по моему опыту…

— Ваш опыт меня не интересует, — все тем же противным голосом. — Я спрашивал, не припомнили ли вы чего-либо, что может иметь отношение к убийству.

— Я же говорю, миссис Ласцио рассказала нам…

— Мы к этому еще вернемся. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Приведите Оделла, — приказал полицейскому Толман.

Так вот оно что. Хорошенькие друзья водятся на землях старой доброй Ручки от Сковородки, нечего сказать. (По словам сыщика курорта Гер-

шома Оделла, так по-доброму называют здешние места.) Я снова растерялся и уже не был уверен, сумею ли выкрутиться на этот раз. Пока я собирался с мыслями, мой приятель вошел в сопровождении полицейского. Он встал так близко от меня, что я мог бы не вставая залепить ему в морду. Моего возмущенного взгляда он старательно избегал.

— Оделл, — обратился к нему Толман. — Повтори, что этот человек рассказал тебе вчера.

— Он сказал мне, что Филиппа Ласцио собираются убить, а когда я спросил, кто именно, он ответил, что все по очереди, — хрипло ответил сыщик, глядя в сторону.

— Что еще?

— Это всё.

Толман повернулся было ко мне, но я опередил его и ткнул Оделла пальцем под ребро так, что он подпрыгнул.

— Ах, это! — рассмеялся я. — Теперь я вспомнил! Это когда мы сидели на конной тропе, бросали камни и трепались, а ты мне еще уступ показал и рассказал про то, как… ну да, конечно. Ты еще не все мистеру Толману рассказал, а то он думает… А ты рассказал ему, как я говорил, что эти итальяшки с поляками так грызутся между собой,

что того и гляди все друг друга перережут? И что Ласцио получал больше всех, шестьдесят тысяч в год, так что с него и начнут, а потом и до других очередь дойдет. А ты в ответ рассказал мне про тот уступ и как так вышло, что ты в любой момент можешь уйти с территории… — Я повернулся к Толману. — Вот и все, обычная пустая болтовня, не знаю, что вы там нашли. Он мне еще про тот уступ такого наболтал!

Толман слушал и хмурился, но не на меня.

— Что скажешь, Оделл? Ты не так рассказывал.

Нельзя было не признать, что Оделл сумел ничем не выдать себя и выглядел как заправский судья, разбирающий чужое дело. На меня он так и не взглянул, но взгляд Толмана выдержал.

— Ну, может я и сболтнул лишнего. Как он сказал, все так и было, сидели да мололи языками. Но, конечно, как сказали, что Филипп Ласцио, мол, так я и вспомнил, ну и любой сыщик обеими руками за такой шанс ухватится, чтобы убийство-то раскрыть…

— Болтаешь, говоришь, ну вот и болтал бы поменьше, — протянул шериф неожиданно тонким голосом.

— Так что, сказал Гудвин, что Ласцио убьют, или нет? — продолжал допытываться Толман.

— Ну… Вот как он сейчас сказал, что эти итальяшки — они все бешеные и друг друга поубивать готовы, а Ласцио получал шестьдесят тысяч, он это точно сказал. Ну а больше ничего.

— Что скажете, Гудвин, почему вы выделили Ласцио?

Я отмахнулся.

— Я его не выделял. Просто пришлось к слову то, что он обогнал прочих, по крайней мере в плане жалованья. Я как раз прочел статью, показать вам?

— Чего терять время попусту, — протянул шериф. — Давай, Оделл, иди отсюда.

Так и не взглянув на меня, мой приятель повернулся и вышел.

— Приведите Вульфа, — распорядился Толман.

Я уселся поудобнее. Понервничать они меня заставили, но поймать ни на чем не поймали. Я принялся размышлять, что бы сказал инспектор Крамер, увидев, как Ниро Вульф позволяет допрашивать себя в три часа ночи каким-то деревенским сыщикам, и все потому, что не хочет злить местного прокурора. Он не ложился так поздно с тех пор, как Клара Фокс спала у нас в моей пижаме.

Я прикинул, что надо бы помочь делу, встал,

взял из дальнего угла комнаты большое кресло и принес его к столу.

Полицейский вернулся с моим боссом. Толман спросил полицейского за дверью, кто еще остался.

— Вукшиш или как там его, — ответил тот. — И еще Беррэн с дочкой. Ей сказали, что может идти спать, но она сюда рвется.

Толман пожевал губами. Одним глазом я следил за ним, а другим наблюдал, как Вульф усаживает себя в кресло, которое я ему обеспечил. Наконец, Толман сказал:

— Пусть идут спать. Мы можем допросить их и утром, как ты считаешь, Петтигрю?

— Конечно. Закрывай лавочку, и спать. — Шериф покосился на полицейского. — Скажи Планку, пусть подождет, мы проверим, как он организовал охрану, чтобы не шлялись тут по ночам без присмотра.

Полицейский ушел. Толман потер глаза и опять пожевал губами. Затем он откинулся на спинку стула и посмотрел на Вульфа. Вульф выглядел довольно мирно, но я видел, как постукивает его палец по подлокотнику, и знал, что внутри него бушует ярость.

— Уже почти четыре утра, мистер Толман, —

сообщил он.

— Спасибо, — язвительно ответил тот. — Мы постараемся вас не задерживать. Я послал за вами снова, потому что узнал парочку новых вещей.

Я заметил, что и он, и шериф не выпускали меня из поля зрения, и готов был поклясться, что они только и ждут, чтобы поймать меня на попытке подать Вульфу какой-нибудь знак. Я напустил на себя сонный вид, что было совсем несложно.

— Думаю, все же больше, чем парочку, — заметил Вульф. — Например, я полагаю, миссис Ласцио уже поведала вам историю, с которой она обратилась ко мне вчера, не так ли?

— Какую историю?

— Мистер Толман, не будем терять время, — Вульф прекратил стучать пальцем и направил его на Толмана. — Не пытайтесь меня подловить. Она провела с вами более получаса, конечно же, она вам рассказала эту историю. Я не сомневался, что так и будет. Поэтому я и не стал ничего рассказывать сам, чтобы вы все услышали из первых рук.

— Что вы хотите сказать, «не сомневался»?

— Просто предположил. — Вульф продолжал держаться дружелюбно. — В конце концов, она является непосредственной участницей этой

трагедии, в то время как я всего лишь зритель.

— Участницей? — нахмурился Толман. — Вы хотите сказать, что она приложила к этому руку? В прошлый раз вы этого не утверждали.

— Я и сейчас не утверждаю. Я имею в виду лишь то, что убитый был ее мужем и что если она и не предчувствовала его гибель, то, по крайней мере, боялась, что она произойдет. Вы допросили ее, так что вам наверняка известно больше, чем мне. Полагаю, она сообщила вам, что ее муж рассказал ей, что вчера в полдень он нашел мышьяк в сахарнице, в здешней кухне, и что эта сахарница была поставлена для него, и что она пришла ко мне без его ведома и согласия, чтобы просить меня оградить его от опасности, и что я ей отказал.

— Почему вы отказали ей?

— Потому что я не гожусь для такой работы. Как я ей объяснил, я не дегустатор и не телохранитель.

Вульф чуть повысил голос: он с трудом сдерживал ярость.

— Мистер Толман, позвольте дать вам совет. Не тратьте на меня силы. Я не имею ни малейшего понятия, кто убил Ласцио и почему. Я не знаю, слышали ли вы обо мне. Если да,то, вполне вероятно, у вас создалось впечатление, что хотя по

моему виду этого и не скажешь, но я на многое готов пойти ради того, чтобы распутать дело. Но данное дело меня не касается, у меня нет никакого интереса им заниматься, я ничего про него не знаю, и пользы вам от меня будет не больше, чем от любого другого. Три обстоятельства связывают меня с этим делом. Во-первых, я находился здесь в момент убийства. Тут мне просто не повезло. Во-вторых, я обнаружил тело. Как я уже говорил вам, я хотел проверить, не подглядывает ли Ласцио из-за ширмы. В-третьих, миссис Ласцио сказала мне, что кто-то хочет отравить ее мужа, и попросила меня предотвратить это. Если эти факты укладываются в воссоздаваемую вами картину произошедшего, то, конечно же, используйте их, и я, господа, от всей души желаю вам успеха.

Все-таки Толман был еще очень молод. Он обернулся за поддержкой к шерифу. Тот не спеша потер скулу, обменялся взглядом с Толманом и, наконец, повернулся к Вульфу.

— Слушайте, мистер, похоже, вы нас не так поняли. Мы ничего против вас не имеем, и вовсе не собираемся чинить вам неприятности. Мы же видим, что вы не из тех, кто, даже если и знает что-то, все равно ничего не скажет. Но вот вы сказали, что, может, мы слыхали про вас. Так это

правда, слыхали. И в конце концов, вы тут со всей этой толпой целый день провели. И я не знаю, как Толман, а я считаю, что надо вам рассказать, что мы тут раскопали, да и послушать, что вы на все это скажете. Как, Барри, не возражаешь?

— Вы только зря потеряете время, — возразил Вульф. — Я не волшебник и добиваюсь результатов напряженным трудом. Я не имею отношения к этому делу и не буду тратить на него силы.

Я сдержал улыбку. Толман запротестовал:

— Но вы же понимаете, что чем раньше мы распутаем это дело, тем лучше для всех. Если шериф…

— Хорошо, — прервал его Вульф. — Завтра.

— Завтра уже настало. Не знаю, до которого часа проспите вы, но мне спать не придется вовсе. Я хочу кое-что прояснить. По вашим словам, из всех присутствующих вы хорошо знаете только Вукчича. Миссис Ласцио рассказала, что раньше была за ним замужем, несколько лет назад развелась с ним и вышла замуж за Ласцио. Вы можете сказать, насколько сильный удар это был для Вукчича.

— Не могу. Я смотрю, миссис Ласцио много чего рассказывает.

— Что ж тут удивительного, ведь это ее мужа

убили. А почему вы против нее настроены? Вы уже дважды ее поддели.

— Конечно, я против нее настроен. Я не люблю, когда женщины просят защитить их мужей. Полагаться на женщину в вопросах защиты унижает мужское достоинство. Тьфу!

Я надеялся, что Толман поймет, что Вульф-то не влюблен.

— Я задал вам этот вопрос, — пояснил он, — по той очевидной причине, что Вукчич — один из двоих, у кого была наилучшая возможность убить Ласцио. Почти все остальные вне подозрений, что подтверждается в том числе и вашими показаниями. — Он взглянул на одну из бумаг перед ним. — Согласно имеющейся информации, миссис Ласцио, миссис Мондор, Лизетта Путти и Гудвин все время находились в гостиной. Серван утверждает, что, когда была его очередь дегустировать соусы, Ласцио был жив и здоров и что к тому времени Мондор, Койн и Киф уже завершили дегустацию. Все согласны, что эти трое больше не покидали гостиную, так что они исключаются. Следующими шли Беррэн и Вукчич. Беррэн говорит, что когда он вышел из банкетного зала, Ласцио был все еще жив и здоров, а Вукчич утверждает, что когда после примерно десяти-

минутной задержки, он вошел, Ласцио не было видно, но помимо этого он не заметил ничего необычного. Последними шли Валленко, Росси и вы, и, похоже, вы трое тоже исключаетесь, но не так однозначно, как остальные. Местные повара говорят, что на кухне Ласцио не появлялся, но он вполне мог отлучиться на террасу или даже в туалет и вернуться после того, как Вукчич был и ушел.

Толман снова взглянул на бумаги. — Так что Беррэн и Вукчич получаются наиболее вероятными, а Валленко, Росси и вы — еще тремя возможными преступниками. Но круг подозреваемых этим не исчерпывается. Кто угодно мог войти в банкетный зал с террасы. Стеклянные двери были закрыты и занавешены, но не заперты. Как минимум трое из гостей могли это сделать: Леон Блан, который отказался принимать участие в дегустации из-за вражды с Ласцио и ушел к себе, миссис Койн, почти час гулявшая вокруг, включая отрезок времени между Беррэном и Вукчичем, и мисс Беррэн. Блан утверждает, что все это время находился у себя в номере, но в конце коридора левого крыла есть выход на боковую террасу, которым он мог незаметно воспользоваться. Миссис Койн говорит,

что гуляла по дорожкам и газонам, на террасу не заходила, вернулась через главный вход и сразу прошла в гостиную. Что касается мисс Беррэн, то она пришла в гостиную прямо из номера еще до начала дегустации и больше не уходила. Я упомянул ее отсутствие только для полноты картины.

«Ах ты, хладнокровная ищейка, — возмущенно подумал я. — Она все глаза по тебе в номере выплакала, а для тебя она лишь строчка в списке!»

— Вы там были, мистер Вульф, как, совпадает это с тем, что вы видели?

Вульф хмуро кивнул, и Толман продолжил:

— Что же касается мотива, то он у многих был. У Вукчича Ласцио увел жену. И прямо перед тем, как Вукчич пошел в банкетный зал, он говорил и танцевал с миссис Ласцио, пожирая ее глазами…

— Это вам женщина рассказала, — прервал его Вульф.

— Боже мой, — протянул шериф. — Да вам, похоже, не по нраву то немногое, что нам удалось прояснить. Вы же говорили, что вас это не интересует.

— Вукчич мой друг, и меня интересует его благополучие, а не убийство, к которому он не имеет отношения.

— Может, и не имеет. — Толман явно был дово-

лен тем, что наконец-то смог расшевелить Ниро Вульфа. — Как бы то ни было, в разговоре с миссис Мондор я впервые получил возможность официально применить свое знание французского. Затем Беррэн. Это я узнал не от миссис Мондор, а от него. Он заявляет, что Ласцио давно пора было убить и что он сам бы с удовольствием это сделал, и если представится такая возможность, то он обязательно поможет убийце скрыться от правосудия.

— Беррэн слишком много болтает, — проворчал Вульф.

— Без сомнения. И этот французик, Леон Блан, тоже сказал немало, но в своем стиле. Он признает, что ненавидел Ласцио, потому что несколько лет назад тот занял его место в отеле «Черчилль», но говорит, что нет причины, по которой он был бы готов убить человека. Мол, даже смерть Ласцио не приносит ему удовлетворения, ибо смерть иссекает, но не исцеляет. Это его слова. Он мягок в общении и совсем не выглядит способным в ярости зарезать человека, но умен и вполне способен к притворству.

Остаются два вероятных подозреваемых и один возможный, и у каждого были свои причины. Из четырех остальных я считаю вас вне подозрений,

а если у Росси и Валленко были какие-то мотивы, я их пока не обнаружил. Миссис Койн не встречала Ласцио раньше и, похоже, вообще с ним не разговаривала. Так что в отсутствие других сведений у нас имеются Беррэн, Вукчич и Блан. Любой из троих имел возможность это сделать, и я считаю, что это один из них. А вы как думаете?

Вульф покачал головой:

— Слава небесам, что это не мое дело, и думать мне ничего не нужно.

— Может, вы просто боитесь, что это мог сделать Вукчич, вот и не хотите думать? — протянул шериф.

— Мог? Конечно, хотя это маловероятно. Если это сделал Вукчич, то я от всей души надеюсь, что вы его не поймаете. Сказать по делу мне вам нечего, и если бы я что-то и знал, то утаил бы это от вас.

Толман кивнул.

— Честный отказ. Но вы же сами понимаете, что если вы заинтересованы в судьбе Вукчича и он невиновен, то самый простой способ отвести от него подозрения — это найти настоящего убийцу. В момент совершения преступления вы находились рядом, вы всех видели, всех слышали. Мне кажется, что при таких обстоятельствах

человек ваших способностей и вашей репутации мог бы и помочь. В противном случае это только усилит подозрения в адрес Вукчича.

— Вы сами знаете, кого вам подозревать, здесь я вам не указ. Чтоб вас, уже четыре утра! — Вульф вздохнул и сжал губы. Посидев так минутку, он пробормотал:

— Хорошо, поработаю минут десять. Что насчет обычной рутины: нож, отпечатки пальцев, другие улики?

— Ничего. Убийца воспользовался одним из двух ножей для резки голубя, лежавших на столе. Вы сами видели, что следов борьбы не было. Нигде ничего. Никаких необъясненных отпечатков пальцев. На рукоятке ножа всё смазано. Ручки дверей на террасу сделаны из кованого железа. Эксперты все еще трудятся, но здесь ловить нечего.

— Вы недосказали, — хмуро заметил Вульф. — Что насчет поваров и официантов?

— Их опросил шериф, он знает, как разговаривать с черномазыми. Никто из них не входил в банкетный зал, никто ничего не видел и не слышал. Ласцио сказал им, что если ему что-нибудь потребуется, то он позвонит.

— Убийца мог перейти из большой гостиной в

малую и войти в банкетный зал оттуда. Вам необходимо установить несомненное присутствие всех в большой гостиной, особенно во время перерыва между тем, как Беррэн вышел и Вукчич вошел, что, по вашим словам, продолжалось восемь-десять минут.

— Я установил. Правда, наскоро.

— Тогда проверьте еще раз. Еще возможность: кто-нибудь мог спрятаться за одной из ширм и ждать, пока не подвернется возможность нанести удар.

— И кто же это был?

— Вот этого я сказать не могу. — Вульф нахмурился. — Надо сказать, что я весьма скептически отношусь к вашим подозрениям насчет Беррэна и Вукчича. Это еще мягко сказано. Насчет мистера Блана я ничего не могу сказать. Как вы правильно говорите, он без сомнения мог выйти из номера, воспользоваться выходом в конце коридора левого крыла, обогнуть здание, войти в банкетный зал с террасы, сделать свое дело и вернуться тем же путем. В этом случае могла ли его заметить миссис Койн, которая гуляла и любовалась ночью неподалеку?

Толман покачал головой.

— Она ходила и перед главным входом, и по

сторонам, но говорит, что не видела никого, кроме негра в униформе, у которого она спросила, не козодой ли это кричит. Негра мы нашли — он работает у источников и шел в павильон «Минго».

— Ясно. Что же касается Беррэна и Вукчича, на вашем месте я бы оставил их на потом. Или хотя бы… У меня есть предложение: возьмите у мистера Сервана листки с ответами дегустаторов…

— Они у меня.

— Хорошо. Сравните их с правильными ответами, которые вы тоже, без сомнения, получили от мистера Сервана.

— У него их не было, ответы лежали в кармане Ласцио.

— Отлично. Проверьте ответы каждого участника и выясните, насколько хорошо они прошли испытание.

Шериф Петтигрю фыркнул.

— Вы называете это помощью? — сухо осведомился Толман.

— Разумеется. Я уже… Кстати! — Вульф слегка выпрямился. — Если ответы у вас с собой, те, что вы нашли в кармане Ласцио, можно мне взглянуть на них на минуточку?

Толман удивленно поднял брови, покопался в лежавших перед ним бумагах, достал нужную и

протянул ее мне. Я передал бумагу Вульфу. Тот взглянул на нее наморщив лоб и воскликнул:

— Господи помилуй! — Он снова взглянул на ответы, и повернулся ко мне, потрясая бумагой. — Арчи! Койн был прав! В номере третьем не хватало шалота!

— Шутки шутите? — язвительно спросил Толман. — Помогли, нечего сказать.

— Да какие тут шутки, — ухмыльнулся я. — Он теперь неделю спать не будет от огорчения, что не все угадал.

— Я не гадал, — возразил Вульф, возвращая мне бумагу. — Я сделал вывод, и вывод был неверным.

— Извините, мистер Толман, я весьма огорчен и не рассчитываю, что вы оцените степень моего огорчения. Как я уже сказал, я скептически отношусь к подозрениям насчет Беррэна и Вукчича. Вукчича я знаю с детства и вполне допускаю, что при определенных обстоятельствах он способен зарезать человека. Но в этом случае я уверен, что нож вы нашли бы не в спине. Мистера Беррэна я почти не знаю, но я видел его вблизи и говорил с ним меньше чем через минуту после того, как он вышел из банкетного зала, и я готов поручиться, что заметил бы, если бы он был похож на

человека, только что совершившего вероломное убийство. Минуту назад он вонзил нож в спину мистера Ласцио, и я ничего не заметил? Его осанка, руки, голос… Я не верю, что это он.

— А сравнение ответов…

— Я к этому и веду. Серван же объяснил вам суть эксперимента: в каждом соусе недоставало одной приправы. Нам разрешалось попробовать каждый соус только один раз, только один! Вы представляете себе необходимую точность и остроту вкуса? Требовалась полная сосредоточенность и восприимчивость к стимулам. Это было не проще, чем распознать единственную фальшивую ноту, изданную одним духовым инструментом в составе целого оркестра. Так что обязательно сравните ответы. Если вы обнаружите, что Беррэн и Вукчич в основном ответили верно, скажем, семь или восемь раз из девяти, то из списка подозреваемых их можно вычеркивать. Даже шесть верных ответов годятся. Никто не мог бы убить или готовиться убить человека и быть способным так хорошо контролировать себя, чтобы определить отсутствие приправ с достаточной точностью. Я уверяю вас, никаких шуток.

— Хорошо, я сравню ответы, — кивнул Толман.

— Не помешало бы сделать это прямо сейчас.

— Я не буду медлить. Вы можете что-нибудь еще посоветовать?

— Нет. — Вульф оперся руками на подлокотники, подобрал ноги, поднатужился и встал. — Десять минут истекли. — Он отвесил им свой легкий полупоклон. — Джентльмены, примите мое сочувствие и наилучшие пожелания.

— Вы ведь в «Апшуре» живете, — сказал шериф. — Вы, конечно, понимаете, что можете ходить по территории курорта везде, где вам вздумается.

— Спасибо, сэр, — с горечью поблагодарил Вульф. — Идем, Арчи.

Я дал ему пройти вперед и последовал за ним по узкой дорожке в «Апшур».

Уже светало, и отовсюду доносилось пение птиц. В центральном холле павильона был включен свет и сидели двое полицейских. Вульф прошел мимо, не обратив на них внимания.

Я прошел с ним в комнату, чтобы убедиться, что все тип-топ. Постель была разобрана, и разноцветные ковровые дорожки и прочая обстановка смотрелись ярко и привлекательно, ну а комната была достаточно большой, чтобы оправдывать хотя бы половину своей цены в двадцать баксов в

день. Однако Вульф нахмурился, словно оказался в свинарнике.

— Мне помочь вам раздеться? — осведомился я.

— Нет.

— Принести графин воды из ванной?

— Я умею ходить. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, босс. — И я вышел.

В дверях меня остановил его голос:

— Арчи. Похоже, у мистера Ласцио был скверный характер. Как ты думаешь, мог ли он нарочно написать неправильные ответы, чтобы посмеяться надо мной и своими коллегами?

— Нет, что вы, как можно! Профессиональная этика, знаете ли. Мне, конечно, очень жаль, что вы наделали столько ошибок…

— Две! Шалот и шнит-лук! Иди отсюда, оставь меня в покое!

Да уж, в эту ночь знаменитый сыщик заснул счастливым.

5

На следующий день, в среду, в два часа дня я чувствовал себя не лучшим образом и был весьма недоволен жизнью. Это состояние было мне хорошо знакомо. Когда я ложусь слишком поздно или мой сон прерывают, то долго не могу прийти в себя, а сегодня произошло и то, и другое. Табличку «Не беспокоить!» я повесить забыл, и был вынужден встать и подойти к двери, когда в девять утра глупый коридорный осведомился, не требуется ли нам наполнить ванну или что-нибудь в этом роде. Я велел ему не возвращаться до заката. В половине одиннадцатого меня разбудил телефон. Мой приятель Барри Толман желал говорить с Вульфом. Я объяснил, что явление Вульфа миру произойдет исключительно по его желанию, и велел девушке на коммутаторе ни с кем больше не соединять вплоть до особого распоряжения. Несмотря на это, через час телефон вновь зазвонил и не умолк, пока я не поднял трубку. Это был Толман, и ему было просто необходимо переговорить с Вульфом. Я отвечал, что Вульф объявит себя в сознании только при предъявлении ему

ордера на арест и обыск. На этот раз я проспал достаточно для того, чтобы ощутить и другие потребности. Поэтому я встал, умылся, побрился, оделся и позвонил заказать завтрак в номер, поскольку в сложившихся обстоятельствах не мог пойти поесть в ресторане. Я допивал третью чашку кофе, когда Вульф призвал меня громким воплем. Он явно был не в духе, потому что за десять лет нашей совместной жизни в Нью-Йорке он вопил всего трижды.

Вульф объявил, что хочет на завтрак, и я сделал заказ по телефону. Затем он выдал мне хорошо знакомые инструкции. До конца дня он не желал общаться ни с кем, кроме меня, неважно, по делу или нет. Дверь должна была быть закрыта для всех, кроме Вукчича, с объяснением, что Вульф занят, неважно чем. На телефонные звонки следовало отвечать только мне, потому что мне было известно все то, что и Вульфу (подобное признание он сделал впервые, и это весьма польстило моему самолюбию). Если мне окажется недостаточно свежего воздуха, поступающего через открытые окна, что будет глупо, но вполне вероятно, перед уходом я должен буду повесить на дверь табличку «Не беспокоить!» и взять с собой ключ.

Я позвонил, чтобы принесли доступные в этих краях свежие газеты, отдал две Вульфу, и удобно устроился на диване с остальными. В нью-йоркских, питтсбургских и вашингтонских ночных выпусках для пассажирских поездов убийство Ласцио упомянуто не было, но местный «Чарльстон джорнэл», издаваемый всего за шестьдесят миль отсюда, разразился огромным заголовком и небольшой заметкой на первой полосе.

Однако надеждам Вульфа провести этот день в тишине и покое не суждено было сбыться, и суровая действительность разбила принятые им предосторожности в пух и прах. Первое, самое незначительное вторжение случилось около двух часов дня, когда Вульф еще не разделался с газетами. В дверь постучали. Я приоткрыл ее и оказался лицом к лицу с двумя незнакомыми джентльменами не местного вида. Один, пониже и постарше меня, был смугл, худощав и подтянут, в ладном сером в елочку приталенном костюме с накладными плечами.

Другой, среднего роста и возраста, был лысоват, и взгляд его маленьких серых глаз словно провозглашал, что пытаться портить настроение его владельцу бесполезно, ибо оно уже безнадежно испорчено. Впрочем, разговаривал

он вполне вежливо. Убедившись, что это номер Ниро Вульфа, он объявил, что его зовут Лиггет, а его спутника с накладными плечами — мистер Мальфи, и они желают видеть Вульфа. Я объяснил, что Вульф очень занят, и он торопливо вытащил из кармана конверт и вручил его мне. Я извинился за то, что заставляю их ждать в холле и вернулся в свинарник.

— Две особи мужского пола. Один ванильного цвета, другой — карамели. К вам.

Вульф и не подумал отрываться от газеты.

— Если бы один из них был мистер Вукчич, я полагаю, ты бы его узнал.

— Нет, Вукчича среди них нет, но один принес письмо, а этого вы не запрещали.

— Прочти.

Я достал письмо из конверта, отметил, что оно написано на именном бланке, и озвучил содержание:

7 апреля 1937
Нью-Йорк
Дорогой мистер Вульф!
Этим письмом я рекомендую вам моего друга мистера Рэймонда Лиггета, управляющего и совладельца отеля «Черчилль». Ему нужны ваши совет и помощь, и он попросил меня представить

его вам.

Я надеюсь, что вы хорошо проводите время. Не переедайте и не задерживайтесь там надолго, дабы не лишать нас, нью-йоркцев, приятности вашего общества.

Ваш

Берк Уильямсон

— Седьмое апреля? Это сегодня, — проворчал Вульф.

— Да, они летели. Раньше эта фраза употреблялась в переносном смысле, а нынче — в буквальном. Впустить их?

— А, чтоб их! — опустил газету Вульф. — Вежливость — личное дело каждого, но оставаться в рамках порядочности мы обязаны. Помнишь, как мистер Уильямсон любезно позволил нам использовать его поместье для засады и ограбления Анны Фиоре? Приведи их, — вздохнул он.

Я впустил посетителей, провел их в комнату, назвал имена и придвинул кресла. Вульф поприветствовал их, произнес свои обычные оправдания тому, что не встает, и посмотрел на обладателя пиджака с накладными плечами.

— Правильно ли я расслышал вашу фамилию? Мальфи? Альберт Мальфи?

Худощавый стрельнул на Вульфа черными глазами:

— Да, это я. Откуда вам известно мое имя?

— В прошлом Альберто, — кивнул Вульф. — В поезде по дороге сюда я познакомился с мистером Беррэном, и он рассказал мне о вас. Он сказал, что вы отличный мастер по антре. Всегда приятно встретить человека, много достигшего в своем деле.

— О, так вы с Беррэном ехали одним поездом? — встрял Лиггет.

— Да, это испытание выпало на долю нам обоим, — поморщился Вульф. — Мистер Уильямсон пишет, что вы хотите меня о чем-то попросить.

— Да. Вы, конечно, понимаете, что нас привело сюда. Это… Ласцио… Это ужасно. И вы там были, не правда ли? Это вы нашли тело.

— Да, я. Я смотрю, вы не теряли времени.

— Ни минуты. Обычно я ложусь и встаю поздно, но сегодня утром Мальфи позвонил мне еще до восьми. Журналисты и раньше пытались пробиться, но их, конечно, не пустили. Убийство попало на страницы утренних газет. Я знал, что Уильямсон с вами дружит, послал к нему за рекомендательным письмом и заказал самолет из Ньюарка. Мальфи тоже рвался сюда. Боюсь, что

как только найдут убийцу, вам придется в числе прочего удерживать его от глупостей. — Лиггет улыбнулся одними губами. — Ласцио не был его родственником, но Мальфи был предан ему, как истинный корсиканец. Не так ли, Мальфи?

Обладатель пиджака с накладными плечами энергично кивнул.

— Это правда. Филипп Ласцио был жестокий человек, но великий. Со мной он не был жесток. Мистер Лиггет, конечно, шутит. Люди думают, что все корсиканцы режут людей. Это неправильно и дурно.

— Вы хотели о чем-то меня попросить? — нетерпеливо спросил Вульф. — Вы сказали, мне придется это делать в числе прочего. В данное время я ничем не занимаюсь.

— Вот я и надеюсь, что займетесь. Во-первых, надо найти убийцу Ласцио. Судя по тому, что попало в газеты, местному шерифу это не по плечу. Кто бы это ни был, он решил не тратить время на дегустацию приправ в соусе прэнтан! Разумеется, я не был так привязан к Ласцио, как Мальфи, но он был шеф-поваром в моем отеле, и, насколько мне известно, у него не было близких, кроме жены. Это… это мой долг. Удар в спину, какая гнусность. Убийцу необходимо поймать,

и, похоже, кроме вас, никто с этим не справится. Зная ваши, э-э, причуды, я заручился письмом от Уильямсона.

— И совершенно зря, — вздохнул Вульф. — То есть вы совершенно зря сюда приехали. С тем же успехом вы могли бы остаться в Нью-Йорке и просто позвонить.

— Я посоветовался с Уильямсоном, и он сказал, что если я и впрямь хочу воспользоваться вашими услугами, то лучше приехать к вам.

— Неужели? Не понимаю, почему мистер Уильямсон решил, что меня так трудно нанять. Меня нанять легко, но, к сожалению, в данном случае это невозможно. Поэтому я и говорю — зря приехали.

— Почему же невозможно?

— Не те условия.

— Условия? — Лиггет все больше сердился. — Я не выдвигал никаких условий!

— Дело не в вас, а в местонахождении. Взявшись за расследование убийства мистера Ласцио, я буду вынужден довести его до конца. Это может занять всего один день, но может продлиться и неделю, а если не повезет, то и две. А завтра вечером я планирую сесть на поезд в Нью-Йорк. — Вульф содрогнулся.

— Уильямсон предупреждал меня. — Лиггет поджал губы. — Но, послушайте, так же нельзя, это же ваша работа, ваш…

— Пожалуйста, прекратите. Я не хочу об этом слушать. Если я груб, тем лучше. Любой имеет право на грубость, кто согласен смириться с репутацией грубияна. Я не займусь ничем, что может помешать мне завтра вечером уехать из этого захолустного пристанища бездельников. Вы сказали «в числе прочего». У вас есть другие просьбы?

— Да, есть. — Было видно, что Лиггет предпочел бы перейти от слов к пулеметным очередям. Он помолчал, не сводя глаз с Вульфа и, наконец, пожал плечами.

— Главная моя просьба совсем не о том. Ласцио мертв, он умер ужасной смертью, и я надеюсь, что чувствую то же, что и всякий порядочный человек, но вдобавок я еще и бизнесмен. Отель «Черчилль» остался без шеф-повара. Вам известна высокая репутация «Черчилля» на мировом уровне, нельзя позволить, чтобы она упала. Я хочу заполучить Жерома Беррэна.

Вульф поднял брови.

— Вас нельзя упрекнуть.

— Понятное дело, нельзя. Беррэн не един-

ственный, кто бы нам подошел, но по разным причинам о других и речи нет. Мондор не бросит свой ресторан в Париже. Серван с Тассоном слишком стары. Я бы не отказался снова взять Леона Блана, но он тоже уже слишком стар. Вукчич сидит в своем «Рустермане», и так далее. Мне известно, что за последние два года Беррэн получил пять предложений работы в этой стране, два из них — в Нью-Йорке, и от всех отказался. Я бы хотел нанять именно его. Больше того, он — единственный из возможных, кто сейчас не занят. А если и с ним не выйдет, то эта честь достанется Мальфи.

Он повернулся к своему спутнику.

— Мы же именно так договаривались, Альберт? Когда ты получил то предложение из Чикаго, я тебе пообещал, что если ты останешься, а место шеф-повара освободится, то сперва я постараюсь нанять Беррэна, а уж если не выйдет, то его займешь ты. Так?

— Так все и было, — подтвердил Мальфи.

— Это все очень интересно, — пробурчал Вульф, — но причем здесь я?

— Я к этому и веду. Сделайте предложение Беррэну от моего имени. Он один из семи лучших поваров мира, но с ним очень тяжело ладить. В

прошлую субботу он нарочно вывалил две тарелки колбасок на ковер в Курортном зале нашего ресторана. По словам Уильямсона, в искусстве переговоров вам нет равных. Вы здесь почетный гость, и Беррэн прислушается к вашим словам. Я убежден, что вы сможете склонить его принять мое предложение. Сорок тысяч в год, но скажу откровенно, я готов торговаться и до шестидесяти, а ваши комиссионные составят…

Вульф протестующе выставил руку.

— Пожалуйста, мистер Лиггет, прекратите. У вас ничего не получится, ни в коем случае.

— Вы хотите сказать, что не возьметесь за это дело?

— Я хочу сказать, что не возьмусь склонять мистера Беррэна к чему бы то ни было, как не взялся бы склонять жирафа. Я мог бы обосновать свою позицию, но не обязан вам этого делать.

— Вы даже не попробуете?

— Нет. По правде говоря, вы обратились ко мне в самое неудачное время за последние двадцать лет, и обратились с предложением, способным вызвать у меня лишь раздражение, а не интерес. Мне абсолютно наплевать, кто у вас будет новый шеф-повар. Я с удовольствием зарабатываю деньги, но сперва хочу вернуться домой. Мистер

Серван или мистер Койн, старые друзья Беррэна, подойдут для ваших целей гораздо лучше, чем я.

— Они сами повара, мне этого не надо. Вы как раз тот человек, что мне нужен…

Он упирался как баран, но так ничего и не добился. Его настойчивость лишь предсказуемо усугубляла ответную грубость Вульфа, и наконец он понял, что дело не выгорит. Он вскочил, велел Мальфи следовать за ним и не прощаясь вышел из комнаты. Мальфи поспешил следом. Я проводил их до прихожей и запер за ними дверь.

Когда я вернулся, Вульф снова скрылся за газетой. Я достаточно насиделся и хотел размяться.

— Знаете, верованс, а ведь это неплохая идея…

Вульф не мог не обратить внимания на незнакомое ему слово. Он глянул на меня поверх газеты.

— Что за чертовщина? Ты это сам придумал?

— Конечно, нет. Я вычитал это в «Чарльстон джорнэл». В Вирджинии и Мэриленде веровансами называли индейских вождей. Пока мы здесь, я буду звать вас веровансом. Так вот, верованс, пожалуй, нам стоит открыть бюро по трудоустройству поваров и официантов, а потом, возможно, добавить к ним уборщиц и прочих горничных. Вы же понимаете, от какого выгодного дела отказались. У этого Лиггета денег куры

не клюют, и он не такой уж и дурак. Возможно, он пришел к нам, чтобы сделать Альберто намек. Мол, если он попробует вывести Беррэна из гонки за место шеф-повара в «Черчилле» с помощью ножа под ребро, то ему и самому не поздоровится. Это навело меня на мысль: как только открывается желанная вакансия, сперва убиваешь всех остальных претендентов. Так и исчезнет безработица.

Вульф скрылся за газетой, и я понял, что уже достаточно ему надоел.

— Пойду поброжу в ручье, а потом прогуляюсь к главному корпусу и испорчу там парочку девиц. До скорого.

Я надел шляпу, повесил на дверь табличку «Не беспокоить!» и отправился восвояси. У выхода стоял лакей, но ни одного полицейского видно не было, так что они явно ослабили бдительность. Я направился к главному корпусу. Потом я пожалел, что выбрал это направление, ведь иначе я увидел бы не только заключительный номер с Толманом в главной роли, а все представление целиком. Как бы то ни было, я задержался у главного входа, наблюдая за тем, что творилось вокруг. В числе прочего там была умная с виду лошадь, которая так сильно отдавила ногу какой-то

вдовеющей толстухе, что потребовались носилки. Было уже около половины четвертого, когда я решил прогуляться к павильону «Покахонтас» и поблагодарить Вукчича, чьим гостем я являлся, за чудесную поездку. Вдруг из-за обрамлявших дорожку кустов выскочил небритый парень с галстуком через плечо и схватил меня за локоть:

— Эй, ты же Арчи Гудвин, человек Вульфа, так? Послушай, дружище…

Я стряхнул его руку.

— Что вы людей пугаете? Моя пресс-конференция назначена на завтра, я дам ее в рабочем кабинете. Я ничего не знаю и сказать ничего не могу, а то меня верованс прибьет. Вы знаете, кто такой «верованс»?

Он послал меня к черту и снова полез в кусты.

Действо в «Покахонтас» разворачивалось в двух частях. У входа стояли два полицейских, и первая половина шоу начиналась сразу за дверью. Лакей в зеленой куртке открыл мне дверь, но пялился он в другую сторону. Дверь в большую гостиную была закрыта. Констанца Беррэн стояла у стены со скрещенными на груди руками. Она сверкала глазами на двух полицейских в униформе и толстяка с бляхой на пиджаке, не дававших ей пройти. Казалось, только что они удерживали

ее силой. Меня она не заметила. Увидев, что дверь в малую гостиную открыта, и услышав доносившиеся оттуда голоса, я направился туда. Полицейский резко окликнул меня, но я и ухом не повел, а ему хватало дел и без меня.

В малой гостиной были Толман с косоглазым шерифом и еще несколько полицейских. В наручниках и под охраной стоял Жером Беррэн. Я удивился, что он не крушил мебель и не калечил людей, что было бы вполне уместно в его положении, а только тяжело дышал и гневно смотрел на окружающих. Толман обращался к нему:

— Мы принимаем во внимание, что вы иностранец и не знаете здешних законов, и сделаем все возможное, чтобы не причинять вам излишних неудобств. В нашей стране обвиняемый в убийстве не может быть отпущен под залог. Ваши друзья, без сомнения, обеспечат вам услуги адвоката. Я уже сказал вам, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас, и советую вам молчать, пока вы не посоветуетесь с адвокатом. Ведите его к машине шерифа у заднего входа, ребята.

Но сразу уйти им не удалось. Из холла раздались крики и вопли, и в дверь, словно торнадо, ворвалась Констанца Беррэн, а за ней — поли-

цейские. Один из них хотел схватить ее за руку, но с тем же успехом он мог бы попытаться остановить снежную бурю. Я думал, что она вскочит на стол, чтобы вцепиться Толману в горло, но она остановилась, прожгла взглядом полицейских и развернулась к Толману.

— Ты дурак! Дурак! Свинья! Это мой отец! Он не будет убивать в спину! — Она грохнула по столу кулаком. — Отпусти его! Немедленно отпусти его, идиот!

Один из полицейских схватил ее за руку. Беррэн зарычал и шагнул было к нему, но двое охранников удержали его. Судя по виду Толмана, больше всего на свете он хотел бы провалиться сквозь землю. Констанца выдернула руку, а Беррэн тихим голосом сказал ей что-то по-итальянски. Она подошла к нему, и он хотел было обнять ее, но в наручниках это было невозможно. Он наклонился и поцеловал ее в макушку. Она повернулась и секунд десять смотрела на Толмана. Со своего места я не мог видеть ее лица, но не сомневаюсь, что, случись у него под ногами открытый люк, он бы немедленно туда шагнул. Потом она повернулась и вышла из комнаты.

Толман потерял дар речи. По крайней мере, он стоял молча. Шериф Петтигрю встряхнулся:

— Пошли, ребята, я с вами.

Я свалил оттуда, не дожидаясь их ухода. В холле Констанцы не было. Я задумался, не заглянуть ли мне в большую гостиную в надежде найти там кого-нибудь, кто знает больше, но потом решил, что сперва следует доложить об увиденном. И я поспешил вернуться в «Апшур».

Вульф уже покончил с газетами и сложил их в стопку на комоде. Он сидел с книгой в большом кресле, которое все же было ему маловато. Когда я вошел, он продолжил читать, всем своим видом показывая, насколько ему нет до меня дела. Я решил подыграть, устроился на диване, развернул газету и притворился, что погрузился в чтение. Минут через пять, дождавшись, пока Вульф перевернет пару страниц, я заговорил:

— Между прочим, с вашей стороны было чертовски проницательно отказаться от предложения Лиггета. Вот смеху-то было бы. Беррэна сейчас и газированную воду продавать не уговоришь.

И Вульф, и книга остались недвижимы, но Вульф заговорил:

— Я полагаю, мистер Мальфи зарезал мистера Беррэна. Тем лучше.

— Еще не зарезал, а теперь уже и не сможет.

Беррэн в цепях. Его везут в тюрьму. Мой старый приятель Толман потрудился во славу правосудия.

— Тьфу. Если тебе приспичило фантазировать, то напрягай получше воображение.

— Мистер Толман арестовал мистера Беррэна за убийство мистера Ласцио. Он увез его в тюрьму без права выхода под залог, — терпеливо объяснил я.

Книга слегка опустилась.

— Арчи, что за вздор?

— Ничего, всё чистая правда.

— Он предъявил Беррэну обвинение в убийстве?

— Да, сэр.

— Господи, да с чего же? Он что, дурак?

— Мисс Беррэн так и сказала. Свинья, мол, и дурак.

Все это время Вульф продолжал держать книгу на весу. Теперь он опустил ее на необъятные просторы коленей. Через несколько секунд он снова поднял ее, отметил страницу и отложил на журнальный столик. Затем он откинулся назад, закрыл глаза, сплел пальцы на животе, и я увидел, как он вытягивает губы трубочкой, потом втягивает их, вытягивает и втягивает снова. Такого я

никак не ожидал и задумался над тем, что могло послужить причиной подобного волнения.

Через некоторое время он заговорил, не открывая глаз:

— Ты же понимаешь, Арчи, что я не очень бы хотел браться за что-либо, что могло бы помешать нам вовремя уехать в Нью-Йорк.

— «Не очень» в данном случае слабое выражение, есть и посильнее.

— Разумеется. С другой стороны, я буду еще большим дураком, чем мистер Толман, если упущу такую возможность. Похоже, единственным способом добиться успеха будет найти убийцу Ласцио. Остается вопрос, успеем ли мы уложиться в оставшийся тридцать один час? Точнее, в двадцать восемь, потому что на завтрашнем торжественном обеде я должен произнести речь «Вклад Америки в мировую кулинарию». Успеем ли мы найти убийцу за двадцать восемь часов?

— Конечно, успеем, — небрежно махнул я рукой. — Господи, я все спланирую, вы уточните детали…

— Именно так. Конечно, торжественный обед могут и отменить, но вряд ли, поскольку только один раз в пять лет… Итак, первое, что необходимо сделать…

Я бросил газету и выпрямился, предвкушая возможность разогнать кровь в жилах.

— Простите, но почему бы нам не позвать Лиггета да и принять его предложение? Раз уж мы все равно этим делом займемся, то неплохо бы заодно и гонорар получить.

— Нет. Мы будем связаны с ним обязательствами, которые можем не успеть выполнить до завтрашнего вечера. Свобода дороже любых денег. Итак, начнем. Сейчас же приведи сюда мистера Толмана.

Вот так всегда. Когда-нибудь он потребует, чтобы я привел к нему Сенат с Палатой представителей впридачу. Я возразил:

— После того как утром вы отказались подойти к телефону, Толман и не подумает приходить. К тому же он считает, что уже нашел убийцу. И я не думаю…

— Арчи! Ты сказал, что разработаешь план. Пожалуйста, сходи за мистером Толманом, а по дороге разработай план, как убедить его прийти.

Я отправился за шляпой.

6

Я поспешил вернуться в «Покахонтас», надеясь еще застать Толмана там и соображая на бегу, что бы такого ему наплести, но опоздал. Швейцар в зеленой куртке в дверях поведал, что Толман сел в машину и уехал в западном направлении. Я развернулся и пустился в галоп. Было весьма вероятно, что он планировал задержаться у главного корпуса, и тогда я бы его догнал. Я влетел в вестибюль, перевел дыхание и принялся высматривать его среди пальм, колонн, лакеев в зеленых куртках и постояльцев в самых разнообразных одеяниях, от костюмов для верховой езды до легких платьев, прикрывающих лишь самые пикантные места владелиц. Я уже хотел подойти к стойке портье, как за спиной раздался мрачный голос:

— Ну, привет, стукачок.

Я обернулся и смерил его презрительным взглядом.

— Здорово, крыса. Даже не крыса, не знаю, как там оно называется, живет под землей и питается гнилью.

— Не по адресу, — замотал головой Оделл. — Все, что ты мне рассказал, ну, что Ласцио пристукнуть хотят, я ночному портье разболтал, и, когда все это случилось, конечно, они ко мне с этим пристали. Что мне оставалось делать? А ты тоже хорош, сразу стал о камнях трепаться, как последний кретин. Не ровен час шериф поймет, что к чему!

— Я не кретин, я сыщик, а у шерифа и без того дел по горло, — отмахнулся я. — Ладно, забудем это. Мне нужен Толман, ты его видел?

Оделл кивнул.

— Он в кабинете управляющего, беседует с Эшли и прочими. Один из Нью-Йорка прилетел, Лиггет. Вот, кстати, хотел с тобой поговорить по этому поводу. Побить бы тебя хорошенько за твои штучки, но, так и быть, прощу, а ты мне доброе дело сделай.

— Простить — это правильно, прощать полезно. Не побивай, да не побиваем будешь.

— Ладно. Тут вот какое дело. Надоело мне здесь. Работа хоть и неплохая, но в остальном тоска смертная. А тут вижу, как этот Рэймонд Лиггет сегодня прилетел, так первым делом спросил, где номер Ниро Вульфа, и прямиком к нему поспешил, даже к Эшли не заглянул поздороваться. Видать, высоко он Вульфа ценит. Я и подумал, а

ведь лучше места, чем сыщик отеля «Черчилль» честному парню вроде меня и не найти. — Глаза Оделла заблестели. — Уж там бы я развернулся! Ты бы замолвил словечко Вульфу, пусть он устроит мне встречу с Лиггетом, пока тот здесь. Только так, чтобы местные не пронюхали, а то вдруг не выгорит.

Черт побери, подумал я, мы и впрямь превращаемся в контору по трудоустройству. Я не люблю огорчать людей, так что я не стал посвящать Оделла в детали отношений Вульфа и Лиггета и продолжил разговор, не спуская глаз с дверей кабинета управляющего. Я выразил радость по поводу того, что он не хочет хоронить себя в глуши, одобрил его похвальные устремления, и мы продолжили обмениваться любезностями, пока дверь кабинета не отворилась и из нее не показался Барри Толман. Я дружески хлопнул Оделла по плечу, вложив в удар достаточно силы, чтобы он понял, насколько просто меня побить, и пустился в погоню между пальм и колонн.

Я настиг Толмана у выхода. Его голубые глаза устало смотрели с небритого лица.

— Да? Вы что-то хотите? Я спешу.

— Я тоже. Я не собираюсь извиняться за то, что Вульф не подошел утром к телефону. Всем извест-

но, что у него свои причуды. Тут уж ничего не поделаешь. Вы мне еще в понедельник пришлись по душе, у вас открытое лицо и прямой характер, и раз уж я вас здесь встретил, то скажу. Я видел, как вы арестовали Беррэна. Вы меня не заметили, но я там был. Когда я вернулся в номер и рассказал об этом Вульфу, то знаете, что он сделал? Он дернул себя за нос!

— Ну и что? — нахмурился Толман. — Не мой же нос он дергал, при чем здесь я?

— Да ничего, только если б вы знали Вульфа так же хорошо, как и я… Он дергает себя за нос только когда уверен, что кто-то совершает огромную глупость. Поступайте как хотите, но вы еще молоды, и худшие ошибки у вас впереди. Я просто сейчас увидел, как вы идете, и чисто по-дружески решил помочь. Если мы придем к нему прямо сейчас, то, думаю, мне удастся убедить Вульфа поговорить с вами. Во всяком случае, я постараюсь.

Я отступил на шаг.

— Но если вам некогда…

Он продолжал хмуриться, но к его чести времени терять не стал. Он взглянул в мои честные глаза и, резко сказав: «Идем!», направился к выходу. Я поспешил за ним, ликуя, как бойскаут.

Придя в «Апшур», я вынужден был продолжать

представление и, не желая оставлять Толмана без присмотра в вестибюле, провел его в номер и закрыл в своей комнате. Затем я прошел в комнату Вульфа, закрыл и эту дверь, уселся на диван и ухмыльнулся толстому сукину сыну в лицо.

— Ну что, нашел его? — нетерпеливо спросил он.

— Конечно, нашел. И привел. — Я ткнул пальцем в направлении двери. — Но сперва мне надо убедить вас его принять. Пяти минут хватит, но он вполне способен подкрасться, чтобы подслушать под дверью. Я возвысил голос:

— Как же так? А справедливость? Общество? Права человека, наконец?

Вульфу пришлось слушать, потому что другого выхода у него не было, и я постарался на славу. Когда я решил, что хватит, то закрутил вентиль, прошел к себе, ободряюще взмахнул рукой и повел Толмана к Вульфу. Он был настолько взволнован, что чуть не сел мимо кресла, и сразу же приступил к делу:

— Я так понял, что вы считаете, будто я дал маху?

Вульф покачал головой:

— Это не мои слова, мистер Толман. Пока мне не известны причины, которыми вы руководство-

вались, я не могу составить разумное суждение о ваших действиях. Но если навскидку, то боюсь, что вы поступили необдуманно.

— Я так не думаю. — Толман выставил вперед подбородок. — Я посоветовался с коллегами из Чарльстона, они согласны с моими выводами. Не то чтобы я перекладывал на них ответственность, она на мне. Между прочим, у меня в Чарльстоне конференция, и мне надо попасть туда до шести вечера, а это шестьдесят миль езды. Я не намерен упираться рогом, я бы Беррэна в два счета отпустил, вот так, — он щелкнул пальцами. — Если б мне показали, что я неправ. Если вам известно что-то, чего не знаю я, то я был бы чертовски благодарен получить от вас эту информацию сегодня утром, когда я пытался до вас дозвониться. Я и сейчас буду благодарен. Не говоря уже о гражданском долге.

— Мне не известно ничего, что могло бы доказать невиновность мистера Беррэна, — мягко сказал Вульф. — Вас привел сюда безудержный энтузиазм мистера Гудвина. Прошлой ночью я уже сказал вам, что думаю об этом деле. Возможно, я смогу помочь больше, если вы расскажете, на чем основаны ваши выводы. Не нарушая тайну следствия, разумеется. Но помните, что я

ни на кого не работаю и не представляю ничьих интересов.

— Нет никаких тайн. У меня было достаточно причин, чтобы арестовать Беррэна и предъявить ему обвинение. Думаю, что их хватит и для обвинительного приговора. Вы знаете, что у него была возможность совершить это убийство. Он многократно, в присутствии свидетелей, грозился убить Ласцио. Обычно убийца не объявляет о своих намерениях заранее, возможно, он рассчитывал именно на такое впечатление, но, по-моему, он переигрывал. Сегодня утром я опросил всех снова, особенно Беррэна и Вукчича, и Вукчича исключил. Я много всего узнал, но самое убедительное доказательство предложили мне вы. Я сравнил ответы с контрольным списком, который мы нашли в кармане Ласцио. Никто, кроме Беррэна, не сделал больше двух ошибок.

Он достал из кармана бумаги и выбрал одну.

— Ответы пятерых, включая Вукчича, полностью совпали с контрольными. Четверо, включая вас, сделали по две ошибки, причем одни и те же. — Он сунул бумаги в карман и наклонился к Вульфу.

— Беррэн угадал только дважды. Он ошибся семь раз!

Наступило молчание. Вульф прикрыл глаза. Через некоторое время он проговорил:

— Вздор. Нелепица.

— Вот именно! — горячо согласился Толман. — Просто невероятно, что в тесте, который девять участников выполнили в среднем на девяносто процентов, Беррэн набрал всего двадцать два. Этому может быть только два объяснения. Либо он только что убил или готовился убить и не мог сохранять спокойствие, необходимое для верного различения вкусов, либо он так замешкался с убийством, что у него не оставалось времени на пробы, и заполнил ответы наугад. Я считаю эти ответы неопровержимым доказательством его вины и не сомневаюсь, что присяжные согласятся со мной. И я хочу сказать, что очень вам благодарен за эту подсказку. Чертовски умная идея, и я не скрываю, что она принадлежала вам.

— Благодарю вас. Скажите, а вы не спросили у мистера Беррэна, что он думает по этому поводу?

— Конечно. Он изобразил изумление и никаких объяснений не предложил.

— Вы назвали это «неопровержимым доказательством его вины». Это слишком сильное заявление. Возможны и другие варианты. Ответы Беррэна могли быть подделаны.

— На листке стоит его подпись. Он отдал его Сервану, а тот не выпускал ответы из рук, пока не передал мне. Вы готовы подозревать Сервана?

— Я никого не подозреваю. Кто-то мог переставить таблички или блюда.

— Таблички никто не трогал. Беррэн признает, что они были расположены по порядку. Так они и были расставлены изначально. И кто мог сперва переставить блюда, а когда Беррэн вышел, вернуть их на место?

Снова воцарилось молчание.

— И все-таки это нелепица, — упрямо проворчал Вульф.

— И еще какая, — Толман сильнее наклонился вперед. — Послушайте, Вульф, я, конечно, окружной прокурор и все такое, и мне надо делать карьеру, и я прекрасно понимаю, чего стоит добиться успеха в таком громком деле. Но если вы думаете, что я с радостью вцепился в Беррэна, то вы ошибаетесь. Мне… — Он помолчал и начал снова. — Мне это не доставило ни малейшего удовольствия. По некоторым причинам это было самое трудное решение в моей жизни. У меня к вам непростой вопрос. Допустим, что следующие факты неопровержимо доказаны. Во-первых, Беррэн собственноручно проставил семь оши-

бочных ответов на подписанном им листке. Во-вторых, когда он пробовал соусы, и блюда, и карточки стояли в том же порядке, что и для остальных участников. В-третьих, найти что-либо, опровергающее эти факты, не представляется возможным. И в-четвертых, вы присягнули на должность окружного прокурора. Предъявили бы вы Беррэну обвинение в убийстве?

— Я бы подал в отставку.

Толман всплеснул руками:

— Но почему?

— Потому что я видел выражение лица мистера Беррэна и слышал голос сразу после того, как он вышел тогда из банкетного зала.

— Да, но я-то его не видел. Если бы вы были на моем месте, приняли бы вы ваши слова и суждения о его лице и голосе?

— Нет.

— Известно ли вам что-либо, что могло бы объяснить его семь ошибок?

— Нет.

— Известно ли вам что-либо в дополнение к тому, что вы уже рассказали, что могло бы доказать его невиновность?

— Нет.

— Ну что ж, — Толман откинулся назад, недо-

вольно посмотрел на меня, что было совершенно несправедливо с его стороны, и снова перевел взгляд на Вульфа. Он нервно подвигал челюстью, потом, заметив это за собой, крепко сжал губы. Затем он снова заговорил:

— Честно сказать, я надеялся, что вы что-нибудь знаете. Со слов Гудвина я думал, что у вас найдется объяснение всему этому. Вы говорите, что на моем месте ушли бы в отставку, но какая от этого, к черту, польза…

Я не дослушал. Планам Вульфа провести этот день в тишине и спокойствии не суждено было сбыться. Раздался громкий и продолжительный стук в дверь. Открывая, я рассчитывал в свете последних событий снова увидеть двух гостей из Нью-Йорка, но на пороге стояло трио совершенно другого сорта: Луи Серван, Вукчич и Констанца Беррэн.

Вукчич сразу перешел к делу:

— Нам нужно поговорить с мистером Вульфом.

Я пригласил их внутрь и показал на свою комнату.

— Подождите минутку. Он беседует с мистером Барри Толманом.

Констанца отшатнулась и ударилась о стену. По выражению ее лица можно было подумать,

будто я заявил, что мои карманы набиты жабами и гадюками. Она потянулась к ручке входной двери, но Вукчич перехватил ее руку.

— Да не волнуйтесь вы так, — успокоительно сказал я. — Разве мог мистер Вульф отказать такому приятному молодому человеку в желании поплакаться ему в жилетку? Пройдите сюда, да, и вы тоже…

Дверь в комнату Вульфа отворилась, и появился Толман. В полутемной прихожей он не сразу разглядел присутствующих, но когда он увидел ее, у него перехватило дыхание. Он устремил на нее зачарованный взгляд, страшно побледнел и трижды попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Нельзя было сказать, что его потерянный вид принес ей хоть какое-то удовлетворение, потому что, по всей видимости, она его просто-напросто не заметила. Она взглянула на меня и сказала, что, наверное, теперь мистер Вульф сможет их принять. Вукчич взял ее под руку, и Толман посторонился, словно в тумане. Он перекинулся парой слов с Серваном, вышел, и я закрыл за ним дверь.

Новоприбывшие не обрадовали Вульфа, но и не рассердили его. Он принял мисс Беррэн без энтузиазма, но с подчеркнутой вежливостью, и

извинился перед Вукчичем и Серваном за свое сегодняшнее отсутствие в «Покахонтасе». Серван уверил его в ненужности извинений, а Вукчич сел, запустил пятерню в свою нечесаную гриву и проворчал, что, мол, как же досадно, что это случилось во время встречи Пятнадцати мэтров. Вульф осведомился, отменят ли запланированные мероприятия, и Серван отрицательно покачал головой. Нет, сказал он, встреча продолжится по плану, но сердце его разбито. Много лет он мечтал о том времени, когда ему выпадет честь стать главой Пятнадцати и принять у себя коллег. Эта встреча должна была стать вершиной его карьеры, усладой его старости, и случившееся нанесло ему ужасный удар. Но нет, все будет продолжено по плану. Нынче вечером он как глава общества и принимающая сторона прочтет речь о Les Mystères du Goût, над которой он работал два года. Завтра в полдень будут избраны новые члены общества на замену покойным, теперь, увы, уже четверым, а в четверг вечером будет заслушана речь Вульфа, Contributions Américaines à la Haute Cuisine. Но какое несчастье, какой удар по содружеству.

— Но, мистер Серван, разве можно приступать к еде в таком унынии, — возразил Вульф. — Раз

уж благодушие недостижимо, то не лучше ли открыто выразить враждебность? Враждебность к виновному в произошедшем.

— Вы имеете в виду Беррэна? — удивился Серван.

— Боже упаси, нет, конечно. Я сказал «к виновному». Не думаю, что это Беррэн.

— Ах, — вздрогнула Констанца и посмотрела на Вульфа с такой благодарностью, что я бы не удивился, если бы она подскочила и расцеловала его. Ну или хотя бы пролила на него газировку. Но все ограничилось только взглядом.

— Похоже, они считают, что нашли доказательства, — проворчал Вукчич. — Эти семь ошибок в тесте. Как, черт возьми, так получилось?

— Понятия не имею. А ты, Марко, считаешь, что это был Беррэн?

— Нет, не считаю. — Вукчич опять запустил руку в волосы. — Это какая-то бессмыслица. Они и меня подозревали. Дескать, я потанцевал с Диной и у меня вскипела кровь. Ну да, вскипела! — повторил он вызывающим тоном. — Тебе не понять, Ниро, что значит танцевать с подобной женщиной. Ее огонь зажег меня однажды и может зажечь снова, если я подойду слишком близко и позволю себе загореться. — Он пожал

плечами и вдруг взорвался:

— Но удар ножом в спину — слишком много чести этой собаке! Таких только по носу щелкают, большего они не достойны. Но послушай, Ниро. Я привел к тебе мисс Беррэн и мистера Сервана, это была моя инициатива. Если бы ты сказал, что считаешь Беррэна виновным, я не знаю, что бы мы тут наговорили, но, к счастью, ты так не считаешь. Мы все обсуждали этот вопрос, и почти все согласились пожертвовать деньги в фонд защиты Беррэна, ведь он в чужой стране. И разумеется, я сказал им, что лучшей защитой будет нанять тебя…

— Но прошу вас, мистер Вульф, — принялся убеждать его Серван, — поймите, только крайняя необходимость заставляет нас просить вас о помощи. Вы наш гость, мой гость, и было бы непростительно…

— И при этом, — перебил его Вукчич, — после того как я объяснил твои привычки относительно гонораров, жертвовали они щедро.

Констанца подвинулась к краю кресла и вставила свое слово:

— Я могу перевести одиннадцать тысяч франков, но это потребует времени, они лежат в банке в Ницце.

— Да чтоб вас всех! — Вульф был вынужден повысить голос. Он наставил палец на Сервана. — Я вижу, сэр, Марко поведал вам о моих запросах. Он прав, я живу на широкую ногу и в обычных случаях не стесняюсь обдирать своих клиентов. Но он мог бы добавить, что помимо того я еще и безнадежный романтик. Отношения хозяина и гостя для меня святы. Гость подобен сокровищу, что покоится на перинах гостеприимства. Хозяин же царит, равно в приемной и на кухне, иные роли ему не подобают. Поэтому не может быть и речи о том…

— Да к черту речи! — нетерпеливо взмахнул рукой Вукчич. — Что ты хочешь сказать, Ниро, что тебе нет дела до Беррэна?

— Нет. Я хочу сказать, что не может быть и речи о фондах и гонорарах. Разумеется, я займусь этим делом, я принял это решение еще до вашего прихода. Но я не стану брать деньги от тех, у кого я в гостях. Времени терять нельзя, мне необходимо остаться в одиночестве и все обдумать. Но раз уж вы здесь… — Он перевел взгляд на Констанцу. — Мисс Беррэн. Вы кажетесь убежденной, что ваш отец не убивал мистера Ласцио. Почему?

Ее глаза удивленно расширились.

— Ну… вы же тоже так считаете, вы так сказали.

Мой отец не убийца.

— Мало ли что я сказал. Есть ли у вас какие-либо доказательства, считающиеся таковыми в глазах правосудия, ибо с правосудием нам предстоит иметь дело?

— Ну… только… это же вздор! Все же понимают…

— Понятно. Доказательств невиновности у вас нет. Есть ли у вас какие-либо догадки или доказательства виновности кого-либо?

— Нет, и мне совершенно все равно. Только ведь все понимают…

— Прошу вас, мисс Беррэн. Предупреждаю вас, перед нами стоит непростая задача, а времени мало. По окончании нашей беседы я советую вам вернуться в номер, привести в порядок свои чувства и тщательно воссоздать в памяти все, что вы видели и слышали с момента приезда в «Канову». Приложите усердие. Запишите все, что вам покажется имеющим хоть малейшее значение. Отнеситесь к этому заданию серьезно, это единственное, чем вы можете помочь отцу.

Он снова перевел взгляд на Сервана.

— Мистер Серван. Во-первых, я задам вам тот же вопрос, что и мисс Беррэн. Есть ли у вас доказательства невиновности Беррэна или же

предположения или доказательства виновности кого-либо еще?

Серван медленно покачал головой.

— Плохо. Должен предупредить вас, что вполне вероятно единственный способ оправдать Беррэна — это найти настоящего убийцу и доказать его вину. Мы не можем обелить всех, ведь Ласцио мертв. Если вы знаете что-либо о ком-то еще, но скрываете, то это нельзя назвать помощью.

Глава Пятнадцати мэтров снова покачал головой.

— Мне не известно ничего, что бросило бы тень на кого-либо еще.

— Хорошо. Насчет листка бумаги с ответами Беррэна. Он лично отдал его вам?

— Да, сразу как вышел из банкетного зала.

— Под ответами стояла его подпись?

— Да. Чтобы избежать путаницы, я всякий раз проверял наличие подписи перед тем, как убирать ответы в карман.

— Насколько вы уверены в том, что никто не мог подменить ответы Беррэна после того, как он отдал их вам, и до того, как вы передали их мистеру Толману?

— Абсолютно уверен. Ответы все время лежали у меня во внутреннем кармане пиджака, и, разу-

меется, я никому их не показывал.

Вульф помолчал, вздохнул и повернулся к Вукчичу.

— А ты, Марко, что тебе известно?

— Да ничего мне не известно!

— Это ты пригласил миссис Ласцио на танец?

— Я… да при чем здесь это?

— Послушай, Марко, — буркнул Вульф, не сводя с него глаз. — На данный момент я не имею ни малейшего понятия, как мне искать то, что следует найти. Мне действительно надо знать то, о чем я спрашиваю, и я не имею в виду оскорбить.

Вукчич нахмурился и сел. Наконец он проворчал:

— Кажется, это она предложила, но мог бы и я.

— Ты просил ее включить радио?

— Нет.

— Значит, это была ее идея — начать танцевать под радио именно в тот момент?

— Какого черта? — Вукчич раздраженно уставился на старого друга. — Не понимаю, к чему ты ведешь, Ниро…

— Разумеется, не понимаешь. Я сам не понимаю. Диву даешься порой, как хитро бывает завязан узел. Говорят, есть два верных способа потерять друга: одолжить ему денег и усомнить-

ся в искренности чувств женщины к нему. Я не стану терять твоей дружбы. Вполне вероятно, что миссис Ласцио не смогла удержаться от удовольствия потанцевать с тобой. Нет, Марко, прошу тебя, я не пытаюсь тебя поддеть. А теперь, если вы не возражаете… Мисс Беррэн, мистер Серван? Мне надо все как следует обдумать.

Они поднялись. Серван деликатно попытался еще раз поднять тему гонорара, но Вульф только отмахнулся. Констанца пожала ему руку с выражением лица, не оставляющим сомнений если не в искренности ее чувств, то, по крайней мере, в искренности ее просьбы о помощи.

Вернувшись, я уселся и принялся наблюдать, как Вульф обдумывает. Он сидел в любимой позе, закрыв глаза и откинувшись назад, хотя, конечно, с куда меньшим удобством, чем дома. Если бы не едва заметное шевеление губами, можно было подумать, что он спит. Я попробовал обдумать все самостоятельно, но далеко не продвинулся. По всему выходило, что убийца — Беррэн, но если бы Вукчич и Блан вздумали настаивать, я бы рассмотрел и их кандидатуры. Насколько я понимал, остальные были совершенно ни при чем. Разумеется, оставалась возможность того, что когда пришел черед Вукчича пробовать соусы, Ласцио

просто ненадолго отлучился, а потом вернулся, и тут-то либо Валленко, либо Росси и спутал его с игольником, но эта версия меня не привлекала. Весь тот вечер я просидел в большой гостиной и теперь старался вспомнить, выходил ли кто-нибудь в малую. Точнее, мог ли я поклясться, что никто не выходил. Да, мог. Через полчаса напряженного умственного труда я продолжил считать убийцей Беррэна и подумал, что Вульф не зря отказался от двух предложений получить деньги за свои труды: в сложившихся обстоятельствах он вряд ли смог бы их заработать.

Вульф пошевелился. Глаза он не открыл, зато открыл рот.

— Арчи. Те двое цветных, что дежурили вчера у главного входа в павильоне «Покахонтас». Выясни, где они сейчас.

Я прошел к телефону в свою комнату, решив, что моему приятелю Оделлу будет проще это выяснить. Не прошло и десяти минут, как я вернулся с докладом:

— С шести часов они снова дежурят в «Покахонтасе». Те же двое. Сейчас 6:07. Их фамилии…

— Не надо, спасибо. Фамилии не нужны. Вульф сел прямо и посмотрел на меня. — Наш враг укрылся за непроницаемой стеной. Он считает

себя неуязвимым и вполне возможно, что так оно и есть — ни окон, ни дверей в его крепости. Или ее крепости. Но есть одна маленькая брешь, и мы поглядим, не получится ли ее расширить. Потрясающая стена! — Он вздохнул. — И только одна брешь. А если и это не удастся…

Он пожал плечами и с горечью продолжил:

— Как тебе известно, сегодняшний обед — торжественный и предполагает подобающую одежду. Я бы хотел оказаться там как можно раньше. Язык повелевает, ноги повинуются.

Он начал готовиться к подъему из кресла.

7

Когда мы добрались до «Покахонтас», до семи вечера еще оставалось двадцать минут. Вульф неплохо смотрелся в вечернем костюме, особенно учитывая отсутствие Фрица, оставшегося за тысячу миль отсюда, ну а меня и вовсе можно было ставить в витрину вместо манекена.

Интерес Вульфа к зеленым курткам возбудил во мне естественное любопытство, но оно осталось неудовлетворенным. Когда мы зашли в холл и отдали им шляпы, Вульф заговорил с ними, но махнул мне рукой, чтобы я не задерживался. Оделл не соврал: это были те же двое цветных, что и вчера.

До обеда оставалось больше часа, и в большой гостиной почти никого не было, за исключением мамаши Мондор с рюмкой шерри и вязаньем да Валленко и Кифа с устроившейся между ними на диване Лизеттой Путти. Я поздоровался, подошел к мамаше Мондор и попытался выяснить, как будет по-французски «вязанье», но мои жесты привели ее в такое возбуждение, что казалось, будто она вот-вот полезет в драку, и я свалил от

греха подальше.

Вошел Вульф. Его глаза блестели, и я понял, что брешь в стене еще не сомкнулась. Он поприветствовал присутствующих, задал пару вопросов и выяснил, что Луи Серван на кухне, руководит приготовлением обеда. Затем он подошел ко мне и тихо послал по неотложному делу. Мог бы и пораньше сказать, а не заставлять меня бегать по жаре в парадном костюме, недовольно подумал я, и это при том, что гонорара мы не получим. Но жаловаться не стал и отправился за шляпой.

Пройдя напрямик по газону до центральной аллеи, я направился к главному корпусу. По пути я решил не пытаться заводить новые знакомства, а снова обратиться к Оделлу. К счастью, он стоял на виду возле лифтов, так что искать его не пришлось. Его взгляд был полон надежд.

— Ну что, ты спросил Вульфа? Он виделся с Лиггетом?

— Нет еще. Не волнуйся, старина, времени не было. Мне срочно кое-что нужно. Найди мне хорошую штемпельную подушечку — желательно новую, с чернилами, пять-шесть десятков листков гладкой белой бумаги, лучше глянцевой, и лупу.

— Батюшки! — он вытаращился на меня. — Ты

что, на ФБР работаешь?

— Да нет, просто мы так развлекаемся. Может, и Лиггет примет участие. Давай по-быстрому, а?

Он попросил подождать и скрылся за углом. Через пять минут он вернулся и, передавая мне заказанные предметы, заметил:

— Бумагу и штемпельную подушечку пришлось включить в счет. А лупа моя личная, не забудь и не увези с собой случайно.

Я обещал не забыть, поблагодарил и поспешил назад. По дороге я забежал в «Апшур» и рассовал по карманам баночку талька из ванной, ручку и блокнот. Затем я отыскал журнал по криминологии, который взял с собой в поездку, и отрезал ножом страницу с иллюстрациями к статье о новой классификации отпечатков пальцев. Я свернул ее внутрь рулона с белой бумагой, полученной от Оделла, выскочил из номера и помчался через газон обратно в «Покахонтас». Всё это время я пытался понять, что же за брешь собирается Вульф штурмовать с помощью такого странного набора орудий.

Но объяснений я не получил. Судя по всему, он не терял времени. Хотя я отсутствовал не более четверти часа, он успел расположиться в малой гостиной, в самом большом и удобном кресле за

тем же столом, что ранее защитил Толмана от атаки Констанцы Беррэн. Напротив с усталым и недоверчивым выражением лица, сидел Сергей Валленко.

Вульф закончил обращенную к Валленко фразу и взглянул на меня.

— Все принес, Арчи? Отлично. Пожалуйста, штемпельную подушечку и бумагу сюда на стол. Я объяснил мистеру Сервану, что раз уж я начал расследование, то мне необходимо всех опросить и снять отпечатки пальцев. Мистер Валленко первый. Все десять пальцев, пожалуйста.

Вот это поворот. Чтобы Ниро Вульф занялся отпечатками пальцев, да еще после того как копы измазали порошком весь банкетный зал и вновь разрешили его использовать? Я прекрасно понимал, что Вульф блефует, но не мог сообразить, что он задумал на самом деле, и поэтому в который раз был вынужден, не зная дороги, рулить по свету его задних фар. Я снял отпечатки пальцев Валленко на двух листках бумаги и подписал их, а Вульф поблагодарил и отпустил его.

— Это еще что за контора по выяснению личности? — осведомился я, когда мы остались одни.

— Погоди, Арчи. Посыпь отпечатки мистера Валленко тальком.

Я в изумлении уставился на него.

— Господи, тальком-то зачем?

— Так будет убедительней и загадочней. Сыпь. Дай мне страницу из журнала. Приемлемо. Нам понадобится только верхняя часть, отрежь и убери в карман. Положи лупу на стол. А, мадам Мондор? Asseyez-vous, s'il vous plaît.

Она так и пришла с вязаньем. Он задал ей несколько вопросов, перевод которых я так и не удосужился узнать, передал ее в мое ведомство, и я снял ее отпечатки. Никогда я не чувствовал себя таким идиотом, как тогда, посыпая тальком отличные свежие образцы. Третьим клиентом была Лизетта Путти, за ней проследовали Киф, Блан, Росси, Мондор… Вульф задавал им всем по нескольку вопросов, но я знал его как облупленного, и по его голосу и поведению мне было очевидно, что он прикидывался так же, как и я. И уж точно это не походило на атаку бреши в укреплениях врага.

Затем вошла китаянка Лоренса Койна. На званый обед она явилась в красном шелке, с веточкой горного лавра в черных волосах. Узкие глазки, круглое личико, точеная фигурка — она словно сошла с рекламы кругосветных путешествий. Вульф резко приказал мне взять блокнот,

чего он не просил при разговорах с остальными, и я тут же понял, что ее-то мы и поджидали. Однако он начал задавать ей все те же вопросы, объяснил насчет отпечатков пальцев и подождал, пока я их сниму. Впрочем, на этом он не закончил. Когда я дал ей вытереть пальцы моим уже вконец загубленным носовым платком, Вульф поудобней устроился в кресле и негромко заговорил:

— Кстати, миссис Койн, мистер Толман рассказал мне, что, когда вчера вечером вы гуляли вокруг павильона, вы никого не видели, кроме одного служащего, у которого спросили, что за птица кричит, и он ответил, что это козодой. Вы не слыхали, как кричит козодой?

Выражение ее лица осталось непроницаемым.

— Нет, они не водятся в Калифорнии.

— Я знаю. Насколько мне известно, вы ушли до того, как началась дегустация соусов, и вернулись вскоре после того, как мистер Вукчич зашел в банкетный зал, так?

— Я ушла до начала. Я не знаю, кто был в банкетном зале, когда я вернулась.

— Я знаю. Мистер Вукчич. — Вульф говорил таким беспечным тоном, что мне было ясно: он расставил ловушку. — Также вы сказали мистеру Толману, что все то время, пока вас не было, вы

гуляли, верно?

— Да, — кивнула она.

— А когда вы вышли из гостиной, вы разве не прошли сперва к себе в номер?

— Нет, на улице было тепло, и я обошлась без шали.

— Хорошо. Я просто уточняю. Но пока вы гуляли, может, вы зашли в коридор левого крыла корпуса через малую террасу и таким путем прошли к себе в номер?

— Нет, — был ее спокойный и равнодушный ответ. — Я все время была снаружи.

— И в номер не заходили?

— Нет.

— И вообще никуда?

— Нет, только гуляла. Муж подтвердит, я люблю гулять по вечерам.

Вульф скривился.

— И когда вы вернулись, вы прошли напрямую через центральный холл в большую гостиную?

— Да. Вы тоже там были. Вы беседовали с моим мужем.

— Все так. А теперь, миссис Койн, я должен сознаться, что вы поставили меня в тупик. В свете того, что вы сперва рассказали мистеру Толману, а теперь подтвердили в разговоре со мной, про-

ясните, пожалуйста: какой именно дверью вы прищемили себе палец?

Она не дрогнула, и выражение ее лица осталось прежним. Разве что щелочки ее глаз стали еще уже, но даже в этом я бы не смог поручиться. Но избежать заминки у нее не вышло.

— А, вы имеете в виду мой палец? — спросила она после десятисекундной паузы, выдержанной ею с непроницаемым лицом. Она потупилась и снова подняла взгляд. — Я попросила мужа поцеловать его.

— А я услышал, — кивнул Вульф. — Так какой же дверью вы его прищемили?

У нее уже был готов ответ.

— Большой входной дверью. Ее так тяжело открывать, и когда она захлопнулась…

— Так не пойдет, миссис Койн! — Резко прервал ее Вульф. — Мистер Толман допросил и швейцара, и гардеробщика еще во вторник вечером. Они оба помнят и ваш уход, и ваше возвращение и абсолютно уверены, что швейцар открыл вам дверь, закрыл ее за вами и никаких пальцев вы не прищемляли. Дверью из холла в гостиную вы тоже не могли себе ничего прищемить: я видел, как вы входили. Так что это была за дверь?

— Швейцар *лжет*, потому что он был небрежен

и причинил мне боль, — невозмутимо ответила она.

— Я так не думаю.

— А я знаю. Он лжет. — Она встала, бесшумно и быстро. — Я скажу мужу. — Она бросилась к выходу.

— Арчи! — рявкнул Вульф.

В один прыжок я загородил ей дорогу. Она замерла, не отрывая от меня глаз.

— Вернитесь и сядьте, — сказал Вульф. — Я вижу, что вы решительный человек, но и я тоже. Мистер Гудвин легко справится с вами. Если же вы позовете на помощь, то в конечном итоге ничего не изменится. Сядьте, пожалуйста.

Она села и возразила:

— Мне незачем звать на помощь. Я просто хотела рассказать мужу…

— Что швейцар солгал. Но он не лгал. Впрочем, нет нужды мучить вас беспричинно. Арчи, дай мне фотографию отпечатков пальцев с двери в банкетный зал.

Черт бы тебя побрал, подумал я. Когда-нибудь я не успею отбить твою подачу и ты научишься, наконец, предупреждать заранее. Однако в этот раз смысл его просьбы был очевиден. Я вынул из кармана журнальную страницу с иллюстрациями

отпечатков пальцев, передал ему и, окончательно разгадав его замысел, подвинул ближе бумагу с образцами, взятыми у Лио Койн. Вульф взял лупу и начал сравнивать. Он сдвинул обе бумаги и не спеша принялся рассматривать в лупу то одну, то другую, периодически удовлетворенно кивая.

Наконец он объявил:

— Три очень похожи, скорее всего их признают одинаковыми. А левый указательный палец совершенно идентичен, отличный четкий отпечаток. Как по-твоему, Арчи?

Я взял образцы и с умным видом стал рассматривать их через лупу. Журнальные отпечатки были взяты у какого-то автомеханика с мозолистыми натруженными пальцами, и я в жизни не видел менее похожих наборов отпечатков. Я добросовестно их посравнивал, даже посчитал вслух завитки, и вернул их Вульфу.

— Вы правы! — С чувством согласился я. — Без сомнения, они одинаковые, любому видно.

— Видите ли, мадам, — обратился Вульф к миссис Койн мягким, почти нежным голосом. — Я должен объяснить. Разумеется, все знают про отпечатки пальцев, но новейшие методики их снятия известны только специалистам. Мистер Гудвин — эксперт в этой области. Среди прочего

он обследовал и дверь с террасы в банкетный зал, нашел там отпечатки, которые остались незамечены полицией, и сфотографировал их. Как видите, современные методы сбора доказательств приносят свои плоды. Это неоспоримо доказывает, что во вторник вечером именно эта дверь прищемила вам палец. По некоторым причинам я и раньше так думал. Ваши объяснения мне без надобности. Объяснять вы будете полиции, после того, как я предоставлю им эти фотографии и добавлю, что вы утверждаете, будто бы прищемили палец входной дверью. Между прочим, предупреждаю вас не ждать от полиции обходительности. Им не понравится то, что вы скрыли от мистера Толмана правду. Когда он расспрашивал вас о ваших передвижениях тем вечером, вам следовало сразу признаться, что вы входили в банкетный зал через террасу.

Ее лицо было олицетворением невозмутимости, и я в жизни не видывал игры лучше. Можно было поклясться, что если она и обеспокоена чем-то, то разве что потерей палочки для еды. Наконец она произнесла:

— Я не входила в банкетный зал.

— Расскажите это полицейским, — пожал плечами Вульф. — После того, как вы обману-

ли мистера Толмана, пытались обмануть нас, а мистер Гудвин, кстати, все это записал, и после вашей попытки обвинить швейцара. И главное, при наличии этих отпечатков.

Она протянула руку.

— Дайте их мне, я хочу посмотреть.

— Если полицейские сочтут нужным, они вам их покажут. Извините, миссис Койн, но эта фотография является важной уликой, и я хочу предъявить ее властям в целости и сохранности.

Она вздрогнула, но выражение лица осталось прежним. Выдержав очередную паузу, она сказала:

— Да, я заходила в коридор левого крыла через малую террасу. Я прошла к себе в номер и прищемила палец дверью ванной. Потом, когда мистера Ласцио нашли убитым, я испугалась и решила не говорить, что я вообще заходила внутрь.

Вульф кивнул.

— Можете попробовать и так, — мягко сказал он. — Конечно, пробуйте, если считаете, что дело того стоит. Вы понимаете, конечно, что отпечатки пальцев на двери в банкетный зал все равно придется объяснить? В любом случае, вы попались, и вам придется выкручиваться. — Он резко повернулся ко мне и приказал:

— Арчи, иди в холл, там есть телефонная будка. Позвони в полицию при отеле, пусть сейчас же подъедут.

Я неторопливо поднялся и хотел было дополнительно замешкаться, убирая блокнот и ручку, но она опередила меня. На ее лице проявились признаки жизни. Она взмахнула на меня ресницами и протянула ко мне руку, а потом взмахнула ресницами на Вульфа и протянула к нему обе прелестные ручки.

— Мистер Вульф, — воскликнула она умоляющим голосом. — Не надо! Не надо полиции, я не сделала ничего плохого!

— Ничего плохого, мадам? — возразил Вульф строгим тоном. — Вы говорите неправду и мне, и властям, расследующим убийство, и не видите в этом ничего плохого? Иди, Арчи!

— Нет! — Она вскочила. — Говорю же, я ничего не сделала!

— Вы вошли в банкетный зал в ту же минуту, может быть, в ту же секунду, когда убивали Ласцио. Может, это вы его убили?

— Нет! Я ничего не сделала! Я не входила в банкетный зал!

— Ваша рука касалась двери. Что вы там делали?

Она стояла не сводя с него глаз, и я стоял уже поставив ногу, всем своим видом демонстрируя полную готовность бежать за полицией. Она завершила сцену тем, что села и тихо произнесла:

— Придется рассказать вам все, не так ли?

— Или мне, или полиции.

— Но, если я расскажу вам, вы все равно расскажете полиции.

— Возможно. Возможно, и нет. Это будет зависеть от ситуации. Рано или поздно вам все равно придется рассказать правду.

— Полагаю, вы правы. — Она крепко сцепила пальцы, и ее руки резко выделялись на красном платье, облегавшем колени.

— Поймите, я боюсь. Я китаянка, а полиция не любит китайцев. Но дело не в этом. Я боюсь того, кого я увидела в банкетном зале, потому что он наверняка и убил мистера Ласцио.

— Кто это был? — мягко спросил Вульф.

— Я не знаю. Но если я расскажу о нем и он узнает, что я видела его и рассказала… Но я уже начала рассказывать. Видите ли, мистер Вульф, я родилась и училась в Сан-Франциско, но я китаянка, и нас не считают за полноценных американцев. Никогда. Но так или иначе… я сказала мистеру Толману правду. Я все время была на

улице. Я люблю гулять по вечерам. Я ходила по траве между деревьев и кустов, слушала козодоя, перешла через дорогу к фонтану. Потом я вернулась, но не со стороны левого крыла, а с другой. Гостиную я через шторы видела, а банкетный зал не могла, потому что жалюзи на стеклянных дверях были закрыты. Я решила, что будет забавно подглядеть, как будут дегустировать соусы, это казалось мне такой глупой затеей… Я взошла на террасу, чтобы найти щелочку в жалюзи, но они были плотно закрыты. Потом мне послышалось, будто в банкетном зале что-то упало, но разобрать, что это было, мешала музыка радио, доносившаяся из окна гостиной. Я постояла там еще немного, но все было тихо, и я подумала: вдруг кто-то так рассердился, что смахнул блюда на пол, и было бы забавно приоткрыть тихонько дверь и посмотреть, ведь музыка играет громко и меня не услышат. Я совсем чуть-чуть приоткрыла дверь, но даже не успела увидеть стол, потому что перед ширмой стоял человек, в профиль ко мне. Его палец был приложен к губам, знаете, когда кому-то велят вести себя тихо. Он смотрел на приоткрытую дверь в буфетную. Оттуда выглядывал один из негров. Тот, что стоял у ширмы, начал поворачиваться в мою сторону. Я хотела поскорее

закрыть дверь, оступилась, схватилась другой рукой за косяк, чтобы не упасть, и прищемила палец. Я подумала, что было бы глупо попасться за подглядыванием, отбежала за кусты, постояла там и вернулась в павильон через главный вход. Вы видели, как я входила в гостиную.

— Кто это был? — требовательно спросил Вульф.

Она покачала головой.

— Не знаю.

— Миссис Койн, давайте не будем начинать все сначала. Вы видели его лицо.

— Только в профиль. Конечно, этого хватило, чтобы понять, что это негр.

Вульф моргнул. Я моргнул дважды.

— Негр? — недоверчиво переспросил Вульф. — Вы хотите сказать, один из здешних лакеев?

— Да, в ливрее. Как официанты.

— Официант из павильона?

— Нет, я уверена, что нет. Он был заметно чернее, чем они и… Я уверена, что это не был один из них. Я его не узнала.

— Чернее, чем они, и что? Что вы хотели добавить?

— То, что это не мог быть один из официантов, потому что потом он вышел и ушел. Я же сказала,

что отбежала за кусты. Я простояла там всего несколько секунд, а потом дверь отворилась, он вышел и пошел по дорожке, ведущей за дом. Мне было не очень хорошо видно через кусты, но я решила, что это он и был.

— Вы разглядели его ливрею?

— Да, чуть-чуть, когда он открыл дверь и свет падал на него сзади. А потом было слишком темно.

— Он бежал?

— Нет, шел.

Вульф нахмурился.

— А тот, кто выглядывал из двери, был одет в ливрею или это был один из поваров?

— Не знаю. Та дверь была лишь приоткрыта, и я видела только глаза и часть лица. Его я тоже не узнала.

— А мистера Ласцио вы видели?

— Нет.

— А кого-нибудь еще?

— Нет. Я больше ничего не видела и все вам рассказала. Полностью. А потом, когда мистер Серван объявил нам, что мистера Ласцио убили, я поняла, что я услышала тогда. Я слышала падение мистера Ласцио и видела его убийцу. Я не сомневаюсь в этом. Но когда меня стали

расспрашивать, где я гуляла и куда ходила, я испугалась и не стала ничего рассказывать. И в любом случае…

Ее изящные ручки взлетели к груди и снова упали на колени.

— Конечно же, я расстроилась, когда они арестовали мистера Беррэна, ведь я же знала, что это ошибка. Я хотела дождаться, пока вернусь домой, в Сан-Франциско, и рассказать все мужу, и посоветуй он записать всё как было и послать сюда, я так бы и сделала.

— А тем временем… — Вульф пожал плечами. — Вы рассказывали об этом кому-либо еще?

— Никому.

— Вот никому и не рассказывайте. — Вульф выпрямился в кресле. — В сущности, должен вам сказать, миссис Койн, что вы поступили эгоистично, но при этом мудро. Если бы я не услышал случайно, как вы попросили мужа поцеловать ваш пальчик, ваша тайна, а значит, и вы были бы в безопасности. Скорее всего, убийца Ласцио знает, что кто-то стоял у двери и видел его, но не знает, кто именно, ведь дверь была приоткрыта лишь на пару дюймов, а снаружи было темно. Если он узнает, что это были вы, то он вас и в Сан-Франциско достанет. В высшей степени

необходимо не дать ему даже заподозрить вас. Никому ничего не говорите. Если кто-нибудь полюбопытствует, почему, в отличие от прочих, вы задержались здесь так надолго, скажите ему — или ей — что по обычаям вашего народа снимать отпечатки пальцев — дурная примета и мне потребовалось все мое терпение, чтобы вас уговорить. В свою очередь, я сделаю так, чтобы полиция вас не вызывала и не допрашивала, дабы не вызвать лишних подозрений. И, кстати…

— Вы не скажете полиции?

— Этого я не обещаю. Вы должны довериться мне. Я хотел спросить: кроме меня и полиции, расспрашивал ли вас кто-нибудь еще о вашей прогулке? Кто-нибудь из гостей?

— Нет.

— Вы уверены? Никаких небрежных вопросов?

— Нет, я бы запомнила… — нахмуренные брови нависли над щелочками ее глаз. — Мой муж, конечно…

Стук в дверь прервал ее. Вульф кивнул мне, и я встал и впустил стучавшего. Это оказался Луи Серван.

Он подошел к Вульфу и извиняющимся голосом сказал:

— Я не хотел мешать, но обед… уже пять минут

девятого…

— Да! — Вульф оказался на ногах заметно быстрее обычного. — Я ждал его полгода. Благодарю вас, миссис Койн. Арчи, пожалуйста, проводи миссис Койн. Могу ли я задержать вас всего на пару слов, мистер Серван? Я буду краток.

8

Торжественный обед, который давал старейшина Пятнадцати мэтров, по традиции приходился на второй вечер их съездов, происходивших раз в пять лет. На этот раз, хотя столы ломились от разнообразных яств, атмосферу нельзя было назвать праздничной. Застольные беседы во время закусок велись нервно и неохотно, и, когда Доменико Росси отпустил какое-то громкое замечание на французском, несколько человек засмеялись было, но тут же прекратили и в наступившем молчании уставились друг на друга.

К моему удивлению, среди гостей присутствовала и Констанца Беррэн, но ее усадили не со мной, как в прошлый раз, а рядом с Луи Серваном, восседавшим во главе стола. По ее другую руку разместился неизвестный мне забавный тип с буйными усами. Сидевший справа от меня Леон Блан пояснил, что это французский посол. Были и другие новые гости, среди которых я увидел потенциального работодателя для моего приятеля Оделла Рэймонда Лиггета, управляющего курортом «Канова» Клэя Эшли и Альберта Маль-

фи. Черные глаза Мальфи шныряли по лицам гостей, и, поймав взгляд кого-нибудь из мэтров, он сверкал ослепительной улыбкой. Леон Блан ткнул вилкой в его направлении:

— Вы только посмотрите на этого Мальфи! Пытается набрать достаточно голосов, чтобы завтра утром быть избранным в число Пятнадцати. Ха! Ни творческой жилки, ни воображения! Беррэн его поднатаскал, вот и все! — Он презрительно взмахнул вилкой и подцепил ею кусочек мусса из икры речной селедки.

Женщина-омут, отныне вдова-омут, отсутствовала, но все остальные, исключая, разумеется, Беррэна, были в наличии. По-видимому, убийство зятя не произвело большого впечатления на Росси: он все так же задирался и отпускал колкости в адрес как отдельных личностей, так и целых наций. Мондор не обращал на него внимания. Вукчич торопливо глотал, словно представлял себя на коротком обеденном перерыве. Захмелевшего Рэмзи Кифа время от времени одолевали приступы хихиканья, уместного разве что для его племянницы. Когда подали антре, Леон Блан снова заговорил:

— А малышка Беррэн держится молодцом. Луи поместил ее между собой и послом в знак ува-

жения к Беррэну, и она оправдывает доверие, храбро защищая честь отца. — Блан вздохнул. — Вы ведь слышали, что я сказал Вульфу, когда он расспрашивал меня о событиях прошлой ночи. Следовало ожидать, что грехи Филиппа Ласцио наконец настигнут его. Бесчестье было у него в крови. Если бы он был жив, я мог и сам его убить. Но убийство — это не по мне. Я кулинар, а не мясник. — Он проглотил кусочек кролика и снова вздохнул. — Взгляните на Луи. Это важнейшее событие в его жизни, и его civet de lapin — само совершенство, если не считать некоторого перебора с букетом гарни. Возможно, это потому, что кролики совсем молодые, и их нежный вкус, не имеющий еще ярко выраженных нот дичи, не нуждался в таком большом количестве трав. Луи достоин того, чтобы обед прошел весело и мы отдали должное его мастерству, а вы только посмотрите на нас! — И он снова принялся за кролика.

Кульминация вечера для меня наступила, когда подали кофе и крепкие напитки, и Луи Серван поднялся, чтобы произнести речь «О тайнах вкуса», над которой он трудился два года.

Я не ценитель высокой кухни, но глотая коньяк, я жмурился, дабы не оставлять ему лишней

щелочки, через которую он мог бы испариться. По телу разлились приятное тепло и сытость, и я был готов насладиться увлекательной и, вероятно, познавательной речью. И тут зазвучало:

— Mesdames et messieurs, mes confrères des Quinze Maîtres: Il y a plus que cent ans un homme fameux, Brillat-Savarin le grand…

Он продолжал в том же духе, и я понял, что попал в ловушку. Знай я заранее, какой язык старейшина мэтров избрал для своего выступления, я бы что-нибудь придумал, но нельзя же было просто встать и уйти. Что ж, бутылка коньяка еще была полна на две трети, и моей главной задачей стало постараться не уснуть. Поэтому я откинулся на спинку стула и принялся наблюдать за движениями рук и губ оратора. Надо понимать, это была неплохая речь: все полтора часа слушатели улыбались, кивали, поднимали брови, иногда аплодировали, а Росси порой кричал «Браво!» Когда Рэмзи Кифа сразил очередной приступ хихиканья, Серван прервался и вежливо подождал, пока Лизетта Путти его успокаивала. Один раз я почувствовал себя неловко, когда Серван замолчал, медленно оглядел стол и из его глаз по щекам покатились две слезы. Вокруг зашептались, сидевший рядом Леон Блан шмыгнул носом, а я

прочистил горло и потянулся за коньяком. По окончании речи все сгрудились вокруг Сервана и принялись жать ему руки, а кое-кто и целовать.

Постепенно гости группами переместились в гостиную. Я поискал глазами Констанцу Беррэн, но тщетно: похоже, она израсходовала всю свою храбрость. Кто-то тронул меня за руку и заговорил со мной, и я обернулся к неожиданному собеседнику.

— Извините, ведь вы мистер Гудвин? Ваше имя назвал мне мистер Росси. Я видел вас сегодня… с мистером Вульфом…

Я подтвердил истинность всего перечисленного. Это был Альберт Мальфи — специалист по антре без творческой жилки и воображения. Он отпустил пару замечаний на тему обеда и речи Сервана и перешел к делу:

— Я слышал, что мистер Вульф все-таки решил взяться за это дело… я имею в виду, за расследование убийства. Я так полагаю, на это повлиял арест Беррэна?

— Нет, не думаю. Все потому, что Вульф здесь гость, а гость подобен сокровищу, что покоится на перинах гостеприимства.

— Несомненно. Разумеется, — он окинул комнату быстрым взглядом и вновь сосредоточился

на мне. — Мне надо кое-что рассказать мистеру Вульфу.

— Так вон же он, — я кивнул в направлении Вульфа, живо общавшегося с троицей мэтров. — Идите и рассказывайте.

— Нет, я не хочу прерывать его беседу, он же почетный гость Пятнадцати, — последние слова он произнес благоговейным тоном. — Я решил спросить у вас… можно, я приду завтра с утра? Может, это и не имеет значения… Когда сегодня мы, то есть мистер Лиггет и я, говорили с миссис Ласцио, и я рассказал ей это…

— Вы друзья с миссис Ласцио? — я смерил его взглядом.

— Конечно, нет. У таких женщин не друзья, а рабы. Я знаком с ней, конечно. Так вот, когда я рассказал ей о Зелоте, то и она, и мистер Лиггет оба решили, что об этом следует рассказать мистеру Вульфу. Но тогда Беррэн еще не был арестован и все думали, что убийца мог войти с террасы. Но раз теперь мистер Вульф хочет снять подозрения с Беррэна, то он должен знать о Зелоте. — Мальфи улыбнулся. — Отчего же вы хмуритесь, мистер Гудвин? Думаете, что в моих интересах, чтобы Беррэна осудили, и гадаете, отчего я так бескорыстен? Я не бескорыстен. Стать шеф-поваром в

«Черчилле» — мечта моей жизни. Но Жером Беррэн оценил меня еще тогда, в маленькой таверне в Аяччо. Он вывел меня в люди, обучил меня своему мастерству, и я не стану покупать себе славу ценой его несчастья. К тому же я знаю его натуру: он не стал бы убивать Ласцио таким образом, в спину. Поэтому я и хочу рассказать мистеру Вульфу о Зелоте, и миссис Ласцио с мистером Лиггетом согласны со мной. Мистер Лиггет считает, что полиции рассказывать не имеет смысла, потому что они удовлетворены арестом Беррэна.

Я глядел на него и размышлял, пытаясь вспомнить, где же я слышал фамилию Зелота. Внезапно меня осенило:

— Да-да, вы имеете в виду Зелоту из Таррагоны. В 1920 году Ласцио у него что-то украл.

— Вам известно о Зелоте? — удивился Мальфи.

— Так, кое-что. Что же вы разузнали о нем? Или вы предпочтете подождать до утра и лично рассказать все мистеру Вульфу?

— Нет, зачем же. Зелота в Нью-Йорке.

— Ну, в этом он не одинок, — усмехнулся я. — Нет ничего противозаконного в том, чтобы находиться в Нью-Йорке, там полно людей, не убивавших Ласцио. Вот был бы он в «Канове», тогда другое дело.

— Так, может, он как раз в «Канове».

— Но не в двух же местах одновременно. Даже присяжные такому не поверят.

— Но он мог сюда приехать. Я не знаю, что вам известно о Зелоте, но он ненавидел Ласцио больше, чем… — Мальфи пожал плечами. — Он люто ненавидел его. Беррэн нередко говорил мне об этом. А месяц назад Зелота объявился в Нью-Йорке и пришел ко мне просить работу. Я не взял его, потому что он окончательно спился и потому что я не забыл, что рассказывал мне Беррэн, и я заподозрил, что он хотел получить место в «Черчилле» только для того, чтобы добраться до Ласцио. Потом я слышал, что Вукчич поставил его на супы в «Рустермане» и продержался он всего неделю. — Он снова пожал плечами. — Вот и все. Я рассказал об этом миссис Ласцио и мистеру Лиггету, и они решили, что я должен пойти и рассказать мистеру Вульфу. Больше мне о Зелоте ничего не известно.

— Ну что ж, премного благодарен. Я передам ваш рассказ Вульфу. Вы с утра еще будете здесь?

Он ответил утвердительно и отчалил, вновь рыская взглядом в охоте за потенциальными избирателями. Я прошелся по комнатам, ловя обрывки чужой болтовни, увидел подзывающий

меня палец Вульфа, подошел к нему, и он объявил, что пора уходить.

Это меня устраивало: я давно был готов завалиться спать. Я пошел в холл, забрал у гардеробщика шляпы и, позевывая, ждал, пока Вульф закончит прощаться. Когда мы уже были в дверях, он остановился и заявил:

— Кстати, Арчи, дай этим людям по доллару. В память о замечательном вечере.

Я вытащил из туго свернутой пачки наличных две бумажки и выдал их зеленым курткам.

Вернувшись в наш номер 60 в «Апшуре», я включил свет и закрыл окно, чтобы, когда Вульф начнет раздеваться, уберечь его нежную кожу от сквозняка. Потом я встал посреди комнаты, потянулся и сладко зевнул.

— Вот ведь какое дело. Стоит мне разок лечь позже обычного, вот как вчера в четыре утра, и я потом сам не свой, пока не высплюсь как следует. Я уж думал, вы так и будете там болтать с ними, а дело-то уже к полуночи…

Я не договорил, потому что его действия выглядели подозрительно. Он даже не начал расстегивать жилет, а плотно уселся в большое кресло, словно рассчитывал провести в нем немалое время.

— Ночь на дворе, а вы опять решили пораскинуть мозгами? — осведомился я. — Вам мало было вечера?

— Мало, — мрачно отозвался он. — Еще много работы. Я договорился с мистером Серваном, что как только повара и официанты из «Покахонтас» освободятся, они придут сюда. Они будут здесь через четверть часа.

— О господи! — Я сел. — С каких это пор мы работаем в ночную смену?

— С тех пор, как мы обнаружили мистера Ласцио с ножом в спине. — Он помрачнел еще больше. — У нас мало времени. В свете того, что рассказала нам миссис Койн, может быть, слишком мало.

— И что, все эти темные личности завалятся к нам всей толпой? Их там не меньше дюжины будет.

— Если под темными личностями ты имеешь в виду людей с черной кожей, то да.

— Я имею в виду африканцев. — Я снова встал. — Послушайте, босс, по правде сказать, вы не туда зашли, совсем не туда. Африканцы там или темные, называйте как хотите, но с ними так себя не ведут. Ничего они вам не расскажут. Хотели бы — рассказали шерифу, как только он

скосил бы на них глаза. Я же не стану выбивать из них показания, словно пыль из ковров. Все, что можно сделать, это позвать с утра Толмана с шерифом, миссис Койн им все расскажет, а дальше пусть сами разбираются.

— Они приедут не раньше восьми, — пробурчал Вульф. — Выслушают ее рассказ и неизвестно еще, поверят ли. Как-никак, она китаянка. Они примутся ее расспрашивать и допрашивать, и если даже в итоге решат, что она говорит правду, то Беррэна все равно не отпустят, потому что ее история никак не объясняет его ошибок. В полдень они возьмутся за негров, поодиночке. Одному богу известно, сколько на это все уйдет времени, но скорее всего, к полуночи, когда наш поезд отправится в Нью-Йорк, они все еще будут допрашивать негров и так ничего и не выяснят.

— Если кто и выяснит, так это они, а не вы. Я вас предупреждаю, сами увидите. Эти черные — тертые калачи, их и не так порой прессуют. Вы верите рассказу миссис Койн?

— Разумеется, сомнений быть не может.

— Не могли бы вы объяснить мне, как вы узнали, что она прищемила палец дверью в банкетный зал?

— Этого я не знал. Все, что я знал, — это то, что

она рассказала Толману, будто вышла наружу, никуда не заходя по дороге, оставалась снаружи и вернулась в гостиную, опять никуда не заходя, и еще я знал, что она прищемила палец дверью. Когда она заявила, что прищемила его на входе, что было явной ложью, я понял, что она что-то скрывает, и использовал приготовленные нами заранее доказательства.

— Мной приготовленные. — Я сел. — Вы у кого угодно все что угодно выманить способны, даже листья у веток! А не могли бы вы объяснить мне, какой мог быть у одного из этих закопченных ребят мотив для убийства Ласцио?

— Полагаю, ему заплатили. — Вульф поморщился. — Не люблю убийц, пусть они и обеспечивают мой заработок, но особенно терпеть не могу тех, кто покупает нужную ему смерть. Те, кто убивает сам, по крайней мере не пачкают чужих рук в крови, а платить за убийство… тьфу! Это не просто мерзко, это бесчестно. Надо думать, цветной был нанят. И это, разумеется, усложняет дело.

— Не страшно, — отмахнулся я. — Сейчас они придут, я выстрою их в шеренгу, вы прочтете им краткую лекцию о гражданском долге и Десяти заповедях, объясните, что мочить людей незаконно, даже если уплачено вперед, а потом вы

велите поднять руку тому, кто зарезал Ласцио, его рука взметнется вверх, и все, что вам останется, это спросить, кто ему заплатил и сколько…

— Хватит, Арчи. — Он вздохнул. — Удивительно, как у меня терпения хватает выносить… — но они пришли, впусти их.

Это был тот случай, когда Вульф совершил ошибку, которую нередко ставил мне в вину, а именно — сделал преждевременные выводы. Потому что когда я прошел в прихожую и открыл дверь, то передо мной оказались не африканцы, а Дина Ласцио. Я уставился на нее, пытаясь справиться с удивлением. Она устремила на меня томные миндалевидные глаза и заговорила:

— Простите, что беспокою вас в такой поздний час, но… могу я видеть мистера Вульфа?

Я попросил ее подождать и вернулся в комнату.

— Это не люди с черной кожей, а женщина. Вас хочет видеть супруга Филиппа Ласцио.

— Как, опять?

— Да, сэр. Закутана в черный плащ, но с непокрытой головой.

Вульф поморщился.

— Да чтоб ее. Пусть войдет.

9

Я сидел, смотрел, слушал и чувствовал себя циником. Вульф медленно и ритмично потирал щеку кончиком указательного пальца, а это означало, что, несмотря на недовольство, он ничего не упускает из виду. Дина Ласцио сидела перед ним в свободной и непринужденной позе, откинув плащ. Ее гладкая шея белела поверх простого черного платья без ворота, а глаза были скрыты в тени ресниц.

— Извинения излишни, мадам, — обратился к ней Вульф. — Просто расскажите все, что хотели. Я жду посетителей и ограничен во времени.

— Это касается Марко, — сказала она.

— Неужели? И что же его касается?

— Вы так бесцеремонны, — она улыбнулась, и улыбка застыла в уголках ее губ. — Вы же понимаете, что нельзя ожидать от женщин подобной прямоты. Прямой дороге мы предпочитаем окольные тропы. Вам известно это. Только я не уверена, насколько хорошо вы разбираетесь в женщинах, подобных мне.

— Не могу сказать. Вы считаете себя особен-

ной?

Она кивнула.

— Да, считаю. Я убеждена в этом. Не то чтобы я к этому стремилась, но… Она шевельнула рукой. — Это сделало мою жизнь интересной, но беспокойной. Не знаю, к чему это все приведет. А сейчас я беспокоюсь за Марко, потому что он считает, что вы подозреваете его в убийстве моего мужа.

Вульф прекратил тереть щеку.

— Чепуха, — отрубил он.

— Нет, не чепуха, он действительно так считает.

— Почему? Это вы ему сказали?

— Нет. И я не потерплю… — она прервалась на полуслове, подалась вперед, чуть склонив голову набок, и так и застыла с полуоткрытым ртом, вглядываясь в лицо Вульфа. Смотреть на нее было исключительно приятно. Она говорила правду, утверждая, что не стремится быть особенной. Ей не нужно было стремиться. От ее лица, да и от всей фигуры исходил какой-то неуловимый призыв, заставлявший бессознательно менять курс в ее направлении. Я продолжал держаться циником, хотя легко представлял себе ситуацию, когда и цинизм бы меня не спас.

— Мистер Вульф, почему вы всегда стараетесь уколоть меня? — мягко спросила она. — Что вы имеете против меня? Вчера, когда я рассказала вам, что мне сказал Филипп про мышьяк, и сейчас, когда я рассказываю вам о Марко…

Она откинулась на спинку кресла. — Как-то, очень давно, Марко сказал мне, что вы женоненавистник.

Вульф покачал головой.

— И снова чепуха. Я никогда не позволил бы себе такого хамского утверждения. Ненавидеть женщин? Это потрясающе успешные животные. Из соображений удобства я поддерживаю видимость невосприимчивости к ним. Я выработал ее много лет назад под давлением необходимости. Признаюсь, что к вам у меня особые счеты: Марко Вукчич — мой друг, вы были его женой и бросили его. Вы мне не нравитесь.

— Ах, это было так давно! — Она слегка взмахнула рукой, потом пожала плечами. — Так или иначе, сейчас я представляю интересы Марко.

— Вы хотите сказать, это он вас послал ко мне?

— Нет. Но я пришла ради него. Всем известно, что вы взялись снять с Беррэна обвинение в убийстве моего мужа. Как же иначе вы можете сделать это не обвинив Марко? Беррэн утвер-

ждает, что, когда он вышел из банкетного зала, Филипп был жив, а Марко говорит, что, когда он вошел, Филиппа там не было. Так что если не Беррэн, то убийцей выходит Марко. И к тому же сегодня вы расспрашивали Марко, приглашал ли он меня танцевать и предлагал ли мне включить радио. Есть лишь одно объяснение вашим вопросам: вы заподозрили, что он хотел, чтобы звуки радио заглушили грохот, который мог донестись из банкетного зала, когда он… если бы там что-то произошло.

— Так Марко рассказал вам, что я спрашивал про радио.

— Конечно. — Она слегка улыбнулась. — Он решил, что мне следует знать об этом. Видите, он простил мне то, чего вы прощать не желаете.

Я не дослушал, потому что в дверь постучали. Я прошел в прихожую, закрыл за собой дверь в комнату Вульфа и отпер наружную. Хоть я и был предупрежден, но увиденное все равно повергло меня в шок. Можно было подумать, что в холле собралось пол-Гарлема. Четверо или пятеро из них так и пришли в зеленых куртках, в которых они обслуживали нас за обедом, а остальные, повара и прочие работники кухни, были в своей обычной одежде.

Впереди стоял старший официант павильона «Покахонтас», с кожей светло-коричневого цвета и с отрубленной мочкой уха. Я почувствовал к нему дружеское расположение: ведь это именно он поставил передо мной спасительный коньяк. Я пригласил их войти, отступил, чтобы меня не растоптали, указал им на дверь моей комнаты и проследовал за ними.

— Придется вам подождать здесь, ребята. У мистера Вульфа посетитель. Садитесь где придется. Садитесь на кровать, она моя, но, похоже, мне уже не понадобится. Если задремлете, всхрапните и за меня разок.

Я оставил их и пошел посмотреть, как Вульф управляется с женщиной, которая ему не нравится. Ни тот, ни другая не удостоили меня и взглядом. Она продолжала:

— …но мне не известно ничего сверх того, что я рассказала вам вчера. Разумеется, я понимаю, что не только у Беррэна и Марко была возможность это сделать. По вашим словам, кто-то мог войти в банкетный зал с террасы, ведь вы об этом думаете, не так ли?

— Это один из возможных вариантов. Но вернемся немного назад, миссис Ласцио. Вы хотите сказать, что Марко Вукчич рассказал вам о радио

и выразил опасение, что я подозреваю его в том, что он устроил так, чтобы радио было включено, чтобы дать ему возможность убить вашего мужа?

— Ну… — она заколебалась. — Не совсем так. Марко не станет выражать опасений. Но по тому, как он это говорил, было ясно, что он всерьез озабочен этим. И я пришла к вам, чтобы выяснить, действительно ли вы подозреваете его.

— Так вы здесь, чтобы его защищать? Или же удостовериться, что в своей неуклюжести я не упустил случайно из виду и этот вывод в числе прочих, напрашивающихся из столь своевременно включенного радио?

— Ни то и ни другое. — Она улыбнулась. — Вам не удастся меня рассердить, мистер Вульф. А вы сделали и другие выводы? И много их?

Вульф нетерпеливо помотал головой.

— Перестаньте, пожалуйста, у вас плохо получается. Я имею в виду вашу притворную беспечность. Я не против словесных поединков, но сейчас у меня нет на это времени. Уже полночь, и в соседней комнате меня ждут посетители. Пожалуйста, дайте мне договорить. Я хочу прояснить свою позицию. Я признал, что предубежден против вас. Я знал Марко Вукчича и до его женитьбы

на вас, и после. Я видел, насколько он изменился. Вы спросите, почему я не обрадовался, узнав, что вы внезапно выбрали себе другую цель? Да потому что вы оставили после себя руины. Приучать человека к кокаину подло, но приучить его, а потом отнять наркотик — просто чудовищно. Природой назначено мужчине питать женщину, а женщине — мужчину, физически и духовно, но вы не способны дать ничего, никому. Флюиды, истекающие от вас, ваших глаз, губ, кожи, очертаний вашей фигуры, ваших движений, — эти флюиды не благотворны, но губительны. Я принимаю во внимание, что вы живая женщина, с инстинктами и желаниями. Вы увидели Марко и захотели его. Вы обволокли его миазмами своих испарений, и ничем иным он больше не хотел дышать. А затем, повинуясь капризу, вы лишили его себя и оставили задыхаться.

Она и бровью не повела.

— Но я же сказала, я особенная…

— Нет, позвольте. Я еще не кончил. Раз уж мне представилась такая возможность, то я выскажу вам все, что о вас думаю. Я был неправ, назвав ваш уход капризом. Это был холодный расчет. Вы ушли к Ласцио, человеку вдвое старше вас, потому что это позволило вам подняться, не

духовно, но материально. Возможно, вы также обнаружили, что Марко слишком сильная личность. Одному дьяволу известно, почему вы не продвинулись выше Ласцио в Нью-Йорке, где столько возможностей. Ведь Ласцио, в вашем понимании, не более чем шеф-повар на жалованье. Но, разумеется, вы были еще молоды, не старше тридцати… Сколько вам сейчас?

Она молча улыбнулась.

— Я полагаю, дело в том, что у вас недостает ума. По сути, вы невменяемы в том смысле, что невменяемый человек неспособен приноровиться к естественной и здоровой среде обитания и тем несет опасность окружающим, поскольку человеческие свойства включают в себя способность к эмоциональной привязанности и готовность соблюдать приличия, обуздывая свои эгоистические и хищнические инстинкты. И поэтому вы невменяемы. — Он выпрямился и наставил на нее палец. — А теперь послушайте меня. У меня нет времени на словесные поединки. Я не подозреваю Марко в убийстве вашего мужа, хотя и допускаю эту возможность. Я сделал все возможные выводы из чересчур своевременного включения радио, я продолжаю обдумывать их, но еще не пришел к окончательному заключе-

нию. Что еще вы хотели бы узнать?

— То, что вы сейчас высказали обо мне… — Она приподняла ладонь, но снова опустила ее на ручку кресла. — Это все рассказал вам Марко?

— Марко не произносил вашего имени пять лет. Что еще вы хотели бы узнать?

Она шевельнулась. Я видел, как поднялась и опустилась ее грудь, испуская неслышный вздох.

— Вряд ли это принесет пользу, раз я невменяема, но, думаю, мне следует убедиться, что Мальфи рассказал вам о Зелоте.

— Нет. О чем речь, кто это?

— Он рассказал мне, — вмешался я. Они уставились на меня, и я продолжил: — Я не успел доложить вам. После обеда Мальфи подошел ко мне в гостиной и рассказал, как давным-давно Ласцио что-то украл у Зелоты и Зелота поклялся убить его. Где-то месяц назад Зелота объявился в Нью-Йорке и пришел к Мальфи проситься на работу. Мальфи не взял его, и он устроился в «Рустерман» к Вукчичу, проработал неделю и исчез. Мальфи сказал, что, когда он рассказал об этом Лиггету и миссис Ласцио, они решили, что ему следует уведомить об этом и вас.

— Спасибо. Что-нибудь еще, мадам?

Она молча смотрела на него из-под полупри-

крытых век, так, что мне, да я уверен, что и Вульфу, не было видно ее глаз. Затем, не говоря ни слова, она выкинула такую штуку. Оставив плащ на спинке кресла, она неторопливо поднялась, шагнула к Вульфу, протянула руку и потрепала его по плечу. Он отодвинулся и повернул свою массивную шею, чтобы взглянуть ей в лицо, но она уже шагнула назад, и с легкой улыбкой потянулась за плащом. Я подскочил подать его, надеясь, что и меня потреплют, но, по-видимому, она не считала нужным баловать прислугу. Пожелав Вульфу спокойной ночи тоном не кислым и не сладким, просто прощаясь, она пошла к выходу. Я проводил ее и закрыл за ней дверь.

— Ну, как вы себя чувствуете? — с широкой ухмылкой вопросил я, вернувшись. — Она помечала вас на убой? Напускала порчу? Или принялась окутывать миазмами? — Я оглядел его плечо. — Насчет этого Зелоты я как раз собирался вам рассказать, когда она явилась. А вы обратили внимание, что, по словам Мальфи именно она посоветовала ему обратиться к вам? Похоже, Мальфи с Лиггетом сегодня полдня ее утешали.

— Но, как видишь, она безутешна, — кивнул Вульф. — Веди их сюда.

10

На мой взгляд, дело выглядело безнадежным. Я готов был поставить не меньше десяти против одного, что благодаря безграничному самомнению Вульфа мы проведем бессонную ночь, а результат окажется нулевой. Затея представлялась мне бессмысленной, и я мог бы даже сказать, что, всерьез рассчитывая добиться сведений от африканцев, собрав их скопом, Вульф продемонстрировал опасную неспособность приноровиться к естественной и здоровой среде обитания сыщиков. Рассудите сами: Лио Койн видела кого-то, кого она не может опознать, в зеленой куртке официанта, стоявшего у ширмы с приложенным к губам пальцем, и часть лица еще какого-то негра, тоже ей незнакомого, глядевшего в щелку двери, ведущей в буфетную и кухню. И это все, чем мы располагали. Причем все работники уже сказали шерифу, что ничего не видели и не слышали. Ни малейшего шанса на успех. Если бы мы принялись за них поодиночке, то, может, и вытянули бы что из кого-нибудь, но с такой толпой я ни на что не рассчитывал.

Проблему нехватки стульев решили, позволив им сесть на полу. Всего набралось четырнадцать человек. Заговорив с ними как равный с равными, Вульф начал с извинений за это обстоятельство. Затем он захотел узнать их имена и убедиться, что запомнил всех. На это ушло еще десять минут. Меня разбирало любопытство, с чего он наконец начнет, но оказалось, что не все приготовления были закончены: он спросил, чего бы они хотели выпить. Они пробормотали, что ничего не хотят. Чепуха, возразил он, вполне вероятно, что мы пробудем здесь всю ночь. Это внесло в их ряды волнение, и кончилось тем, что я был отправлен к телефону заказать несколько видов пива, имбирную газировку, бурбон, содовую, стаканы, лимон, мяту и лед.

Готовность Вульфа на такие расходы означала, что он взялся за дело всерьез. Когда я вновь присоединился к сборищу, он говорил, обращаясь к толстячку без зеленой куртки, с глубоким шрамом на подбородке :

— Я рад возможности выразить вам свое восхищение, мистер Крэбтри. Мистер Серван сказал, что мусс из селедочной икры был полностью приготовлен вами. Достойная работа. Я заметил, что мистер Мондор попросил добавку. В Европе

такой икры не сыскать.

Толстячок кивнул, серьезно и сдержанно. Сдержанности у них у всех было в избытке, не говоря уже о скованности, скрытности и подозрительности, и почти все они смотрели в пол. Вульф сидел, озирая всех и каждого. Наконец он вздохнул и приступил к делу:

— Должен вам сказать, джентльмены, что у меня почти нет опыта общения с чернокожими. Подобное заявление может показаться бестактным, но это неверно. Очевидно, что к разным людям требуется разный подход. Принято считать, что в этой части страны белым следует общаться с черными строго определенным образом, равно как и черным с белыми. Несомненно, в целом это верно, но, как подсказывает вам собственный опыт, допускает огромное количество вариантов. Предположим, вы обращаетесь с просьбой к мистеру Эшли, управляющему; или к мистеру Сервану. Эшли — раздражительный, ограниченный и весьма напыщенный господин. А Серван мягкий, щедрый, чувствительный творческий человек, и к тому же он из Южной Европы. Ваш подход к мистеру Эшли будет совсем не тот, что к мистеру Сервану.

Однако расовые, национальные и этнические

особенности важнее индивидуальных. И когда я говорю, что у меня почти нет опыта общения с чернокожими американцами, я имею в виду именно это. Много лет назад я имел дело с темнокожими жителями Египта, Аравии и Алжира, но, конечно же, к вам это отношения не имеет. Ведь вы американцы, джентльмены, и в гораздо большей мере, чем я, потому что я родился не здесь. Америка — ваша родина, и это вы и ваши братья и сестры, белые и черные, позволили мне жить здесь, и я надеюсь, я не впаду в излишнюю сентиментальность, выражая вам свою благодарность.

Послышалось невнятное бормотание, но Вульф продолжал:

— Я попросил мистера Сервана прислать вас сюда, чтобы побеседовать с вами и получить от вас некоторые сведения. Это все, что мне нужно от вас: информация. Буду откровенен, если бы я считал, что могу добиться ее путем давления или угроз, я бы не колебался и секунды. Только к насилию, в силу своих романтических убеждений, я не прибегнул бы, даже будь у меня такая возможность: применение насилия недостойно и обесценивает любой результат. Но признаюсь, что не задумываясь применил бы обман и угрозы, будь я уверен в их эффективности. Обдумав

ситуацию, я убежден в обратном и потому зашел в тупик. Белые американцы утверждают, что добиться от черных американцев чего бы то ни было можно лишь обманом, угрозами или насилием. Прежде всего, я не думаю, что это так, но даже если и так, в нашем случае данный принцип бесполезен. Я не знаю, чем вам угрожать, не могу придумать, как вас обмануть, а насилие не использую.

Вульф развел руками.

— Что же нам делать? Мне нужны сведения.

Кто-то хихикнул, отвлекая на себя внимание, — длинный и тощий парень, темно-коричневый и скуластый, примостившийся на корточках у стены. Толстячок, чей мусс из икры удостоился похвалы Вульфа, окинул всех строгим взглядом сержанта на построении. Тише прочих сидел высокий и мускулистый молодой парень с самым плоским носом, один из обладателей зеленых курток. Я выделил его среди прочих еще за обедом: ни на один вопрос он не ответил словами. Старший официант с отрубленной мочкой тихо произнес вкрадчивым голосом:

— Вы просто спрашивайте, мы ответим. Мистер Серван велел отвечать.

Вульф согласно кивнул:

— Что ж, мистер Моултон, казалось бы, нет ничего проще. Однако боюсь, мы столкнемся с трудностями.

— В чем же заключаются трудности, сэр?

— Вы просто спрашивайте, а мы всё расскажем, — вклинился хриплый бас. Вульф перевел взгляд на его обладателя.

— На это я и надеюсь. Позвольте заметить, что я никак не ожидал услышать подобный голос от человека по имени Гиацинт Браун. Что же касается трудностей… А вот и напитки, Арчи. Может, кто-нибудь из вас поможет мистеру Гудвину?

На это ушло еще минут десять, а то и больше. Четверо или пятеро пришли мне на помощь, и, под руководством старшего официанта, мы внесли подносы и разместили их на столе у стены.

Вульфа обеспечили пивом. Молоко я включить в заказ забыл, и пришлось обойтись бурбоном с содовой. Мускулистый парень с плоским носом, чье имя было Пол Уиппл, налил себе имбирной газировки, а все остальные предпочли взбодриться алкоголем. Передавая друг другу напитки, они двигались по комнате и переговаривались уже без прежнего стеснения, но, как только Вульф отставил пустой стакан, воцарилась гробовая тишина.

Вульф продолжил:

— Что касается трудностей, то, думается, лучше всего будет пояснить на примере. Вы, конечно, знаете, что мы собрались здесь по поводу убийства мистера Ласцио. Мне известно, что вы сказали шерифу, что ничего не знаете, но я хотел бы уточнить некоторые детали, и к тому же, возможно с тех пор вы вспомнили что-нибудь, что могло ускользнуть от вашего внимания во время беседы с шерифом. Начнем с вас, мистер Моултон. Во вторник вечером вы были на кухне?

— Да, сэр, весь вечер. После того, как гости покончат с соусами, надо было подавать яйца о-шеваль.

— Знаю. Мы их так и не попробовали. Помогали ли вы сервировать стол с соусами?

— Да, сэр. Мы помогали мистеру Ласцио втроем. — Речь официанта оставалась учтивой и гладкой. — Я лично привез соусы из кухни на сервировочном столике. После того, как все было приготовлено, он вызвал меня только один раз, вынуть лед из воды. Помимо того я оставался на кухне, как и все остальные.

— На кухне или в буфетной?

— На кухне. Ходить в буфетную не было необходимости. Повара готовили яйца о-шеваль, а

остальные убирались или доедали остатки утки и прочего. Мистер Серван сказал, что можно.

— Еще бы. Утка была превосходна.

— Да, сэр. Уж как эти джентльмены умеют готовить, никто с ними не сравнится, как они готовят.

— Да, они лучшие в мире. Величайшие из ныне живущих мастеров нежнейшего и славнейшего из искусств. — Вульф вздохнул, откупорил пиво, налил, дождался, пока пена дойдет до краев, и вдруг резко спросил:

— Так значит, вы не видели и не слышали ничего, связанного с убийством?

— Нет, сэр.

— Вы видели Ласцио в последний раз, когда пришли вынуть лед из воды?

— Да, сэр.

— Насколько мне известно, для разрезания голубей положили два ножа. Один из нержавеющей стали, с серебряной ручкой, а другой — разделочный нож из кухни. И когда вы вынимали лед, они оба лежали на столе?

Обладатель зеленой куртки на секунду задумался. — Да, сэр, кажется, оба. Я взглянул на стол, чтобы убедиться, что все в порядке, потому что считал себя ответственным. Если бы какого-то

из ножей не хватало, я бы заметил. Я и метки на блюдах проверил.

— Вы имеете в виду карточки с номерами?

— Нет, сэр. Мы пронумеровали блюда мелком, чтобы не перепутать на кухне и когда я перевозил их в зал.

— Я не видел этих пометок.

— Правильно, сэр, потому что они были очень маленькие. Мы нанесли их на край обратной стороны блюд и повернули блюда номерками к мистеру Ласцио.

— И когда вы вынимали лед, номерки были в правильном порядке?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь пробовал соусы, пока вы были там?

— Да, сэр, мистер Киф.

— И мистер Ласцио был жив?

— Да, сэр, еще как жив! Он отругал меня за то, что я положил слишком много льда в воду. Сказал, что можно переохладить нёбо.

— Так и есть. Не говоря уже о желудке. Я полагаю, вы не заглядывали за ширмы?

— Нет, сэр. Мы сдвинули их к стене, когда убирались после обеда.

— И с того времени и до того, как обнаружили

тело мистера Ласцио, в банкетный зал вы больше не заходили?

— Нет, сэр, не заходил.

— И не заглядывали?

— Нет, сэр.

— Вы уверены?

— Еще бы. Я же помню, куда и когда ходил.

— Полагаю, что помните. — Вульф нахмурился, поводил пальцем по стакану, поднял его к губам и сделал глоток. Старший официант невозмутимо отхлебнул свой бурбон, но я отметил, что он не отрывает взгляд от Вульфа.

Вульф поставил стакан.

— Благодарю вас, мистер Моултон. — Он устремил взгляд на сидевшего слева от Моултона негра среднего роста с морщинистым лицом и проседью в курчавых волосах. — Теперь вы, мистер Грант. Вы повар?

— Да, сэр. — Вышло хрипло, он откашлялся и повторил: — Да, сэр. Обычно я работаю с птицей и дичью, в главном здании, а тут помогаю Крэбби. Мы все тут самые лучшие, мистер Серван отобрал нас, чтоб, значит, впечатле-ение произвесть.

— Кто такой Крэбби?

— Это я, — пояснил толстячок-сержант со шрамом на подбородке.

— А, вы имели в виду мистера Крэбтри. Так, значит, вы принимали участие в приготовлении мусса из селедочной икры.

— Еще бы, сэр, — подтвердил мистер Грант. — Крэбби только нача-альствовал, а я дело делал.

— Вот оно как. Примите мои поздравления. Во вторник вечером вы были на кухне?

— Да, сэр. Да чего зря время тянуть, мистер. На кухне я был, с кухни не уходил и так на ку-ухне и оставался, вот мой ответ.

— Хорошо. Вы не заходили в банкетный зал или в буфетную?

— Нет, сэр, я же сказал, на ку-ухне был, мол.

— Да, это так, извините, мистер Грант, я только хотел убедиться. — Вульф перевел взгляд дальше. — Мистер Уиппл. Вас я запомнил. Вы внимательный и умелый официант. За обедом вы предупреждали мои желания. Вы кажетесь чересчур юным, чтобы справляться с работой так профессионально. Сколько вам лет?

Мускулистый парень с плоским носом посмотрел прямо в лицо Вульфу:

— Мне двадцать один год.

— Разговаривай как положено, — осадил его Моултон. Он повернулся к Вульфу: — Пол у нас студент.

— Ясно. В каком колледже, мистер Уиппл?

— В Говардском университете. Сэр.

Вульф наставил на него палец:

— Если вы против обращения «сэр», то обойдемся без него. Вынужденная вежливость хуже грубости. Вы учитесь на общеобразовательном отделении?

— Я изучаю антропологию.

— Неужели? Мне доводилось беседовать с Францем Боасом, и он подписал мне несколько книг. Я помню, что вы присутствовали и во вторник вечером. Вы обслуживали меня и за тем обедом.

— Да, сэр. После обеда я помог убраться в банкетном зале и подготовить его к дегустации соусов.

— В вашем тоне скользит неодобрение.

— Да, сэр, если вы спрашиваете мое мнение, то когда взрослые серьезные люди тратят свое и чужое время и силы на детские игры, это смотрится глупо и…

— Заткнись, Пол, — велел ему Моултон.

— Вы еще молоды, — возразил Вульф. — К тому же у каждого из нас есть свой собственный набор ценностей. Если вы хотите, чтобы я уважал ваши, вам следует уважать мои. К тому же напомню вам слова Пола Лоренса Данбара: «Лучшее, на что способен опоссум, — это насытить пустое брюхо».

Студент посмотрел на него с удивлением.

— Вы читали Данбара?

— Разумеется. Я не варвар. Но вернемся к вечеру вторника. После того, как вы закончили убираться в банкетном зале, вы вернулись на кухню?

— Да, сэр.

— И ушли оттуда, когда…

— Я не уходил. Вплоть до того, как нам сказали, что случилось.

— Вы находились на кухне все это время?

— Да, сэр.

— Благодарю вас. — Вульф перевел взгляд дальше. — Мистер Даггет…

Он продолжил опрос, получая те же ответы. Я допил бурбон, откинулся на стуле к стене и закрыл глаза. Разноголосица вопросов и ответов сливалась в невнятный шум. Я не мог уловить суть замысла Вульфа и уже не был уверен, что у него вообще был какой-то замысел. Конечно, заявление Вульфа о том, что он не будет обманывать, потому что не знает как, было подобно заявлению жирафа, что он не может достать до веток дерева по причине слишком короткой шеи. Но если он всерьез решил, что чего-то добьется этой дурацкой перекличкой, то ему явно пора было спускаться с горних высей Западной Вир-

джинии обратно на уровень моря. Вопросы и ответы шли своим чередом. Вульф не пропустил никого и то и дело сворачивал на личную жизнь, выяснив даже то, что Гиацинта Брауна бросила жена, оставив его с тремя негритятками на руках. Порой я открывал глаза, смотрел, до кого он уже добрался, и закрывал их снова. Мои часы показывали без четверти два, когда через открытое окно донесся крик петуха.

Услышав свое имя, я выпрямился.

— Арчи, пива, пожалуйста.

Пока я пытался прийти в себя, Моултон вскочил и опередил меня, и я снова опустился на стул. Вульф предложил остальным снова наполнить стаканы, и многие так и сделали. Он осушил свой, вытер губы, откинулся назад и обвел сидящих перед ним медленным взглядом, переводя на себя их внимание.

— Джентльмены, — начал он новым, деловым тоном. — Я обещал, что покажу на конкретном примере трудности, о которых говорил. Они перед нами. Вы предложили предоставить мне нужную информацию в ответ на мои вопросы. Я расспросил вас. Все вы слышали, что было сказано. Интересно, известно ли еще кому-нибудь из присутствующих, что ответы одного из вас

являлись откровенной и сознательной ложью.

Полная тишина. Вульф выдержал паузу секунд в пять и продолжил:

— Без сомнения, вам всем известно, что во вторник вечером с того момента, как мистер Беррэн вышел из банкетного зала, до того, как мистер Вукчич туда вошел, прошло около десяти минут. Мистер Беррэн утверждает, что, когда он выходил, мистер Ласцио был жив, а мистер Вукчич говорит, что, когда он вошел, мистера Ласцио там не было. Разумеется, мистер Вукчич не стал искать его за ширмами. Во время этой десятиминутной паузы кто-то открыл дверь с террасы, заглянул в банкетный зал и увидел двух цветных. Один, одетый в ливрею, стоял у ширмы, приложив к губам палец. Другой глядел на него через приоткрытую дверь в буфетную. Я не имею понятия, кто прижимал к губам палец. А тот, кто подглядывал через дверь в буфетную, — один из тех, кто сидит сейчас передо мной. Вот кто солгал мне.

Снова наступившую тишину нарушило хихиканье все того же тощего парня, по-прежнему сидевшего на корточках у стены.

— Так их, босс, задай жару! — добавил он.

Полдюжины курчавых голов дернулись в его

сторону.

— Дурак ты, Дылда, опять напился, — с отвращением произнес Крэбтри. Он повернулся к Вульфу. — Это он так шутить пытается, клоун несчастный. Что ж, сэр. Насчет ваших слов, что, мол, вы думаете, что кто-то из нас врет, то нам очень жаль. У вас плохие сведения.

— Не могу с вами согласиться. Мои сведения верные.

— Нельзя ли узнать, кто открыл дверь и увидел все это? — осведомился Моултон своим певучим вкрадчивым голосом.

— Нет. Я описал вам, что увидел свидетель, и я знаю, что так оно и было. — Глаза Вульфа обежали лица сидевших перед ним. — Оставьте попытки оспорить мои сведения. Те из вас, кому об этой сцене в банкетном зале ничего не известно, все равно ни при чем. Те же, кто знает, о чем идет речь, знают также, что мои сведения получены от очевидца. Иначе откуда бы я знал, к примеру, что человек у ширмы прижимал палец к губам? Нет, джентльмены, всё просто. Я знаю, что хотя бы один из вас лжет, и он знает, что я знаю это. Быть может, у нас получится разрешить столь простую ситуацию простым способом и покончить с этим? Давайте попробуем. Мистер

Моултон, это вы заглянули в дверь из банкетного зала в буфетную и увидели у ширмы кого-то с прижатым к губам пальцем?

Старший официант с отрубленной мочкой уха медленно покачал головой.

— Нет, сэр.

— Это были вы, мистер Грант?

— Нет, сэ-эр.

— Это были вы, мистер Уиппл?

— Нет, сэр!

Вульф продолжил и набрал четырнадцать отрицательных ответов из четырнадцати, без единого промаха.

Установив сей рекорд, он налил себе пива и уставился на пену. Все молчали, никто не двигался. Наконец, так и не отпив, Вульф откинулся назад, терпеливо вздохнул и негромко продолжил:

— Я так и думал, что мы просидим здесь почти всю ночь. Я предупреждал вас. Также я обещал не прибегать к угрозам и не собираюсь этого делать. Однако своим единодушным отрицанием вы сильно усложнили ситуацию, и это требует дополнительных разъяснений.

Во-первых, предположим, что вы продолжите упорствовать в отрицании. В этом случае мне

остается только уведомить власти и дать им допросить человека, заглянувшего в банкетный зал с террасы. Как и я, они убедятся в правдивости его показаний и, вооруженные этими сведениями, примутся за вас, не сомневаясь в том, что один из вас видел человека у ширм. Я не берусь гадать, как они себя с вами поведут и как долго вы продержитесь, но при таком развитии событий я не смогу влиять на ситуацию.

Вульф снова вздохнул и оглядел присутствующих.

— Итак, кто бы вы ни были, предположим, что вы прекратите упорствовать и скажете мне правду. Что произойдет? Опять-таки, рано или поздно вам придется столкнуться с местными властями, но уже при совсем других обстоятельствах. Я обращаюсь сейчас к одному из вас, пусть и не знаю к кому, но ему это известно. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы рассказать мистеру Толману и шерифу, как вы пришли сюда по моей просьбе и добровольно дали показания об увиденном в банкетном зале. Если вы скажете правду, то не будет причин вмешивать сюда очевидца, рассказавшего мне об этом. Но будьте уверены, что в случае чего я готов его предоставить. Конечно, им не придется по нраву то обстоятельство, что

во вторник ночью вы скрыли от них эти важные сведения, но я рассчитываю устроить так, что они посмотрят на это сквозь пальцы. Я приложу к этому особые усилия. Никто из остальных не будет замешан.

— А теперь, — Вульф снова оглядел всех. — Мы подошли к самой трудной части. Кто бы вы ни были, я понимаю причины вашего молчания и сочувствую им. Вы заглянули в дверь — будучи, несомненно, привлечены грохотом — и увидели представителя вашей расы, стоящего у ширмы. И когда через сорок минут вы узнали, что произошло, вы поняли, что видели убийцу Ласцио. Или хотя бы всерьез заподозрили это. Вы не просто увидели чернокожего, вы, по всей вероятности, узнали его, поскольку он был одет в ливрею «Кановы», то есть работает здесь, как и вы, и когда вы открыли дверь, он стоял к вам лицом. И в этом заключается дополнительная трудность. Если этот человек вам близок и занимает особое место в вашем сердце, то, я полагаю, вы продолжите молчать, невзирая на то, что могу сказать я или может сделать шериф. В этом случае ваши коллеги разделят с вами немало неприятностей, но тут уж ничем не поможешь.

Но если он не близок вам лично, если вы не

выдаете его из человеческого сочувствия, или же, сказать точнее, оттого, что он одного цвета с вами, я хочу сделать ряд замечаний. Во-первых, человеческое сочувствие. Это чепуха. Много веков назад люди осознали, что поскольку человек не может защитить себя от убийства в одиночку, ибо убить человека проще простого, то людям следует защищать друг друга. Но если я предоставляю эту защиту вам, то и вы должны предоставлять ее мне, хотите вы этого или нет. Если же вы не выполняете своих обязательств, то вы исключаетесь из общественного договора и оказываетесь вне закона.

Но убийца оказался, как и вы, чернокожим. Признаюсь, это щекотливая ситуация. Общественные договоры включают в себя не только коллективную защиту от убийств, но и множество других вещей. Совершенно очевидно, что в Америке, не говоря уже о других континентах, белые люди исключили черных из некоторых таких договоров. Говорят, что иногда это касается и договора об убийствах; что в некоторых частях этой страны белый человек может убить черного если и не безнаказанно, то, по крайней мере, с хорошими шансами избежать положенной кары. Это прискорбно и плохо, и я не осуждаю черноко-

жих в их возмущении таким положением дел. Но перед нами реальность, а не теория, и как же вы предлагаете изменить ее?

Я обращаюсь к вам, тому, кто видел человека у ширмы. Если вы покрываете его потому, что он вам дорог, или по любой другой личной причине, мне нечего сказать, ибо я не любитель пустой болтовни, и вам придется иметь дело с шерифом. Но если вы покрываете его потому, что он одного цвета с вами, то на это можно сказать многое. Вы оказываете вашей расе плохую услугу. Вы лишь упрочиваете несправедливости, которыми по праву возмущаетесь. Идеальный общественный договор полностью игнорирует расовые и религиозные различия, и любой, кто способствует сохранению этих различий, отсрочивает наступление идеала. Без сомнения, вы способствуете их сохранению. Если в деле об убийстве вы руководствуетесь цветом кожи убийцы, неважно, какого цвета вы сами, белого, черного или розового…

— Неправда!

Это восклицание вырвалось у мускулистого парня с плоским носом, студента. Кто-то подскочил, я вздрогнул, и все посмотрели на него.

— Я готов обосновать свою позицию, мистер Уиппл. Если вы дадите мне закончить…

— Я не имею в виду вашу позицию, можете оставаться при своих выводах. Я имею в виду ваши факты. Один из них.

— Который факт? — поднял брови Вульф.

— Цвет кожи убийцы. — Студент смотрел ему прямо в глаза. — Я видел его. Убийца — представитель не черной расы, а белой.

11

Сразу вслед за этим я получил добавочный шок: кто-то с грохотом упал на пол. Мы отвлеклись от студента и обнаружили, что Дылда, тощий парень у стены, убаюканный речами Вульфа, проснулся от выкрика студента, дернулся, потерял равновесие и бухнулся вниз головой. Он заныл, но Крэбтри утихомирил его сердитым взглядом. Все задвигались.

— Вы видели человека у ширмы, мистер Уиппл? — мягко спросил Вульф.

— Да.

— Когда?

— Когда он стоял у ширмы. Это я приоткрыл дверь и заглянул в зал.

— Понятно. И вы утверждаете, что он был белый?

— Нет. — Взгляд Уиппла оставался прямым и твердым, он даже не обернулся на шум от падения Дылды. — Я не сказал, что он был белый. Я сказал, что он представитель белой расы. Когда я увидел его, он был черный, потому что вымазался в черный цвет.

— Почему вы так решили?

— Потому что я видел его. Я же сам чернокожий, как я могу перепутать жженую пробку с настоящей кожей? Но это еще не все. Как вы сказали, он прижал палец к губам, и руку было отлично видно. Тут и чернокожим быть не нужно. На нем были плотные черные перчатки.

— Зачем вы вошли в буфетную и заглянули в банкетный зал?

— Я услышал грохот в банкетном зале. Грант готовил яйца о-шеваль, а паприка вся вышла, и я пошел в буфетную за свежей банкой. Поэтому я и услышал грохот. На кухне было довольно шумно, и там ничего не слышали. Я стоял на стремянке и искал паприку на полках, а когда нашел ее и спустился, то приоткрыл дверь посмотреть, что случилось.

— Вы входили в банкетный зал?

— Нет.

Вульф размеренно погрозил ему пальцем.

— Мистер Уиппл, позвольте заметить, что правда почти всегда хороша, ложь порою великолепна, но смесь того и другого отвратительна.

— Я не сказал ничего, кроме правды.

— Раньше вы говорили другое. Но почему, раз убийца не цветной?

— Потому что я зарекся вмешиваться в дела высшей расы. Будь он цветным, я бы не стал покрывать его. Цветным не следует позорить цвет своей кожи, пусть этим занимаются белые. Видите, чего стоят ваши выводы.

— Но, сэр, это не опровергает моих выводов, а только показывает, что вы со мной согласны. При случае мы обсудим это как следует. Значит, вы умолчали об увиденном, считая это делом белых и зная, что, рассказав об этом, вы накличете на свою голову неприятности.

— Еще какие неприятности. Вы житель Севера…

— Я человек. По крайней мере, я стараюсь им быть. Вы антрополог, вы изучаете меня. Вы надеетесь стать ученым. Дайте мне обдуманный ответ: насколько вы уверены в том, что убийца был белый?

Уиппл задумался.

— Совсем не уверен, — признался он через минуту. — Жженая пробка даст тот же эффект и на светло-коричневой коже, и даже на темной. И, конечно, любой может надеть черные перчатки. Но я уверен и насчет жженой пробки или чего-то подобного, и насчет перчаток. К чему скрывать золото под позолотой? Поэтому я заключил, что

это был белый, но, конечно, не могу утверждать с уверенностью.

— Ваш вывод представляется обоснованным. Что он делал, когда вы увидели его?

— Поворачивался от ширмы. Он заметил меня по чистой случайности, он не мог ничего услышать. Дверь открывается бесшумно, и я лишь чуть-чуть приоткрыл ее, а из гостиной даже через закрытую дверь доносилось громкое радио.

— Он был одет в ливрею «Кановы»?

— Да.

— А волосы?

— На нем было ливрейное кепи, оно скрыло его затылок.

— Опишите его, рост, вес…

— Он был среднего роста, навскидку пять футов и восемь-девять дюймов. Вес примерно сто пятьдесят пять — сто шестьдесят фунтов. Я не присматривался. Я сразу увидел, что он вымазал себя жженой пробкой. Когда он поднес палец к губам, я решил, что кто-то из гостей задумал розыгрыш, и предположил, что услышанный мной грохот был оттого, что он сдвинул ширму. Пока он поворачивался, я закрыл дверь и ушел.

— Он поворачивался к столу?

— Я бы сказал, к двери на террасу.

Вульф поджал губы. Затем разомкнул их:

— Вы решили, что это какой-то гость задумал розыгрыш. Если бы вы пытались опознать его, на кого бы вы указали?

— Я не знаю.

— Право, мистер Уиппл, я только стараюсь получить основные приметы. Череп вытянутый или круглый?

— Вы сказали назвать его. Я не могу назвать или опознать его. Он был вымазан в черный цвет, и козырек кепи был низко натянут. Мне кажется, у него были светлые глаза. Его лицо было не вытянутым и не круглым. Я видел его всего одну секунду.

— А у вас не возникло ощущения, что вы видели его раньше?

Студент покачал головой.

— Единственное ощущение, которое у меня возникло, было стойкое нежелание вмешиваться в шутки белых людей. А потом оно перешло в стойкое нежелание вмешиваться в убийства белых людей.

Пена в стакане Вульфа осела. Он поднял его, нахмурился, поднес ко рту, осушил в пять глотков и поставил на стол.

— Ну что ж, — он снова устремил взгляд на

Уиппла. — Вы должны извинить меня за напоминание, что я вытянул из вас эту историю против вашей воли. Надеюсь, вы не сгустили краски. И не замазали детали. Вы рассказали об увиденном, когда вернулись на кухню?

— Нет, сэр.

— Необычное появление в банкетном зале незнакомца в ливрее, выкрашенного в черный цвет и в черных перчатках — и вы не сочли нужным об этом упомянуть?

— Дурак ты, Пол! — рассердился Крэбтри. — Думаешь, мы здесь хуже тебя? — Он повернулся к Вульфу. — Возомнил о себе парень невесть что. Сердце-то у него славное, хоть и за семью печатями, да вот как взбредет ему что в голову, так ничем не выбьешь. Думает взять все на себя. Нет уж, сэр. Он как на кухню вернулся, так сразу нам все и рассказал, все то, что и сейчас. А мы слушали да друг другу повторяли. А насчет кое-чего еще вот у Моултона спросите.

Старший официант с отрубленной мочкой уха дернулся в его сторону:

— Что ты несешь, Крэбби?

Коротышка выдержал его взгляд.

— Ты слышал. Пол все рассказал, так? А ты чего ждешь, второго пришествия?

Моултон хмыкнул. Несколько секунд он продолжал сверлить Крэбтри взглядом, затем пожал плечами, повернулся к Вульфу и заговорил своим обычным вкрадчивым тоном:

— Что он имел в виду, я как раз собирался сказать, когда Пол закончит. Я тоже видел этого человека.

— Человека у ширмы?

— Да, сэр.

— Как это произошло?

— Я решил, что Пол чересчур долго ищет паприку, и пошел за ним в буфетную. Когда я вошел, он как раз отходил от двери, и он показал мне на дверь в банкетный зал и сказал, что там кто-то есть. Я не понял, что он хочет сказать, ведь там и должен был быть мистер Ласцио. Я приоткрыл дверь и заглянул. Того человека я увидел со спины, он шел к двери на террасу. Поэтому я не видел его лица, а только черные перчатки, ну и ливрею, конечно. Я закрыл дверь и спросил Пола, кто бы это мог быть, и он сказал, что не знает, мол, но думает, что это кто-то из гостей нарядился в черного. Я отослал Пола с паприкой на кухню и снова приоткрыл дверь, но уже никого не увидел. Я открыл дверь пошире, чтобы спросить мистера Ласцио, не нужно ли ему чего-нибудь, но у стола

его не было. Я прошел в зал, и его там не было вообще. Это было странно, потому что я знал, как должна была проходить дегустация, но я не очень-то удивился.

— Почему же?

— Ну, сэр… согласитесь, что все гости с самого начала вели себя ну очень своеобразно.

— Допустим.

— Вот, сэр, я и решил, что мистер Ласцио отлучился в гостиную или куда еще.

— Вы заглядывали за ширму?

— Нет, сэр, я не видел причин начинать розыски.

— И больше в зале никого не было?

— Нет, сэр, больше я никого не видел.

— Что вы сделали потом, вернулись на кухню?

— Да, сэр. Я решил…

— Давай, до конца выкладывай! — угрожающе перебил его толстячок-повар. — Мистер Вульф — человек хороший и заслуживает узнать все целиком, так все целиком и рассказывай. Мы-то помним твою историю.

— Прямо-таки и помнишь, Крэбби?

— Помним-помним, не сомневайся.

Моултон пожал плечами и снова повернулся к Вульфу.

— Что он имел в виду, я как раз собирался сказать. Перед тем как вернуться на кухню, я взглянул на стол, потому что считал себя ответственным.

— Стол с блюдами?

— Да, сэр.

— Одного ножа недоставало?

— Этого я не знаю. Думаю, я бы заметил, но, может быть, и нет, потому что я не открывал блюдо с голубями и один нож мог быть под крышкой. Но я заметил другое. Кто-то переставлял все блюда.

Я невольно присвистнул. Вульф недовольно взглянул на меня и снова сосредоточился на Моултоне.

— Как вы это поняли? — мягко спросил он.

— По меткам. Мелком, на блюдах. Когда я расставлял их, я поставил блюдо с меткой 1 перед табличкой с номером 1, номер 2 перед номером 2 и так далее. А когда я посмотрел, они стояли не по порядку. Они были переставлены.

— И сколько блюд было переставлено?

— Все, кроме двух. Только номера 8 и 9 оставались на своих местах, а остальные были перепутаны.

— Вы можете подтвердить это под присягой, мистер Моултон?

— Да, похоже, придется.

— Можете?

— Да, сэр, могу.

— А что, если заодно вы подтвердите под присягой, что, заметив, что блюда кто-то передвинул, вы снова расставили их в правильном порядке?

— Да, сэр. Так я и сделал. Наверное, за это меня и уволят. Не мое это дело было вмешиваться и поправлять, знал, что не мое. Но если мистер Серван меня выслушает, то ведь я ради него это сделал. Я не хотел, чтобы он проиграл спор. Я знал, что он поспорил с мистером Кифом, что участники дегустации угадают не хуже чем на восемьдесят процентов, и когда я увидел, что блюда перепутаны, то решил, что кто-то хочет его подставить, переставил все назад и убрался оттуда.

— Вряд ли вы помните, как именно стояли блюда. К примеру, где стоял номер 1?

— Нет, сэр, не могу сказать.

— Неважно. — Вульф вздохнул. — Благодарю вас, мистер Моултон, и вас, мистер Уиппл. Уже поздно. Боюсь, нам не удастся выспаться, потому что следует как можно раньше известить обо всем мистера Толмана и шерифа. Я полагаю, вы проживаете на территории курорта?

Они ответили утвердительно.

— Отлично. Я пошлю за вами. Не думаю, что вы потеряете работу, мистер Моултон. Я помню о своем обещании заранее договориться с властями и выполню его. Ваши шляпы в комнате мистера Гудвина?

Вместе со мной они вынесли и составили в прихожей бутылки и стаканы, и с такой умелой помощью я и оглянуться не успел, как все было сделано. Студент задержался поговорить с Вульфом и участия в уборке не принял. Наконец они разобрали шляпы и кепи, я открыл дверь, и все потянулись на выход. Гиацинт Браун вывел продолжавшего бормотать себе под нос Дылду, и я закрыл дверь.

Сквозь густой кустарник, высаженный вплотную к окну, в комнату Вульфа проникли первые лучи зари. Вторую зарю подряд я встречал на ногах и думал уже, не податься ли мне в профсоюз молочников. Казалось, мои веки промазали цементом и дали ему засохнуть. Однако Вульф так и остался сидеть в кресле и даже не думал смыкать свои.

— Поздравляю, — сказал я. — Как есть сова, только крыльев не хватает. Распорядиться, чтобы разбудили в полдень? Это даст вам целых восемь часов до ужина, с лихвой на все хватит.

Он скривился.

— Где содержат мистера Беррэна?

— Скорее всего в Куинби, это столица округа.

— Далеко отсюда?

— Где-то миль двадцать.

— Мистер Толман живет там же?

— Не знаю. Но раз он окружной прокурор, то он там работает.

— Выясни, пожалуйста, и свяжись с ним. Необходимо, чтобы он с шерифом приехал сюда к восьми. Скажи ему… Нет. Когда дозвонишься, я с ним сам поговорю.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас.

Я воздел руки к небу.

— Половина пятого утра, дайте человеку…

— Арчи. Прошу тебя. Ты пытался учить меня, как обращаться с цветными, а теперь учишь обращаться с белыми?

Я пошел звонить.

12

Косоглазый шериф Петтигрю покачал головой.

— Спасибо, я постою. — протянул он. — Машина застряла в грязи, пришлось ее выталкивать. Весь стул перепачкаю. Мне постоять несложно.

Мой приятель Барри Толман тоже выглядел не лучшим образом, но по крайней мере не был измазан в грязи, так что кресло он занял без колебаний. Было 8:10 утра четверга. Я же чувствовал себя совершенно разбитым, потому что в шестом часу разделся и залез под одеяло, распорядившись разбудить меня звонком в 7:30. Необходимость вылезти из постели после жалких двух часов окончательно выбила меня из колеи. Вульф завтракал, придвинув столик к большому креслу. Он был выбрит, причесан и одет в желтый халат. У него пять желтых халатов. Тот, что мы привезли с собой, был из тонкой шерсти, с коричневыми отворотами и таким же поясом. Вульф даже галстук повязал.

— Я предупреждал по телефону, что в 9:30 я должен быть в суде, — напомнил Толман. — При необходимости мой помощник может дого-

вориться, чтобы заседание отложили, но по возможности, я хочу туда успеть. Нельзя ли поторопиться?

Вульф прихлебывал какао, растворяя им во рту кусок булочки. Покончив с этим, он заговорил:

— Во многом, сэр, это зависит от вас. По причинам, которые вскоре станут очевидны, я не мог поехать в Куинби сам. Я постараюсь не терять времени. Я еще не ложился…

— Вы сказали, у вас есть новые сведения.

— Это так. Но обстоятельства требуют вступления. Как я понял, вы арестовали Беррэна только потому, что убеждены в его виновности. Он не нужен вам в качестве козла отпущения. Если бы в его вине возникли серьезные сомнения…

— Разумеется, — нетерпеливо перебил его Толман. — Я же сказал вам…

— Да, вы говорили. Давайте кое-что предположим. Предположим, что для представления интересов Беррэна был нанят адвокат и он нанял меня отыскать доказательства невиновности своего клиента. Предположим также, что я раздобыл такие доказательства, причем настолько весомые, что, будучи предъявлены в суде они неминуемо приведут к его оправданию. Было бы неразумно делиться ими с противной стороной,

то есть с вами, до суда. Предположим, вы потребуете, чтобы я предъявил их немедленно. Но вы не можете требовать этого именем закона, не так ли? Данные сведения принадлежат нам, пока мы не решим их использовать, если, конечно, вы не добудете их самостоятельно.

Толман нахмурился.

— Все это, разумеется, верно. Но, черт возьми, я же сказал вам, что если факты, свидетельствующие против Беррэна, возможно объяснить....

— Я знаю. Здесь и сейчас я предлагаю вам объяснение, полностью снимающее с него подозрения. Но только на определенных условиях.

— Каких?

Вульф отхлебнул какао и вытер губы.

— Они не обременительны. Во-первых, если это объяснение вызовет сильное сомнение в виновности Беррэна, вы немедленно освободите его.

— Кто будет оценивать силу сомнения?

— Вы.

— Хорошо, я согласен. Суд сегодня заседает, и это можно устроить в пять минут.

— Отлично. Во-вторых, вы скажете мистеру Беррэну, что это я раздобыл сведения, вернувшие ему свободу, что это только моя заслуга и что если бы не я, то одному богу известно, что бы

случилось с ним дальше.

Продолжая хмуриться, Толман открыл было рот для ответа, но его опередил шериф:

— Так, Барри, придержи коней. — Он скосил глаз на Вульфа. — Если у вас и впрямь есть эти доказательства, то откуда-то вы их добыли. Мы тут, в Западной Вирджинии, может, и не такие прыткие…

— Мистер Петтигрю, прошу вас. Я не стремлюсь к публичному признанию своих заслуг, мне это не нужно. Газетчикам говорите что хотите, но мистер Беррэн должен точно знать, что это сделал я, и сообщить ему об этом должен мистер Толман.

— Годится, Сэм? — спросил его Толман.

— Да, в общем-то, наплевать, — пожал плечами шериф.

— Хорошо, я согласен, — решил Толман.

— Отлично. — Вульф отставил чашку с какао. — В третьих, вы соглашаетесь на то, что сегодня вечером в 12:40 я уезжаю в Нью-Йорк и не буду задержан ни при каких обстоятельствах, за исключением подозрения, что я замешан в убийстве мистера Ласцио, лично или в качестве соучастника.

— Да отправляйтесь хоть к черту, — беззлобно сказал шериф.

— Да нет, не к черту, — вздохнул Вульф. — В Нью-Йорк.

— Но позвольте, — возразил Толман. — Что, если эти сведения превращают вас в важного свидетеля, чье присутствие необходимо на суде?

— Не превращают, поверьте моему слову. Я готов довериться вашему. Даю вам слово: в течение тридцати минут вы узнаете все существенное, что мне стало известно о том, что именно произошло в банкетном зале. Мне нужны гарантии, что меня не задержат до отхода поезда только потому, что я могу оказаться полезен. Как бы то ни было, уверяю вас, что при таких обстоятельствах я окажусь не только бесполезен, но буду совершенно невыносим. Так что же?

Толман поколебался и наконец кивнул.

— Согласен, с учетом упомянутых оговорок.

Вульф вздохнул с таким облегчением, как могла бы вздохнуть выпущенная из клетки на волю канарейка.

— Теперь, сэр, четвертое и последнее условие. Оно не столь очевидное, как предыдущие, но я постараюсь определить его достаточно точно. Сведения, которыми я собираюсь поделиться с вами, получены мною от двух людей. Чтобы выведать их, я применил методы, которые счел

наиболее эффективными, и они себя оправдали. Вам придется не по нраву то, что эти джентльмены не предоставили их вам, когда у них была такая возможность, и я ничего не могу с этим поделать. Я не в силах повлиять на ваши чувства, но я могу просить вас сдержать свое негодование, что я и обещал сделать. Я хочу ваших уверений в том, что этих джентльменов не станут травить и запугивать, к ним не применят насилия, их не лишат свободы и они не подвергнутся никакого рода преследованиям. Все это базируется на допущении, что они всего лишь свидетели и никоим образом не замешаны в убийстве.

— Эй, мистер, мы тут по-пустому людей не преследуем, — возразил шериф.

— Не травить, не запугивать, не применять насилия, не лишать свободы, не подвергать преследованиям. Разумеется, вы вольны допрашивать их столько, сколько потребуется.

Толман покачал головой.

— Они важные свидетели. Они могут покинуть штат. Собственно, и покинут, сегодня вечером, как и вы.

— Вы можете взять с них залог как гарантию того, что они останутся.

— До суда.

— Но не над мистером Беррэном, — погрозил ему пальцем Вульф.

— Я не имею в виду Беррэна. Если ваши доказательства так хороши, как вы утверждаете. Черт возьми, так или иначе, но суд состоится.

— Искренне на это надеюсь. — Вульф отломил кусок булочки и принялся намазывать его маслом. — Как насчет этого условия, сэр? Вы сказали, что торопитесь в суд. Я многого не прошу, всего лишь приличного обращения с моими свидетелями. В противном случае вам придется искать их самостоятельно, и чем дольше вы продержите мистера Беррэна за решеткой, тем глупее вы будете выглядеть в итоге.

— Хорошо, я согласен, — кивнул голубоглазый атлет.

— Согласны с условием в моей формулировке?

— Да.

— Тогда со вступлением покончено. Арчи, приведи их.

Подавив зевок, я поднялся и прошел в свою комнату за свидетелями. На рассвете Вульф велел перенести телефон к себе и, пока я спал, самостоятельно организовал их приход на утреннее собрание, так что одевался я уже в их присутствии. Они явились в ливреях. Пол выглядел

бодрым и готовым к бою, а Моултон казался сонным и нервничал. Я сообщил, что все готово к их выходу, и дал им пройти вперед.

Вульф велел придвинуть стулья, и Моултон бросился мне помогать. Толман с изумлением уставился на вошедших, а Петтигрю завопил:

— Черт меня побери, парочка черномазых! Эй ты, тащи сюда стул!

Он повернулся к Вульфу и недовольно заявил:

— Послушайте, я их всех уже допрашивал, и клянусь богом, если они…

— Это мои свидетели, — оборвал его Вульф. — Мистер Толман торопится в суд. Я предупреждал, что вам это придется не по нраву. Ваше право, но держите себя в руках. — Он перевел взгляд на студента. — Мистер Уиппл, думаю, сперва нам следует выслушать вас. Расскажите этим джентльменам то, что вы рассказали мне прошлой ночью.

Петтигрю со злобным видом шагнул вперед.

— Здесь у нас среди черномазых мистеров нету! Нечего тут приезжать да учить нас, как…

— Заткнись, Сэм! — оборвал его уже Толман. — У нас нет времени. Тебя зовут Уиппл? Кем ты работаешь?

— Да, сэр, — спокойно ответил парень. — Я

работаю официантом. Во вторник днем мистер Серван назначил меня на дежурство в павильон «Покахонтас».

— Что ты можешь нам рассказать?

В результате Толман все-таки опоздал в суд, потому что смог покинуть курорт не раньше половины десятого. На прояснение всех деталей обоих свидетельств ушло не больше пятнадцати минут, но они решили двигаться дальше, вернее, кругами. Толман показал неплохой уровень владения техникой допроса, а вот Петтигрю так бесился, что толку с него было мало. Он постоянно встревал с замечаниями о том, как Уиппл мнит себя чересчур образованным и в каких именно уроках, по мнению шерифа, Уиппл действительно нуждается.

Толман раз за разом осаживал шерифа и в итоге провел достойный перекрестный допрос. Я видел, что Вульф, неторопливо заканчивавший завтрак, два-три раза слегка кивнул, признавая хорошую работу. Уиппл держался спокойно, но я видел, как он прикладывал усилия, чтобы держать себя в руках, всякий раз, как шериф отпускал замечания на тему его образования и уроков, в которых он нуждается.

Моултон сперва отвечал нервно и отрывисто,

но потом успокоился. Впрочем, от него требовалось только честно отвечать на вопросы Толмана, так как Петтигрю сосредоточился на Уиппле.

Наконец поток вопросов Толмана иссяк. Он вопросительно посмотрел на Вульфа, взглянул на шерифа, перевел взгляд на Моултона и задумался, сдвинув брови.

— Где ваши кепи, парни? — осведомился шериф. — Мы забираем вас в Куинби.

— Э-э, нет, — тут же вмешался Вульф. — Не забывайте об уговоре. Они остаются на своих рабочих местах. Я уже договорился с мистером Серваном.

— Да хоть с самим Эшли! Будут сидеть, пока не предоставят залог.

Вульф перевел взгляд на прокурора.

— Мистер Толман?

— Ну… мы же договаривались, что задержим их и отпустим под залог, чтобы обеспечить их появление в суде.

— Да, но это было, когда вы думали, что речь о тех, кто может легко покинуть пределы вашей юрисдикции. Перед нами работники курорта, зачем им уезжать? У мистера Моултона жена и дети. Мистер Уиппл обучается в университете. — Он смерил взглядом шерифа.

— Ваша наглая убежденность в том, что якобы

вы умеете обращаться с цветными, а я нет, — просто глупость. Ночью вторника, будучи представителем закона при исполнении обязанностей и считаясь умелым следователем, вы допрашивали этих людей и ничего от них не узнали. Вы даже ничего не заподозрили. Прошлой ночью я побеседовал с ними и выяснил ключевые для следствия сведения. Надеюсь, вы в состоянии понять, насколько серьезно вы себя дискредитировали? Или вы хотите, чтобы об этом узнал весь ваш несчастный округ? Тьфу! — Он повернулся к зеленым курткам. — Идите на работу и занимайтесь своим делом, а если мистеру Толману потребуются ваши свидетельства, то подчиняйтесь его законным требованиям. Если ему нужен залог, то это устроит любой юрист. Всё, ступайте!

Пол Уиппл немедленно направился к выходу. Моултон заколебался было, взглянул на Толмана и последовал за товарищем. Я встал и прошел за ними убедиться, что они не забыли закрыть за собой дверь.

Когда я вернулся, Петтигрю, не выбирая выражений, вовсю разглагольствовал на тему племенных обычаев и личных предпочтений туземцев Западной Вирджинии. За его спиной Толман, засунув руки в карманы, наблюдал, как

Вульф аккуратно собирает крошки и складывает их на край фруктового блюда. Ни тот, ни другой не обращали на шерифа ни малейшего внимания, и через некоторое время он выдохся и замолчал.

Наконец Вульф поднял голову.

— Итак, сэр?

— Ваша взяла, — согласился Толман. — Похоже, они не врут. Эти ребята мастера выдумывать, но не в таком духе. — Его голубые глаза сузились. — Есть и еще кое-что, что нельзя упускать из виду. Если я не ошибаюсь, вас упросили очистить Беррэна от подозрений, и я слышал, что вам предложили хорошие деньги за посредничество в деле найма Беррэна на место Ласцио. Я узнал об этом от Клэя Эшли, а он — от своего приятеля Лиггета из отеля «Черчилль». Само собой, возникает вопрос, насколько далеко вы готовы зайти в ваших поисках фактов, оправдывающих Беррэна.

— Вы деликатно выразились, — чуть заметно улыбнулся Вульф. — Вы хотите сказать, не сфабриковал ли я доказательства. Уверяю вас, что я не настолько глуп и не считаю ситуацию настолько безнадежной, чтобы покупать столь вычурные лжесвидетельства. К тому же мне бы пришлось подкупить не двух, а четырнадцать человек. Признания в увиденном были получены в этой

комнате в присутствии всех поваров и официантов, работавших в тот вечер в «Покахонтас». Вы вольны допросить их всех. Нет, сэр, уверяю вас, эти свидетельства достоверны.

Он поднял ладонь.

— Да вы и сами знаете, что это так. Вы проверили их на славу. А сейчас, раз уж вы так спешите на заседание суда в Куинби…

— Да, знаю. — Толман не двинулся с места. — С этим убийством все только хуже запутывается. Если черномазые не врут, а похоже, что не врут, то понимаете, что это значит? Среди прочего, это снимает подозрение со всех гостей, кроме Блана, который утверждает, что ушел к себе в номер. Да и в любом случае, он не связан с курортом, как же, черт возьми, он мог раздобыть униформу? А если исключить и его, остается лишь весь белый свет.

— Да, дело непростое, — проворчал Вульф. — Слава богу, не мое. Но как же наш уговор? Я выполнил свою часть и заронил в вас серьезные сомнения в вине Беррэна, не так ли?

Шериф фыркнул.

— Да, — коротко сказал Толман. — Тем фактом, что блюда с соусами были переставлены, несомненно. Но кто же, черт возьми, их переставил?

— Не знаю. Возможно, убийца, а возможно, и

сам мистер Ласцио, чтобы выставить мистера Беррэна на посмешище. — Вульф пожал плечами. — Непростое дело вам досталось. Вы ведь отпустите Беррэна нынче же утром?

— А что мне остается делать? Я не вправе его больше задерживать.

— Отлично. А теперь, если вы не возражаете… Вы спешите, а я еще не ложился…

— Конечно. — Толман остался на месте. Он сидел, засунув руки в карманы, вытянув ноги и описывая небольшие круги носками ботинок.

— Невероятная путаница! — помолчав, объявил он. — Кроме Блана, и зацепиться не за что. Описание черномазого подойдет к любому. Разумеется, это мог быть и черномазый, вымазавшийся пробкой и надевший черные перчатки, чтобы сбить нас со следа, но кому из черномазых могло понадобиться убивать Ласцио? — Он снова замолчал. Наконец он резко выпрямился. — Послушайте. Я не жалею о том, что вы вытащили Беррэна, пусть это и запутало все дело вконец. И я не нарушу наших договоренностей, и, в том числе, не стану мешать вашему отъезду сегодня вечером. Но раз уж вы решили делиться со мной информацией, то, может быть, у вас есть что-то еще? Я признаю, что вы выставили меня дураком,

не говоря уже о шерифе. Может, вы и дальше продолжите? Что вы еще раскопали?

— Совершенно ничего.

— Есть ли у вас какие-то предположения насчет того, кого видели черномазые в банкетном зале?

— Никаких.

— Вы не думаете, что это мог быть тот француз? Блан?

— Не знаю. Не думаю.

— А китаянка, что гуляла вокруг, вы не думаете, что она могла быть как-то замешана?

— Нет.

— А радио, которое включили именно тогда, как по-вашему, это имело какое-то отношение к делу?

— Несомненно. Оно заглушило шум падения Ласцио и его крик, если он успел вскрикнуть.

— Но было ли оно включено специально ради этого?

— Не знаю.

Толман нахмурился.

— Когда я был уверен в виновности Беррэна, то я решил, что включенное радио было простым совпадением или же убийца воспользовался представившейся возможностью. Сейчас это снова под вопросом. — Он подался к Вульфу. — Я

хотел бы попросить вас о помощи. Я нечасто совершаю глупости, но сам вижу, что у меня мало опыта. У вас же не только огромный опыт, вы также считаетесь лучшим в своем деле. Я не настолько горд, чтобы не звать на помощь, когда нуждаюсь в этом. Следующим шагом, по всей видимости, должен стать подробный допрос Блана, и ваше присутствие будет полезным. Даже лучше, давайте вы его проведете, а я посижу и послушаю. Договорились?

— Нет, сэр.

Этого Толман не ожидал.

— Почему же?

— И слышать об этом не хочу. Да чтоб вас, я приехал сюда отдохнуть! — Вульф скривился. — В ночь на вторник, в поезде, я не сомкнул глаз. В ночь на среду вы держали меня до четырех утра. Всю прошлую ночь я провел за тем, чтобы снять подозрения с Беррэна, и в результате так и не ложился. Сегодня вечером мне предстоит сделать важный доклад перед уважаемыми людьми по их же специальности. Мне нужно освежиться сном, и вот моя постель. Что же касается вашей беседы с Бланом, напомню, что вы обещали освободить мистера Беррэна немедленно по предъявлении мной доказательств его невиновности.

Всем своим видом он показал, что разговор окончен. Шериф начал что-то ворчать, но постучали в дверь, и я пошел открывать, думая про себя, что если пришел кто-то еще, ради кого мы не сможем пойти в постель, дабы освежиться сном, то я просто засвечу ему по морде и не пущу.

Возможно, с Вукчичем, невзирая на его размеры, я бы так и поступил, но не стану же я бить женщину только за то, что хочу спать, а с ним была Констанца Беррэн. Я распахнул дверь. Вукчич заговорил, но Констанца не стала тратить времени на приветствия и направилась вглубь номера, прежде чем я успел остановить ее:

— Эй, подождите минутку. Мы не одни. Там сейчас ваш приятель Барри Толман.

Она тут же развернулась ко мне.

— Кто?!

— Вы слышали. Толман.

Она снова развернулась и ворвалась в комнату Вульфа. Вукчич взглянул на меня, пожал плечами и последовал за ней. Я пошел за ними, решив, что за метлой с совком сходить всегда успею.

При виде нее Толман вскочил. За две секунды он побелел, потом порозовел и начал было:

— Мисс Беррэн, слава богу…

Ледяная волна окатила его и заморозила на

месте. Ее взгляд не нуждался в словесном сопровождении. Оставив его стоять с открытым ртом, Констанца направила другой, не менее разрушительный взгляд на Ниро Вульфа:

— А вы говорили, что поможете нам! — Самый последний злодей не заслуживал такого презрения. — Вы сказали, что заставите их освободить отца! Ведь это вы посоветовали им проверить его ответы, ответы про соусы! Вы, наверное, думали, что никто не узнает…

— Моя дорогая мисс Беррэн…

— А теперь все знают! Это вы нашли доказательства против него! Те самые ответы! А еще притворялись! И передо мной, и перед мистером Серваном и мистером Вукчичем…

Я поймал взгляд Вульфа и увидел, как он беззвучно шевельнул губами. Я шагнул, взял ее за руку и повернул к себе.

— Послушайте, дайте же ему сказать…

Она вырывалась, но я держал крепко.

— Она в истерике, уведи ее, — резко сказал Вульф.

Она перестала рваться, и я отпустил ее. Она снова повернулась к Вульфу.

— Я не в истерике, — спокойно заявила она.

— Разумеется, вы в истерике. Женщины всегда

в истерике. В моменты спокойствия они просто восстанавливают силы перед очередным приступом. Я бы хотел вам кое-что объяснить. Вы будете слушать?

Она молча глядела на него.

— Благодарю вас, — кивнул Вульф. — Я объясняюсь потому, что не хочу портить отношения с вашим отцом. Когда я предложил сравнить результаты участников дегустации со списком правильных ответов, у меня и в мыслях не было, что это обернется против вашего отца. Наоборот, я был уверен, что это снимет с него подозрения. К сожалению, получилось иначе, и мне пришлось устранить недоразумение, которое я невольно вызвал. Добиться этого можно было лишь отыскав иные доказательства его невиновности. Я это сделал. В течение часа вашего отца освободят.

Констанца вперилась в него взглядом. Как и Толман при виде нее, она сперва побледнела, потом кровь снова прихлынула к ее щекам.

— Но… но как же так? — с трудом выговорила она. — Я только что там была, и они мне не дали даже увидеться с ним!

— Вам больше не придется ездить. Он вернется еще до полудня. Я обещал вам, мистеру Сервану и мистеру Вукчичу снять с вашего отца это нелепое

обвинение, и я это сделал. Доказательства его невиновности у мистера Толмана. Вы понимаете, что я вам говорю?

По-видимому, она начинала понимать. Внутри нее назревал катаклизм. Ее лицо скривилось, от носа к губам пролегли складки, щеки покраснели, подбородок задрожал. Назревали нешуточные рыдания. Она старалась сдержаться, но внезапно поняла, что не сможет, повернулась, бросилась к двери, проскользнула в нее и исчезла. Это вернуло к жизни Толмана. Не тратя времени на прощания, он выбежал в открытую дверь и исчез следом.

Мы с Вукчичем переглянулись. Вульф вздохнул.

Шериф решил, что настал его черед.

— Вы, конечно, умный тут и все такое, но, будь я Барри Толман, вы бы не уехали ни полуночным, ни другим каким поездом, пока не прояснили кое-какие детали.

Вульф кивнул и проворчал:

— Всего хорошего, сэр.

Шериф вышел и с такой силой хлопнул дверью, что я подскочил на месте.

— Дергаюсь, как червяк на крючке, — вздохнул я, опускаясь на стул. Вукчич тоже сел. Вульф под-

нял на него глаза.

— Ну что, Марко, пожелаем друг другу доброго утра? Ты ведь за этим пришел?

— Нет. — Вукчич запустил пальцы в свою шевелюру. — Так вышло, что я действую в интересах дочери Беррэна, и когда она решила съездить в Куинби — город, где находится тюрьма, — то мне и пришлось везти ее. А они не дали ей увидеться с ним. Если б я знал, что ты уже нашел доказательства его невиновности… — Он встряхнулся. — А кстати, что это за доказательства? Если не секрет.

— Я не знаю, секрет или нет. Мне они больше не принадлежат. Я передал их властям, вот пусть они и решают, обнародовать их или нет. Я тебе одно скажу, и это не секрет: я еще не ложился.

— Совсем?

— Совсем.

— Ты нормально выглядишь, — проворчал Вукчич. Он снова провел рукой по волосам. — Послушай, Ниро. Я хочу тебя спросить. Вчера вечером к тебе приходила Дина, так?

— Да.

— Чего она хотела? Если, конечно, ты вправе сказать мне это.

— Сам рассуди, вправе ли я. Она назвала себя

особенной женщиной и сказала, что считает, будто ты считаешь, что я подозреваю тебя в убийстве Ласцио. — Вульф скривился. — И похлопала меня по плечу.

— Чертова дура! — рассердился Вукчич.

— Не спорю. Но очень опасная дура. Хотя, конечно, полынья опасна лишь тем, кто выходит на лед на коньках. Это не мое дело, Марко, но ты первый начал этот разговор.

— Знаю, что я. Но какого дьявола она решила, что я считаю, будто ты подозреваешь меня в убийстве Ласцио?

— Ты не говорил ей этого?

— Нет. Она сказала, что я так говорил?

Вульф покачал головой. — Прямой дороге она предпочла окольные тропы. Хотя она поведала, что ты рассказал ей о моих вопросах про радио и танцы.

Вукчич мрачно кивнул и надолго замолчал. Затем он встряхнулся:

— Да, я говорил с ней. Дважды. Без сомнения, она опасна. Иногда она… Не забывай, я пять лет был женат на ней. Вчера она была так близко, в моих объятиях… Она не притворялась, уж я-то ее знаю, она и впрямь такая. Ты, Ниро, не поймешь и даже не почувствуешь, на тебя это не окажет

никакого воздействия, ты выстроил преграду и прячешься за ней. Как ты сказал, полынья опасна лишь тем, кто выходит на лед на коньках. Но, черт возьми, нет смысла жить в страхе…

— Марко, — сварливо прервал его Вульф. — Я всегда говорил тебе, что у тебя есть ужасная привычка спорить с самим собой вслух. Не притворяйся, что ты убеждаешь меня, и не сыпь банальностями. Ты прекрасно знаешь, в чем состоит жизнь: во всем, что присуще человечеству. В том числе в разумном и достойном контроле над потребностями, которые есть и у нас, и у собак. Человек не грызет кости и не воет всю ночь на луну. Он ест качественно приготовленную пищу в разумных количествах и направляет свои страсти на службу своим интересам.

Вукчич поднялся с места. Он хмуро посмотрел на старого друга и прорычал:

— А я, значит, вою на луну, так?

— Воешь. И сам это понимаешь.

— Ну тогда извини, черт побери.

Он развернулся и быстро вышел из комнаты.

Я встал и подошел к окну, чтобы поправить занавеску, вытянутую наружу сквозняком от открытой двери, и спугнул птицу, певшую в густом кустарнике прямо за окном. Затем я встал

перед Вульфом. Он сидел закрыв глаза, и, пока я смотрел, мощный вздох всколыхнул его обширный живот.

Я зевнул.

— Слава богу, они все повыметались отсюда. Десятый час, и вам надо выспаться, не говоря уже обо мне.

Он открыл глаза.

— Арчи, я привязан к Марко. Я с ним стрекоз в горах ловил. Ты понимаешь, что этот идиот снова даст этой идиотке сделать из себя идиота?

Я снова зевнул.

— Вы только послушайте себя. Если бы я так высказался, вы бы выслали меня из комнаты. Говорю вам, нам надо выспаться. Вы же правду сказали Толману, что больше не заинтересованы в этом убийстве и выходите из игры?

— Разумеется. Мистер Беррэн оправдан, и в этом деле мы больше не заинтересованы. Сегодня вечером мы уезжаем.

— Окей. Тогда, ради бога, давайте ляжем спать.

Он закрыл глаза и снова вздохнул. Казалось, он так и будет сидеть и волноваться за Вукчича. Тут я ему ничем не мог помочь, так что я встал и пошел ко входу, планируя не только вывесить табличку «Не беспокоить!», но и подкрепить ее

распоряжениями зеленым курткам, дежурящим в холле. Но как только я взялся за ручку двери, меня остановил голос Вульфа:

— Арчи. Ты спал больше моего. Я хочу сказать, что с тех пор, как мы приехали, я ни разу не повторял свою речь. Я собирался отрепетировать ее дважды. Ты помнишь, где она лежит? Достань, пожалуйста.

Будь мы в Нью-Йорке, я б уволился.

13

В десять утра я сидел у окна и зевал, следя за текстом речи, который я сам же дома и напечатал. Мы добрались до девятой страницы.

Вульф сидел на кровати лицом ко мне, подложив под спину четыре подушки и демонстрируя добрых пол-акра желтой шелковой пижамы. На прикроватной тумбочке стояли две бутылки из-под пива и пустой стакан. Казалось, он сосредоточенно разглядывает мои носки. Он продолжал:

— «…но не поддающийся описанию вкус первосортной ветчины из штата Джорджия, которая, по моему убеждению, значительно превосходит по качеству все, что может предложить Европа, не является результатом обработки мяса после забоя. Глубокое знание методов копчения и тщательное им следование, разумеется, необходимы, но подобные традиции более характерны для Ченстохова и Вестфалии, нежели Джорджии. У поляков и вестфальцев есть и свиньи, и знания, и умения. Чего у них нет, так это арахиса».

Он прервался и высморкался. Я переменил позу. Вульф продолжил:

— «Из свиньи, рацион которой на пятьдесят-семьдесят процентов состоит из арахиса, получается ветчина невероятно сладкой и нежной сочности, и, если ее качественно закоптить, правильно хранить и хорошо приготовить, она оставит далеко позади любую другую ветчину в мире. Я привел этот пример и чтобы продемонстрировать, как именно Америка вносит свой вклад в мировую кулинарию, и как очередное доказательство того, что Америке есть что предложить высокой кухне помимо того, что достаточно сорвать с ветки. Краснокожие питались индюшатиной и картофелем, но откормленных арахисом свиней они не знали. Эта незабываемая ветчина не дар природы, а плод творческой фантазии, упорства экспериментаторов и прозорливости знатоков. Похожие результаты были достигнуты откармливанием кур голубикой, которую вводят в их рацион…»

— Стойте. Не кур, а домашней птицы.

— Куры и есть домашняя птица.

— Вы просили останавливать вас.

— Да, но не спорить со мной.

— Это вы спорите, а не я.

Взмахом руки он велел мне замолчать.

— Продолжим… «на второй неделе. Вкус вось-

минедельного петушка, с рождения приученного в больших количествах поглощать голубику и запеченного в белом вине с грибами и эстрагоном; или же, в качестве дополнительного американского штриха, вкус кукурузного пудинга с мясом этого петушка, петрушкой, луком и яйцом — этот вкус не только легко узнаваем, он уникален, и без сомнения, принадлежит высокой кухне. Данный пример иллюстрирует мой тезис даже лучше, чем ветчина, потому что европейцы никак не могли кормить свиней арахисом, которого у них не было. Но хотя у них были и куры…» Куры, Арчи?

— Домашняя птица.

— Неважно. «Но хотя у них были и куры, и голубика, все эти столетия они не догадывались соединить одно с другим и осчастливить нас результатом. Еще одним примером изобретательности… »

— Эй, погодите, вы целый абзац пропустили! «Вы можете возразить, что…»

— Хорошо. Ты можешь сидеть спокойно? Не скрипи стулом. «Вы можете возразить, что все это не имеет отношения к кулинарии, но я убежден, что по зрелом размышлении, вы согласитесь, что имеет. Ватель хозяйствовал на собственной ферме. Эскофье не использовал птицу, выращен-

ную в некоей определенной местности, какой бы крупной и жирной она ни была, из-за нежелательных минералов, содержащихся в тамошних источниках. Брилья-Саварен неоднократно восхвалял…»

У меня начали слегка затекать конечности, и я встал. Не отрывая взгляда от текста, я подошел к столу, нащупал графин, налил воды и выпил. Вульф сосредоточенно бубнил. Я решил не садиться и остался посреди комнаты, попеременно напрягая и расслабляя мышцы ног, чтобы хоть как-то их размять.

Не могу сказать, что именно меня насторожило. Я смотрел в текст, до открытого окна слева было ярда четыре, и оно было вне поля моего зрения. И вряд ли я что-то услышал. Но, как бы то ни было, я резко повернул голову, успел увидеть в кустах под окном движение, и что-то заставило меня швырнуть туда страницы с речью. В ту же секунду прогремел выстрел, заклубился дым, запахло порохом, листки разлетелись по комнате и сзади раздался голос Вульфа:

— Сюда, Арчи!

Разглядев, что по его лицу течет кровь, на мгновение я застыл как вкопанный. Мне хотелось выпрыгнуть в окно, поймать сук… снайпера и

как следует его отделать. Вульф был жив и продолжал сидеть, но крови натекло порядочно. Я подскочил к кровати.

Он разомкнул плотно сжатые губы:

— Куда он попал? В череп? В мозг? — он содрогнулся.

— Нет, черт возьми, откуда мозгу-то взяться? — облегченно выдохнул я. — Уберите руки и не двигайтесь. Подождите, я принесу полотенце.

Я метнулся в ванную, одним полотенцем обмотал ему шею, а вторым принялся собирать кровь.

— Похоже, пуля пропахала скулу: кожу и мясо, а кость не задела. Вы не чувствуете слабости?

— Нет. Подай бритвенное зеркало.

— Подождите, пока я…

— Подай зеркало!

— Боже мой, держите полотенце.

Я снова сбегал в ванную, принес ему зеркало и побежал звонить. Девичий голосок на том конце провода пожелал мне доброго утра.

— Добрее некуда. В этом заведении врач имеется? Нет, стойте, не соединяйте меня с ним, пришлите его немедленно сюда, огнестрельное ранение в номере 60 в павильоне «Апшур». Я сказал ранение, давайте побыстрее, шлите врача, и Оделла, который здешний сыщик, и поли-

цейских, если есть, и бутылку бренди. Поняли? Отлично, вы просто чудо!

Я вернулся к Вульфу. Всякий раз, когда мне хочется посмеяться, мне стоит только вспомнить, как он выглядел в ту минуту. Одной рукой он придерживал полотенце у шеи, а в другой держал зеркало, в которое смотрел с непередаваемым отвращением. Я заметил, что он продолжал плотно сжимать губы, чтобы кровь не попала в рот, схватил несколько носовых платков и снова начал вытирать кровь.

Он дернул левым плечом.

— Кровь затекла мне за воротник. — Он подвигал челюстью, вверх-вниз и в стороны. — Когда я так делаю, то не больно. — Он положил зеркало на постель.

— Ты можешь остановить эту чертову кровь? Осторожно, не дави так сильно! Что там на полу валяется?

— Ваша речь. Думаю, в ней дырка от пули, а так все в порядке. Вам следует лечь набок. Ложитесь, не спорьте! Погодите, я уберу подушки…

Я привел его в горизонтальное положение, подложил под голову пару подушек, намочил в ванной очередное полотенце, вернулся и соорудил холодную примочку. Вульф лежал с

закрытыми глазами. Я возвращался из ванной с очередным мокрым полотенцем, когда в дверь громко постучали.

Врач, лысый недомерок в очках, принес сумку с инструментами и привел медсестру. Впуская их, я увидел бегущего к номеру управляющего Клэя Эшли и впустил его тоже.

— Кто стрелял что случилось где он кто это? — обрушил он на меня поток вопросов. Я велел ему обождать и последовал за врачом и медсестрой к Вульфу.

Лысый доктор времени не терял. Сестра придвинула стул, поставила на него медицинскую сумку и открыла ее, я придвинул к постели стол, а врач, не задавая вопросов, склонился над Вульфом. Вульф хотел было повернуться, но получил приказ лежать смирно.

— Да чтоб вас, мне же нужно вас видеть! — возмутился Вульф.

— Для чего? Убедиться, что я compos mentis? Я вменяем. Лежите спокойно.

За моим плечом послышался голос Клэя Эшли:

— Что тут происходит, черт побери? Вы сказали, огнестрельное ранение? Что случилось?

— Тихо тут, пока я не разберусь, что с ним! — не оборачиваясь, властно скомандовал врач.

В дверь снова громко постучали. Я пошел открывать, и Эшли увязался за мной. На этот раз пришел Оделл с двумя полицейскими. За ними маячил лакей в зеленой куртке, примчавшийся из холла.

— Иди отсюда и держи язык за зубами, — велел Эшли зеленой куртке.

— Я только хотел сказать, сэр, что я слышал выстрел и двое гостей хотят знать…

— Скажи, что ничего не знаешь. Скажи, что стрельнул глушитель у автомобиля. Ясно?

— Да, сэр.

Я провел весь квартет в свою комнату. Игнорируя Эшли, которого Вульф как-то назвал буржуа, я обратился к копам:

— Ниро Вульф сидел в кровати, репетируя речь, которую он собирается произнести сегодня вечером. Я стоял в четырех ярдах от открытого окна, следя за его словами по напечатанному тексту, чтобы в случае необходимости поправить его. Мое внимание привлекло что-то за окном, звук или движение, не знаю. Я взглянул на окно, и все, что я успел заметить, было шевеление ветки в кустах. Я бросил речь в окно. Одновременно раздался выстрел, и Вульф позвал меня. Я увидел, что у него кровоточит скула, подбежал и осмот-

рел рану. Затем я позвонил в приемную отеля и принялся вытирать кровь, пока не пришел врач, прямо перед вами.

Один из копов вытащил блокнот.

— Ваше имя?

— Арчи Гудвин.

Он записал его в блокнот.

— Вы увидели кого-нибудь в кустах?

— Нет. Если позволите дать совет, то после выстрела не прошло и десяти минут. Я рассказал вам все, что знаю. Вопросы подождут, а вот если вы поторопитесь наружу, то пойдете по горячим следам!

— Я хочу поговорить с Вульфом.

— Чтобы спросить его, не я ли в него стрелял? Да не я же! Я даже знаю, кто стрелял: тот же, кто во вторник вечером зарезал Ласцио в павильоне «Покахонтас». Не знаю, кто это, но это он. Хотите поймать убийцу, вы двое? Так бегите по следу, пока не остыл!

— Откуда вы знаете, что это тот же, кто убил Ласцио?

— Да потому что Вульф слишком близко подкопался к его логову и ему это пришлось не по нутру. На свете немало народу, кто желал бы видеть Вульфа мертвым, но не в этих краях.

— Вульф в сознании?

— Конечно. Сюда, пожалуйста, через гостиную.

— Идем, Билл.

Они потопали вперед, Эшли и я за ними и Оделл замыкающим. В комнате Вульфа медсестра заняла полстола бинтами и прочим, и в розетку был вставлен провод от электрического стерилизатора. Вульф лежал на правом боку спиной к нам. Склонившийся над ним доктор производил какие-то манипуляции.

— Что там, док?

— Кто?.. — врач повернул голову. — А, это вы, ребята. Повреждены только мягкие ткани верхней части скулы, придется наложить швы.

— Кто там? — послышался требовательный голос Вульфа.

— Прекратите разговаривать. Полиция штата.

— Арчи? Где ты, Арчи?

— Я здесь, босс. — Я подошел. — Копы хотят убедиться, что это не я вас подстрелил.

— С них станется. Идиоты. Гони их отсюда. Остаетесь ты и врач, а остальных гони. Я не в том состоянии, чтобы принимать гостей.

— Мистер Вульф, мы хотели бы знать… — начал было коп.

— Мне нечего сказать, кроме того, что кто-то

выстрелил в меня через окно. Разве мистер Гудвин вам это уже не сказал? Как вы думаете, у вас получится поймать преступника? Попытайтесь.

— Вульф, так не пойдет, — возмутился Эшли. — Вся эта чертова заварушка произошла из-за того, что я допустил сборище народу, не относящегося к моей клиентуре. Абсолютно не относящегося. Я считаю…

— Я знаю, кто это. — Вульф попытался повернуть голову, но доктор твердой рукой удержал его. — Это мистер Эшли. Тьфу на его клиентуру! Убери его отсюда, всех убери, слышишь, Арчи?

— Хватит, — решительно подвел черту врач. — Когда он говорит, возобновляется кровотечение.

— Давайте, валите отсюда, — обратился я к полицейским. — Стрелок уже далеко, так что вы в полной безопасности. И вы тоже, — добавил я в сторону Эшли. — Мои приветы клиентуре. Проваливайте.

Оделл стоял ближе всех к двери и потому был первый на выход. Эшли и копы тоже не задержались. Я пошел за ними и вышел из номера в холл. Там я взял одного копа за край мундира, за ним остановился и его брат, а Эшли и Оделл пошли дальше. Эшли шагал с яростным видом, а Оделл семенил позади.

— Послушайте, — сказал я копу. — Мой первый совет — не мешкать и догнать — его пришелся вам не по вкусу. Вот другой. Тип, что зарезал Ласцио и выстрелил в Вульфа, чересчур уж прыткий. Он может взять себе в голову мысль попробовать еще разок поупражняться в стрельбе в том же тире. Сегодня приятный апрельский денек, и Вульф не хотел бы сидеть с закрытыми окнами и задернутыми занавесками, и, черт меня побери, я не собираюсь сидеть тут целый день и пялиться в кусты. Мы приехали в ваш штат живыми и хотим покинуть его в этом же состоянии в 12:40 ночи. Как насчет того, чтобы выставить под нашими окнами охрану? У ручья неподалеку есть приличная скамейка.

— Премного благодарен, — ядовито отозвался он. — Может, вам полковника из Чарльстона вызвать, чтобы вы и его поучили?

Я отмахнулся.

— Я злой, невыспавшийся, и только что подстрелили моего босса, да так, что у него чуть мозги наружу не вытекли. Удивительно, что я хоть какую-то вежливость соблюдаю. Было бы приятно знать, что наши окна под охраной. Организуете?

— Да. Я доложусь по телефону и вызову пару человек. — Он смерил меня взглядом. — Вы точно

больше ничего не видели, а?

Я подтвердил, что ничего, и он отправился восвояси, захватив братца с собой.

В комнате Вульфа кипела работа. Я встал в ногах кровати и несколько минут наблюдал за процедурами. Затем повернул голову, и мой взгляд упал на речь, все еще валявшуюся на полу. Я подобрал ее и внимательно осмотрел. Так и есть: пуля прошла насквозь и погнула одну из скрепок. Я расправил страницы, кинул речь на комод и вернулся на пост в ногах кровати.

Врач работал неторопливо, но тщательно и аккуратно. Он начал шить, и Вульф, лежавший с закрытыми глазами, шепотом сообщил мне, что отказался от обезболивания. Его рука поверх одеяла была сжата в кулак, и всякий раз, когда игла протыкала кожу, он глухо постанывал. После нескольких стежков он спросил: «Вам не мешают мои стоны?» Врач ответил, что не мешают, и стоны стали громче. Когда со швами было покончено, врач стал накладывать повязку, попутно объясняя мне, что рана поверхностная, но довольно болезненная, и пациенту необходим покой и отдых. Он накладывает повязку так, чтобы ее не надо было менять, пока мы не вернемся в Нью-Йорк. Пациент настаивает на том, чтобы

произнести вечером речь, и переубедить его невозможно. Если от такой нагрузки на мышцы снова откроется кровотечение, следует вызвать врача. Желательно, чтобы до вечера пациент оставался в постели.

Он закончил работу. Медсестра помогла собрать со стола инструменты, окровавленные полотенца и прочий мусор. Она предложила Вульфу помочь переменить выпачканную кровью пижамную куртку, но он отказался. Я достал было свернутую пачку наличности, но врач сказал, что поставит услуги в счет, и обошел вокруг кровати, чтобы посмотреть Вульфу в лицо и сделать окончательные предостережения.

Я проводил их до холла и проинструктировал зеленую куртку, что номер 60 не принимает никаких посетителей, кто бы это ни был. Вернувшись в комнату Вульфа, я застал пациента все так же на правом боку с закрытыми глазами.

Я прошел к телефону.

— Алло, оператор? Слушайте. Врач сказал, что мистеру Вульфу нужен покой и отдых. Пожалуйста, предупредите коллег, чтобы наш аппарат не звонил. Мне плевать, кто…

— Арчи! Отмени это.

— Погодите минутку, — сказал я в трубку. — Да,

сэр?

Вульф остался недвижим, но заговорил снова:

— Отмени распоряжение насчет телефона.

— Но вы же…

— Отмени его.

Я попросил девушку восстановить статус-кво, повесил трубку и подошел к пациенту.

— Простите, ни за что на свете я не хотел бы нарушить ваши планы. Если вы хотите терпеть трезвон телефона…

— Не хочу. — Он открыл глаза. — Но, оставшись без связи, мы ничего не сможем сделать. Ты говоришь, пуля пробила речь? Дай посмотреть, пожалуйста.

Он говорил таким тоном, что я без дальнейших возражений взял речь с комода и дал ему. Нахмурившись, он полистал страницы и, увидев степень нанесенного ущерба, нахмурился еще сильнее и вернул ее мне.

— Надеюсь, ты сможешь разобрать текст. Зачем ты ее бросил?

— Потому что она была у меня в руках. Если бы она не отклонила пулю, та могла оказаться смертельной. Или же пролететь мимо, согласен. Смотря насколько хороший был стрелок.

— Полагаю, что так. Он просто тупица. Я же

умыл руки и вышел из дела. У него был отличный шанс избежать разоблачения, теперь же он обречен. Мы поймаем его.

— Обязательно поймаем.

— Без сомнения. Видит бог, я очень терпелив, но я не буду покорной мишенью для стрельбы. Пока меня перевязывали, я обдумал различные возможности, и у нас не так много времени, чтобы их проверить. Подай мне зеркало. Представляю, как я выгляжу.

— У вас весьма нарядный вид. — Я передал ему зеркало, и, поджав губы, он принялся рассматривать свое отражение. — Что касается этого типа, так я не против его ловить, но у вас такой вид, да и доктор велел…

— Тут уж ничем не поможешь. Закрой окна и опусти жалюзи.

— Будет темно. Я попросил копа выставить снаружи охрану…

— Пожалуйста, делай как я прошу. Я не верю в охрану. К тому же я буду постоянно посматривать на окно, а я не хочу прерывать свой мыслительный процесс. Нет, закрывай донизу, света хватит. Так лучше. И другие окна тоже. Хорошо. Теперь принеси мне белье, чистую рубашку, халат из шкафа…

— Вам велели лежать в постели.

— Чепуха. Когда лежишь, к голове приливает больше крови, чем когда сидишь. Если к нам будут приходить посетители, раз уж я не могу ничего поделать с этим безобразием на лице, то, по крайней мере, не обязан грешить против правил приличия. Неси белье.

Пока он перемещал свои объемы сперва в сидячее положение на краю кровати, а потом в вертикальное, перемежая эти изменения глухими стонами, я собрал необходимую одежду. Он снял окровавленную пижамную куртку и недовольно оглядел ее. Я принес мокрое и сухое полотенца, и, пока мы приводили его в порядок, он давал мне инструкции:

— Все, что мы можем, это начать перебирать все возможные варианты, пока не наткнемся на факт, который допускает единственное толкование. Ненавижу подобные методы, но на данный момент у нас нет другого выхода. Ты знаешь, как чернить кожу жженой пробкой? Тебе придется попробовать. Раздобудь пробку — думаю, можно нажечь ее спичками — и ливрею «Кановы» среднего размера, в комплекте с кепи. Но сперва закажи разговор с Нью-Йорком. Нет, не эти носки, неси черные, вряд ли я буду в настроении менять

их перед обедом. Надо будет выкроить время и закончить репетировать речь. Я надеюсь, ты помнишь номера Сола Пензера и инспектора Крамера. Но если мы получим нужный нам факт от них, то не следует рисковать тем, что этот подлец узнает о нашем запросе. Нельзя предоставлять ему эту возможность.

14

Мой приятель Оделл стоял у колонны. Над его головой нависал широченный пальмовый лист, а глаза излучали недоверие, которого я не заслуживал.

— Нет, я не стану зазывать ее в номер, — продолжал настаивать я. — И не собираюсь разнюхивать чужие секреты. Говорю как есть, я просто хочу удостовериться, что приватность телефонного разговора не будет нарушена. Это не недоверие, это предосторожность. А насчет того, что тебе надо сперва получить согласие управляющего, то какой же ты, к черту, сыщик, коли не распоряжаешься в собственном хозяйстве? Пойдем со мной, и сам все увидишь. Если тебе что-то не понравится, можешь бросить в меня камнем. И вообще, что у вас за курорт такой, для гостей опасный? Увернешься от камня — попадешь под пулю!

Все с тем же недоверием он отклеился от колонны.

— Ладно. Чтоб я еще когда пошутил. Разве что только про ковбоев да рыжих теперь. Идем, клоун.

Мы пересекли вестибюль, завернули за лифты и очутились в узком проходе, по сторонам которого шли двери с матовым стеклом. Он открыл одну из них и жестом пригласил меня войти. Дверь вела в небольшую комнату. Из мебели в ней был только коммутатор, протянувшийся по всей ее длине футов этак в пятнадцать, шесть юных дев в ряд, спиной к нам, и стулья, на которых эти девы и сидели. Оделл подошел к крайней, поговорил с ней и показал мне на третью в ряду. Сзади она выглядела непримечательной худышкой, но, обернувшись, явила нам свежее светлое личико и симпатичные голубые глаза. Оделл сказал что-то и ей, и она кивнула в ответ.

— Я придумал новый способ звонить по телефону, — обратился я к ней. — Мистер Вульф из номера 60 в павильоне «Апшур» желает заказать разговор с Нью-Йорком, а я буду стоять и смотреть, как вы его соединяете.

— Из номера 60? Тот, в которого стреляли?

— Ну да.

— А вы сказали мне, что я чудо.

— Ну да. В некотором роде, я как раз пришел в этом убедиться. Если вы сможете…

— Извините. — Она повернулась и стала говорить, слушать и манипулировать проводами.

Когда она закончила, я сказал:

— Соедините с Нью-Йорком, Либерти 2-3306, и включите стоимость разговора в счет номера 60.

Она широко улыбнулась.

— Личное управление телефонными переговорами, значит?

— Именно. Давно я так не веселился.

Девушка принялась за работу. Я почувствовал движение у локтя и обнаружил, что Оделл вытащил блокнот и карандаш и что-то пишет. Я вытянул шею, посмотрел на его каракули и вежливо заметил:

— Профессионал, знающий свое дело, заслуживает уважения. Чтобы тебе не пришлось подслушивать следующий, диктую: Спринг 7-3100, Главное полицейское управление Нью-Йорка.

— Премного благодарен. Что это он сразу кричит караул из-за жалкой царапины?

Я ответил что-то подобающее, но мое внимание было сосредоточено на телефонистке. Коммутатор был старого образца, и было сразу видно, слушает она, или нет. Ее руки быстро мелькали, нажимая кнопки и вставляя штекеры, и всего через пять минут я услышал, как она говорит в микрофон: «Мистер Вульф? Соединяю с Нью-Йорком, говорите».

Она улыбнулась мне.

— Кому, вы думали, я расскажу об этом? Мистеру Оделлу?

Я улыбнулся в ответ. — Не забивайте этим свою милую головку. «Дитя мое, веди себя скромней…»

— «Пускай брильянты носят богачи…»[2], да-да, знаю. А вот еще… Извините.

Оделл так и не ушел до самого конца, и ждать ему пришлось долго. Разговор Вульфа с Солом Пензером продолжался не менее четверти часа, да и с инспектором Крамером — если, конечно, это был Крамер — примерно столько же. Когда оба звонка были завершены, и провода выдернуты, я решил проявить учтивость и осведомился, брильянты какой огранки она предпочитает, и она ответила, что предпочла бы свежий экземпляр Священного Писания, а то старый совсем истрепался, так усердно она его читает. Я сделал вид, что хочу погладить ее по голове, она отпрянула, а Оделл дернул меня за рукав.

Я расстался с ним в вестибюле, поблагодарив и уверив в том, что я не забыл о его притязаниях

---

[2] Примечания переводчика: 2

«Дитя мое, веди себя скромней… …Пускай брильянты носят богачи» — Вольная цитата из хрестоматийного морализаторского стихотворения *A Farewell* Чарльза Кингстона (1819-1875).

на должность в отеле «Черчилль» и что мистер Вульф при первой же возможности поговорит на эту тему с мистером Лиггетом.

Минуту спустя такая возможность представилась и мне, но было не до того.

Выйдя из главного входа, я отправился исполнять следующее поручение. Мой путь пролегал мимо загона с лошадьми, всадниками и грумами в зеленых куртках. С расстояния футов десять я не прочь понаблюдать за лошадками, и, проходя, я замедлил шаг. Там я и увидел Лиггета, в костюме для верховой езды, который, как я полагаю, он взял напрокат, слезающего с крупного гнедого. Замедлил шаг я еще и потому, что рассчитывал увидеть, как еще кто-нибудь подставит ногу под копыто, но ничего такого не случилось. Не то чтобы я что-то имел против постояльцев в принципе, но когда человек платит двадцать баксов в день за номер и оттого ходит потом либо задрав нос, либо с кислой рожей, то будь я лошадью, я бы…

Но меня ожидали дела. Прошло уже больше получаса с тех пор, как я оставил Вульфа в номере одного, и хотя я запер дверь и строжайше запретил зеленой куртке в холле впускать к нему кого бы то ни было под каким бы то ни было предлогом, сердце у меня было не на месте. Я

ускорил шаг и быстро добрался до павильона «Покахонтас». У входа я повстречал Лизетту Путти и Валленко с теннисными ракетками в руках. На веранде вязала мамаша Мондор. В автомобиле у входа сидели полицейский и какой-то верзила в штатском. Оба курили. Обе гостиные были пусты, зато в кухне кипела жизнь — повара, поварята, зеленые куртки, мэтры озабоченно метались туда-сюда. По всей видимости, все они готовили ленч, не говоря уже о грядущем парадном обеде, который должен был состоять из блюд американского происхождения, дабы послужить наглядным пособием к речи Вульфа. Все это, разумеется, совершалось под руководством Луи Сервана, и он, одетый в поварской колпак и фартук, проверял, смотрел, нюхал, пробовал и давал указания. Увидев Альберто Мальфи, резчика фруктов с Корсики, тоже при колпаке и фартуке бегающего по пятам за Серваном, я позволил себе усмехнуться. Едва не столкнувшись с внезапно отскочившим от плиты Доменико Росси, я добрался до старейшины мэтров.

При виде меня благородное морщинистое лицо Сервана омрачилось.

— А, мистер Гудвин! Мне только что рассказали об этом ужасном… с мистером Вульфом. Мистер

Эшли позвонил из отеля. Мой гость, почетный гость… ужасно! Я навещу его, как только смогу освободиться. Это не очень серьезно? Он сможет к нам присоединиться?

Пока я успокаивал его, подошли еще двое-трое. Я принял их соболезнования боссу и объяснил, что в ближайшие несколько часов лучше не приходить. Затем я извинился перед Серваном, что отрываю его от дел, но мне необходимо переговорить с ним, и мы перешли в малую гостиную. После недолгого разговора он позвал Моултона — старшего официанта без мочки уха — и дал ему указания.

Когда Моултон ушел, Серван поколебался и сказал:

— Я и до этого хотел зайти к мистеру Вульфу. Мистер Эшли говорит, что он вытянул из двух официантов какую-то удивительную историю. Мне понятно их нежелание… но я не могу позволить… мой друг Ласцио был убит в моем же банкетном зале! — Он устало провел ладонью по лбу. — Эта встреча обещала так много хорошего… Мне уже за семьдесят, мистер Гудвин, и ничего хуже со мной не случалось в жизни… Мне пора на кухню… Крэбтри неплохой специалист, но немного рассеянный, и, боюсь в такой суете он

может не справиться.

— Не беспокойтесь, — я потрепал его по руке. — Я имею в виду, не беспокойтесь об убийстве. Оставьте волнения Ниро Вульфу. Я всегда так и поступаю. Вы выбрали сегодня утром четверых новых членов?

— Да, а что?

— Просто интересно, а Мальфи прошел?

— Мальфи? В состав Les Quinze Maîtres? Боже упаси, нет, конечно!

— Ясно, просто было интересно. Возвращайтесь на кухню и наслаждайтесь готовкой. Я передам, что вы хотели сказать Вульфу про ленч.

Он кивнул и засеменил на кухню. Прошло уже больше часа с тех пор, как я покинул «Апшур», и я помчался туда кратчайшей дорогой.

После яркого уличного солнца комната Вульфа выглядела мрачно, но в номере побывала горничная, постель была застелена, вещи убраны по местам. Он сидел в большом кресле лицом к окну, с речью в руках, и сосредоточенно перечитывал последнюю страницу. Войдя, я громко объявил о своем возвращении, чтобы дать ему понять, что все в порядке, и подошел проверить повязку. Следов свежего кровотечения не было.

— Все устроено, — доложил я. — Серван по-

ручил это Моултону. Все шлют вам наилучшие пожелания и сожалеют, что вас там нет. Серван собирается прислать нам пару подносов с ленчем. Какая досада, что вы вынуждены сидеть в помещении в такой чудесный день. А вот наш клиент пользуется погодой и прокатился верхом.

— У нас нет клиентов.

— Я имею в виду мистера Лиггета. Я продолжаю считать, что раз он хочет оплатить расследование, то следует доставить ему это удовольствие. Не говоря уже о том, чтобы сосватать ему Беррэна. Вы дозвонились до Сола и Крамера?

— Ты что, не присутствовал у коммутатора?

— Присутствовал, но я не знаю, с кем вы разговаривали.

— С ними. Над этим вариантом ведется работа. — Он вздохнул. — Болит весьма ощутимо. Что они готовят на ленч?

— Господи, откуда мне знать? Там их пять-шесть человек толкалось. Конечно, болит, еще бы оно не болело, и ни цента ведь за это не получите! — Я сел и устало откинул голову на спинку стула, не в силах более держать ее прямо. — Это ранение и недостаток сна сделали вас упрямее обычного. Я знаю, что вы и в грош не ставите то, что обзываете рутиной, но я видел, как вы полу-

чали результаты с ее помощью, и гений вы или нет, но не мешало бы собрать сведения о том, чем те или иные люди занимались сегодня в одиннадцатом часу утра. Например, если обнаружится, что Леон Блан варил на кухне суп, то он не мог стрелять в вас из кустов. Я просто объясняю, как это делается.

— Спасибо.

— Спасибо, и продолжаете упрямиться, да?

— Я не упрям, а умен. Я не раз объяснял тебе, что поиск отрицательных доказательств — последнее, что остается, когда не получается найти положительные. Сбор и проверка алиби — тоскливое и обычно бесполезное занятие. Нет. Найди несомненную улику и, если алиби ей противоречит, — опровергни алиби. В любом случае, я не заинтересован в поимке того, кто стрелял в меня. Мне нужен тот, кто зарезал Ласцио.

Я уставился на него.

— Это еще что за ребус? Вы же сами сказали, что это один и тот же человек.

— Разумеется. Но поскольку именно убийство Ласцио привело его к покушению на мою жизнь, то очевидно, что убийство мы и должны раскрыть. Если не будет доказано, что он убил Ласцио, то какие мотивы для выстрела в меня мы

ему предъявим? А если мы не можем продемонстрировать его мотив, то какая, к черту, разница, где он был в одиннадцатом часу? Всё, что может нам пригодиться, это прямое доказательство того, что он совершил убийство.

— Ах, это, — слабо помахал я рукой. — Ну, если это все, что нужно… Ну уж оно-то у вас имеется.

— Имеется. В данную минуту его проверяют.

— Да неужели? Что за доказательство, кто это?

Он хотел покачать головой, но скривился от боли. — Его проверяют. Я не стану утверждать, что оно неопровержимое, совсем нет. Следует дождаться результата проверки. Я настолько не уверен и у нас настолько мало времени, что я устраиваю это представление с мистером Бланом. Ни один возможный вариант нельзя упускать из виду. В конце концов, вполне возможно… хотя не думаю, что у него есть оружие… К нам стучат.

К представлению с Бланом потребовалось тщательно подготовиться, но польза от него была лишь та, что оно продержало меня на ногах до самого ленча. Отсутствие результатов меня не удивило, и Вульфа, по-моему, тоже. Он всего лишь последовательно перебирал все варианты, не упуская ни один.

Моултон и Пол Уиппл пришли первыми и

принесли с собой необходимые принадлежности. Сперва я провел их к Вульфу для получения объяснений и инструкций, а потом закрыл в своей комнате. Через несколько минут явился Леон Блан.

Шеф-повар и гурман приятно побеседовали, причем Блан все сокрушался по поводу ранения Вульфа. Затем они приступили к делу. По словам Блана, он пришел по просьбе Сервана и готов ответить на любые вопросы Вульфа. С этой непростой задачей он справился достойно, в том числе отвечая на настойчивые и весьма бестактные вопросы, касающиеся характера его отношений с миссис Ласцио. Блан настаивал на том, что, когда она была миссис Вукчич, а он служил шеф-поваром в отеле «Черчилль», он хорошо знал ее, но с тех пор, как пять лет назад он уехал в Бостон, они лишь пару раз встречались на публичных мероприятиях, и между ними никогда не было хоть сколько-то близких отношений. Затем Вульф переключился на ночь со вторника на среду, то время, когда Блан сидел в своем номере в павильоне «Покахонтас», остальные дегустировали соус прэнтан, а кто-то еще убивал Ласцио. Весь разговор я слушал через приоткрытую дверь ванной, пробуя жженую пробку на тыльной сто-

роне кисти. Серван прислал спиртовую горелку и столько пробки, что хватило бы вымазать целую актерскую труппу.

Когда Вульф дошел до идеи маскарада, Блан воспротивился было, но не очень сильно. Я выглянул из ванной комнаты, пригласил его внутрь, и пошла потеха. Он разделся до нижнего белья, и я сперва намазал его кольдкремом, а потом взялся за пробку. Возможно, я что-то сделал неверно, я же не профессионал в этом деле, но, черт возьми, вымазал я его на славу. Главную трудность составили уши и граница волос, и он пожаловался, что я занес ему пробку в глаз, но это потому, что он слишком сильно моргал. Затем он оделся в ливрею и кепи, и получилось очень даже неплохо. Вот только черные перчатки Моултон не смог раздобыть, и пришлось обойтись темно-коричневыми.

Я показал его Вульфу, получил одобрение, позвонил в павильон «Покахонтас» миссис Койн и сказал, что всё готово.

Она пришла через пять минут.

Я вышел в коридор, чтобы объяснить ей, что делать, добавив, что если она хочет, чтобы Вульф помог ей остаться в стороне от этого дела, то ей следует хранить молчание. Затем я впустил ее и

оставил в прихожей, а сам пошел ставить Блана в нужную позу. Процесс окраски в черный привел его в сильное раздражение, но Вульф успел его успокоить. Я поставил его в ногах кровати на, как я прикинул, верном расстоянии от двери, надвинул кепи на лицо, приложил его палец к его же губам и велел ему не двигаться. Затем я приоткрыл дверь в прихожую.

Через десять секунд я разрешил Блану расслабиться, вышел в прихожую и снова вывел Лио Койн в коридор.

— Ну как?

Она покачала головой.

— Нет, это не он.

— Почему вы так считаете?

— У этого слишком большие уши. Это не он.

— Вы смогли бы подтвердить это под присягой?

— Но вы… — Она прищурилась. — Вы сказали, что мне не придется…

— Верно, не придется. Но насколько вы уверены?

— Уверена. К тому же этот более худощав.

— Окей, премного благодарен. Мистер Вульф поговорит с вами позже.

Остальные сказали то же самое. Я ставил Блана

в нужные позы еще дважды: один раз лицом к двери, для Пола Уиппла, а другой — спиной к двери, для Моултона. Уиппл сказал, что готов подтвердить под присягой, что тот, кого он видел у ширмы в банкетном зале, — не тот, кого он видел в комнате Вульфа, а Моултон сказал, что присягнуть не готов, но ему кажется, что это не тот человек. Я отпустил их в «Покахонтас».

Потом мне пришлось помочь Блану стереть пробку, и это оказалось куда более сложным делом, чем накрасить его. Очень может быть, что уши он так и не отчистил. Учитывая, что он вовсе не был убийцей, он проявил неплохую выдержку. Кровь с Вульфа, жженая пробка с Блана — полотенца «Кановы» в тот день улетали со свистом.

Блан встал перед Вульфом и заявил:

— Я согласился на все это потому, что меня попросил Луи Серван. Я знаю, что убийц следует карать. И если бы я был убийцей, то ожидал бы кары. Это страшное испытание для всех нас, мистер Вульф, страшное. Я не убивал Филиппа Ласцио, но если бы я мог шевельнуть пальцем и вернуть его к жизни, то знаете, что бы я сделал? Вот что! — Он сунул руки в карманы как можно глубже.

Блан уже хотел уходить, но его задержало по-

явление следующего посетителя. Чтобы иметь возможность осуществить задуманное, мне, разумеется, пришлось сказать зеленой куртке в холле, что запрет на посетителей отменяется, и это был первый в череде многих то и дело стучавшихся к нам в тот день.

За дверью стоял мой старый приятель Барри Толман.

— Как себя чувствует мистер Вульф?

— Изрядно потрепан, но боевой дух не утратил. Проходите.

Он вошел и хотел было поздороваться, как увидел, кто еще находится в комнате.

— А, вы здесь, мистер Блан?

— Да. По просьбе мистера Сервана…

— Мы проводили следственный эксперимент, — вмешался Вульф. — Советую вам не тратить время на мистера Блана. Что скажешь, Арчи? Является ли мистер Блан убийцей Ласцио?

— Нет, сэр, все три раза.

Толман посмотрел на меня, на Вульфа, на Блана.

— Неужели? В любом случае, мне может понадобиться поговорить с вами. Вы будете в «Покахонтасе»?

Блан ответил утвердительно, но не очень-то

дружелюбно. Он выразил надежду, что к вечеру Вульфу станет лучше, и удалился. Проводив его, я вернулся в комнату. Толман уже сидел и, склонив голову к плечу, разглядывал повязку на лице Вульфа, а тот говорил:

— Нет, не мне, сэр. Врач сказал, что рана поверхностная. Но, я уверяю вас, опасность грозит тому, кто это сделал. Посмотрите сюда. — Он продемонстрировал изуродованную речь. — Перед тем как попасть в меня, пуля прошла сквозь эти страницы. Мистер Гудвин спас мою жизнь тем, что бросил в окно мою речь. Так он утверждает, и я готов поверить, что так оно и было. Где мистер Беррэн?

— Он здесь. В «Покахонтас», вместе с… вместе с дочерью. Я сам его привез, только что. Я был в Куинби, когда мне сообщили о вашем ранении. Вы считаете, что это сделал тот же, кто убил Ласцио?

— Кто же еще?

— Но зачем ему это понадобилось? Вы же покончили с этим делом.

— Он этого не знал. — Вульф слегка поерзал, скривился и желчно добавил:

— Теперь-то не покончил.

— Меня это устраивает. Я не хочу сказать, что

в восторге от произошедшего… И вы взялись за Блана? Почему вы решили, что это не он?

Вульф пустился в объяснения, а я отвлекся на очередной стук в дверь. Принесли ленч, и Луи Серван расстарался на славу. Три официанта в зеленых куртках несли три огромных подноса, а четвертый расчищал им путь и открывал двери. Я уже давно хотел есть, и запахи, доносящиеся из-под крышек, резко усилили голод. Сопровождающим оказался сам Моултон. Поклонившись и объявив Вульфу, что ленч подан, он разложил подставки под подносы и с салфеткой в руке направился к столу.

Вульф извинился, с мощным вздохом выбрался из кресла и подошел к подносам. Моултон почтительно крутился рядом. Вульф поднял одну из крышек, наклонил голову, посмотрел и принюхался. Затем он перевел взгляд на Моултона.

— Пирожки?

— Да, сэр. Мистера Валленко.

— Да. Знаю. — Он стал поднимать остальные крышки, наклонившись, чтобы поймать запах, и осторожно кивая сам себе. Наконец, он выпрямился. — Артишоки баригуль?

— Кажется, он называл их дригант, сэр. Мистер Мондор. Кажется, так.

— Неважно. Пожалуйста, оставьте подносы и уходите. С вашего позволения, мы сами накроем на стол.

— Но мистер Серван велел мне…

— А я хочу так. Оставьте еду на подносах.

— Я оставлю вам в помощь официанта…

— Нет. Пожалуйста. У меня важный разговор. Идите отсюда.

Они ушли. По всему выходило, что на право поесть мне придется заработать, и я приготовился к очередному усилию. Пока Вульф снова усаживался в кресло, я спросил:

— Как трапезничать изволим? По-походному, а-ля «загребай-да-в-рот»?

Он продолжал молча устраиваться в кресле. Потом вздохнул.

— Нет. Позвони в отель и спроси, что у них на ленч.

Я в изумлении уставился на него.

— Вы спятили?

— Арчи! — Он был в ярости. — Догадайся, в каком я настроении. Пирожки готовил Валленко, а артишоки — Мондор! Но откуда мне знать, кто еще был на кухне и что могло случиться? Эти подносы предназначались для нас, и скорее всего, это было всем известно. Для меня. Я все еще

надеюсь уехать вечером домой. Позвони в отель и убери отсюда эти подносы, чтобы до меня не доносились запахи. Отнеси их к себе в комнату и закрой дверь.

— Боже мой, — вмешался Толман. — Если вы действительно думаете, что… можно отослать блюда в лабораторию и проанализировать…

— Я не хочу их анализировать, я хочу их есть! Но не могу. И не собираюсь. Скорее всего, с ними все с порядке, но вы только посмотрите, как этому мерзавцу удалось меня запугать! Какой смысл их анализировать? Вот что я вам скажу, сэр… Арчи?

Это снова стучали. Запахи, доносящиеся из-под крышек, сводили меня с ума не меньше, чем Вульфа, и я очень хотел, чтобы за дверью оказался санинспектор, который сможет подтвердить, что в блюда ничего не подмешано, но это был всего лишь лакей в зеленой куртке из холла с телеграммой для Ниро Вульфа.

Я вернулся в комнату, вскрыл конверт и отдал его Вульфу, а он достал и прочел телеграмму.

— Та-ак, — пробормотал он. — Его голос звучал по-новому, и я внимательно посмотрел на него. Он отдал мне развернутую телеграмму. — Прочти мистеру Толману, пожалуйста.

Я стал читать вслух:

НИРО ВУЛЬФУ КУРОРТ КАНОВА ЗАП ВИРДЖ ГАЗЕТАХ
НЕ УПОМЯНУТО ТЧК КРАМЕР СОТРУДНИЧАЕТ ТЧК РАССЛЕДУЮ ТЧК ТЕЛЕФОНИРУЮ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ ПЕНЗЕР

— Так-то лучше, — тихо сказал Вульф. — Гораздо лучше. Пожалуй, можно приняться за пирожки… хотя еще есть возможность… нет. Звони в отель, Арчи. Мистер Толман, мне кажется, скоро и у вас появится возможность помочь расследованию…

15

Жером Беррэн потрясал кулаками так, что стул под ним ходил ходуном.

— Боже правый! Грязная собака! — Он внезапно остановился и требовательно спросил: — Так это не Блан? Не Вукчич? Не мой старинный друг Зелота?

— Никто из них, я полагаю, — проворчал Вульф.

— Тогда я повторяю: грязная собака! — Беррэн подался вперед и постучал Вульфа по колену. — Скажу вам прямо, не обязательно быть псом, чтобы прикончить Ласцио. Убить его — все равно что вынести мусор, кто угодно мог это сделать. En passant. Разумеется, убивать в спину недостойно, но в спешке иногда приходится пренебрегать приличиями. Нет, я не называю его псом только за то, что он убил Ласцио, пусть и ударом в спину. Но стрелять через окно в вас — в почетного гостя Les Quinze Maîtres! Только потому, что вы встали на сторону справедливости! Потому что у вас хватило здравого смысла понять, что я никак не мог ошибочно распознать семь из девяти соусов! И я

расскажу вам... вы не поверите, чем там кормят, в этой тюрьме! — Он принялся рассказывать, и это было ужасно.

Беррэн с дочерью явился выразить Вульфу свою благодарность за усилия по вызволению его из тюрьмы.

Было уже почти четыре часа. Солнечный свет заливал комнату, ибо с тех пор, как Толман распорядился выставить под окнами по ту сторону кустов усиленную охрану, жалюзи были подняты и окна открыты.

Ленч из ресторана отеля хоть и не мог состязаться с пирожками Валленко, но вполне отвечал моим нуждам. Невзирая на трудности при жевании, Вульф тоже сумел употребить его по назначению.

О том, чтобы вздремнуть, не могло быть и речи. Толман ушел, когда мы уже доедали ленч, и сразу после выразить свое сочувствие Вульфу явились Росси, Мондор и Койн, а следом за ними потянулись и остальные. Даже Луи Серван смог забежать на несколько минут, хотя я так и не понял, как ему удалось оторваться от забот на кухне. Около трех часов позвонили из Нью-Йорка. Вульф взял трубку сам. С его стороны разговор состоял преимущественно из утвердительного

мычания, и я понял только, что он говорил с инспектором Крамером. Положив трубку, он сел и потер нос с довольным видом, из чего я вывел, что все новости оказались хорошими.

Примостившись на краешке стула, Констанца Беррэн вот уже двадцать минут безуспешно пыталась вставить слово, и, когда ее отец отвлекся, чтобы разжечь трубку, ей это наконец удалось.

— Мистер Вульф… Сегодня утром… я ужасно вела себя.

Он перевел взгляд на нее.

— Еще как ужасно, мисс Беррэн. Я нередко замечал, что чем женщина, особенно молодая женщина, красивее, тем легче она позволяет себе беспричинные истерики. Вы хотя бы признаете это за собой. Скажите, когда вы чувствуете, что на вас находит, неужели вы совсем не можете сдержаться? Ни разу не пытались?

— Это не истерики, — рассмеялась она. — У меня не бывает истерик. Я разозлилась и испугалась, потому что мой отец попал в тюрьму за убийство, я знала, что он невиновен, а они говорили, что у них есть доказательства его вины. А потом мне сказали, что это вы нашли это доказательство. Разве я могла сохранять ясность мышления при таких условиях? Да еще и в чужой стране, куда я

приехала впервые. Америка — ужасная страна.

— Многие с вами не согласятся.

— Да, наверное… Наверное, дело не в стране… может быть, все дело в людях, которые здесь живут… Ах, извините, я не имела в виду вас с мистером Гудвином… Не сомневаюсь, что вы очень милый, и мистер Гудвин тоже, и его жена, и все дети…

— Еще бы. — Вульф бросил на меня уничтожающий взгляд. — Как детишки, Арчи, здоровы?

— Да, спасибо, — отмахнулся я. — Чертовы карапузы, так по ним скучаю, вдали от дома. Жду-не дождусь, когда вернусь обратно.

Беррэн вынул трубку изо рта и кивнул. — Малыши — это хорошо. А вот моя дочь… — Он пожал плечами. — Она хорошая девушка, без сомнения, но боже правый, я с ней с ума сойду!

Он подался вперед и постучал Вульфа по колену мундштуком своей трубки.

— Насчет возвращения. Мне сказали, что эти собаки могут удерживать нас здесь сколько им заблагорассудится, это правда? Только потому, что Ласцио получил нож в спину? Мы с дочерью собирались уехать сегодня вечером, сначала в Нью-Йорк, а потом в Канаду. Из тюрьмы я вышел, а свободу не обрел, так?

— Боюсь, что так. Вы планировали уехать в Нью-Йорк поездом, который отходит в полночь?

— Да, им. А теперь они говорят, что никто никуда не уедет, пока они не разберутся, кто убил эту собаку. Если придется ждать, пока этот имбецил Толман с тем косоглазым будут разбираться…

Он снова сунул трубку в рот и принялся раскуривать ее, пока не пошел дым.

— Нам не придется ждать, пока они разберутся, — вздохнул Вульф. — Слава богу. Думаю, сэр, вам следует собрать чемоданы, и, если у вас уже есть билеты, не сдавайте их. К счастью, вам не пришлось ждать, пока мистер Толман поймет, что на самом деле произошло с соусами. Если бы пришлось…

— То я бы, может, и никогда отсюда не уехал. Я понимаю это. Может, я бы вот это получил! — Беррэн рубанул себя по шее ладонью. — Я бы, без сомнения, так и сидел в этой тюрьме и через три-четыре дня умирал бы с голоду. Мы, каталонцы, умеем встречать смерть без боязни, но боже правый, человек, способный это есть, — это не человек, это даже не животное! Я знаю, чем обязан вам, и за ленчем я призывал на вас благословения с каждым куском, попадавшим мне в рот! Я говорил с Серваном. Я сказал ему, что я

в огромном долгу перед вами, и что я ни перед кем не остаюсь в долгу. Я сказал ему, что должен отблагодарить вас… он наш хозяин и тактичный человек. Он сказал, что вы не возьмете денег. Он сказал, что вы отринули предложенную плату. Я понимаю и уважаю ваши чувства, ведь вы — наш почетный гость…

Очередной стук в дверь вынудил меня оставить Вульфа расхлебывать кашу, которую он сам и заварил. Я так и знал, что в один прекрасный день его длинный язык наживет ему горя, и, пока я шел к двери, у меня на губах играла — не буду отрицать, злорадная — ухмылка. Каково-то ему было в тот момент ощущать себя сокровищем, что покоится на перинах гостеприимства.

За дверью оказался всего лишь Вукчич, но он не хуже пули в окно прервал беседу и увел ее в сторону от столь низменных вещей, как услуги и деньги. Он нервничал, выглядел мрачным и рассеянным и, явно испытывая неловкость, не находил себе места. Через несколько минут после его прихода Беррэны ушли, и он встал перед Вульфом со скрещенными на груди руками и хмуро заявил, что несмотря на все оскорбительные слова о вытье на луну, высказанные Вульфом утром, он пришел отдать должное связывающей

их старинной дружбе и лично выразить свое сочувствие по поводу полученного ранения…

— В меня стреляли шесть часов назад, — перебил его Вульф. — К этому времени я мог уже умереть.

— Брось, Ниро, какое там. Мне сказали, что всего-то задело скулу, да я и сам вижу…

— Я кварту крови потерял. Арчи, ты сказал, кварту?

Я ничего не говорил, но на мою преданность всегда можно положиться.

— Да, сэр. Никак не меньше кварты. Почти две. Конечно, мне было не до замеров, но она текла рекой, Ниагарским водопадом…

— Достаточно, спасибо.

Вукчич продолжал стоять и хмуриться. Его спутанная грива упала ему на глаза, но он продолжал держать руки скрещенными на груди, вместо того чтобы, как обычно, запускать пальцы в волосы.

— Извини, — проворчал он. — Он почти попал. Если б он убил тебя… — Он помолчал. — Послушай, Ниро, кто это был?

— Пока не знаю. Не уверен окончательно.

— Выясняешь?

— Да.

— Это был убийца Ласцио?

— Да. Да чтоб его, когда я говорю, я хочу иметь возможность двигать головой, а сейчас не могу. — Вульф осторожно потрогал повязку кончиками пальцев и уронил руку. — Вот что я тебе скажу, Марко. На нас, тебя и меня, навели морок. Притворяться, что его нет, бессмысленно, а обсуждать бесполезно. Скажу одно: он скоро рассеется.

— Да какое, к черту, рассеется. Что его рассеет?

— Ход истории. Атропос и я — ее орудие. В любом случае, я на это надеюсь. Но пока этого не случилось, нам нечего сказать друг другу. Ты снова одурманен… Вот видишь, я не хотел так говорить, не получается разговора. Тебе мои речи оскорбительны, а мне твои невыносимо надоедливы. Au revoir, Марко.

— Господи, я и не отрицаю, что одурманен!

— Я знаю. Ты знаешь, что делаешь, и все равно продолжаешь. Спасибо, что навестил.

Вукчич все-таки запустил руку в волосы, трижды медленно повторив это движение. Затем, ни говоря ни слова, он повернулся и вышел.

Вульф долго сидел закрыв глаза. Затем он глубоко вздохнул и попросил меня дать ему речь для последней репетиции.

Некоторое время нас прерывал только телефон.

Звонили Толман, Клэй Эшли и Луи Серван. Очередной стук в дверь раздался уже в шесть вечера, и когда я увидел на пороге управляющего отелем «Черчилль» Рэймонда Лиггета, то встретил его широкой улыбкой, почуяв, что дело пахнет гонораром. Среди прочих тягот, выпавших в этот раз на мою долю, была необходимость беспомощно смотреть, как Вульф напрягает мозг, тратится на междугородние звонки и выпивку для четырнадцати темнокожих, две ночи не спит, получает огнестрельное ранение, грозящее изуродовать его лицо шрамом, и все это совершенно бесплатно. К тому же стоило попытаться устроить Оделла на работу. Не то чтобы я был ему чем-то обязан, но, занимаясь сыскным делом в Нью-Йорке никогда не знаешь, когда и где тебе понадобится помощь. Протеже на должности сыщика «Черчилля», да и просто охранника, рано или поздно обязательно пригодится.

Я не ошибся, речь действительно зашла о гонораре. Как только Лиггет уселся и выразил положенные сочувствия по поводу состояния лица Вульфа, он немедленно перешел к делу и заявил, что одной из целей его визита является просьба, чтобы Вульф пересмотрел свое отношение к беседе с Беррэном о вакансии шеф-повара

в «Черчилле».

— Странно, что вы до сих пор этого хотите, — проворчал Вульф. — Все-таки он был обвинен в убийстве, не пострадает ли репутация отеля?

— Пустое, — отмахнулся Лиггет. — Клиенты приходят не за репутацией, а за едой. Поймите, Беррэн знаменит, он престижный повар. Честно говоря, меня больше интересует его престиж, нежели мастерство. В моем ресторане первоклассный штат работников, от поваров до судомоек.

— Значит, ваши клиенты приходят за престижем. — Вульф нежно погладил живот. — Должен сказать, для меня это блюдо интереса не предоставляет.

Лиггет растянул свои тонкие губы в улыбке, но, как и в среду, его серые глаза выдавали крайнюю степень раздражения. Он пожал плечами. — Что поделать, раз им так больше нравится. Насчет Беррэна. Вчера вы отказались поговорить с ним, но вчера вы и убийство не хотели расследовать, а потом передумали. Эшли сказал, что вы совершили нечто потрясающее, я не очень понял, что именно.

— Благодарю вас. — Вульф наклонил голову на одну восьмую долю дюйма.

— Это Эшли сказал. Главное, что Беррэна осво-

бодили на основании того, что обнаружили вы, что бы это ни было. Беррэн это знает, и это придаст немалый вес вашим советам и рекомендациям. Я объяснил вам вчера, почему я так хочу заполучить именно его. Между нами, доверю вам еще причину…

— Я не желаю знать ваши тайны, мистер Лиггет.

— Это не секрет, — отмахнулся Лиггет. — Один мой конкурент уже два года охотится за Беррэном. Брантинг из «Александра». И мне известно, что завтра в Нью-Йорке у Беррэна назначена с ним встреча. Я приехал сюда как раз чтобы успеть нанять его до того, как он встретится с Брантингом.

— И не успели вы приехать, как Беррэна арестовали. Не повезло. Но теперь он на свободе и прямо сейчас, скорее всего, находится в павильоне «Покахонтас». Он ушел отсюда два часа назад. Что же, черт возьми, вам мешает пойти и обратиться к нему?

— Я же объяснил вам вчера, я вряд ли смогу уговорить его. — Лиггет подался вперед. — Послушайте, как хорошо все складывается. Вы вытащили его из тюрьмы, он эмоционален и порывист, и он чувствует себя обязанным вам. Вам не придется его долго уговаривать. К сожалению,

я не знаю, что ему предложил или предложит Брантинг, но, сколько бы это ни было, я дам больше. Я сказал вчера, что могу предложить сорок тысяч, но, если потребуется, я готов дойти до шестидесяти. Времени нет, и я думаю, можно и до семидесяти поднять. Для начала, предложите ему пятьдесят…

— Я не соглашался делать ему предложения.

— Но я же говорю вам. Предложите ему пятьдесят тысяч в год. Это гораздо больше того, что он получает в Сан-Ремо, но там он может быть на проценте. В любом случае, Нью-Йорк — совсем другое дело. И если вы справитесь, то получите десять тысяч долларов наличными.

— Вы так сильно хотите именно его? — Вульф поднял брови.

— Мне необходимо заполучить его! Этот вопрос уже обсуждался в совете директоров — в конце концов, Ласцио был уже немолод, — и теперь я просто вынужден его нанять. Конечно, я не владею «Черчиллем», но у меня достаточно акций. Вы еще успеете заняться этим до обеда. Я хотел прийти еще раньше, как только привезли Берр-эна, но с вами как раз стряслось…

— Не стряслось, а было задумано. И не это, — дотронулся Вульф до повязки, — а похуже.

— Действительно. Так вы переговорите сейчас с Беррэном?

— Нет.

— Вечером?

— Нет.

Лиггет отпрянул.

— Черт побери, вы что, с ума сошли? Вы можете заработать десять тысяч долларов просто вот так! — он щелкнул пальцами. — Почему нет?

— Я не занимаюсь наймом поваров. Я сыщик, и верен своей профессии.

— Я и не прошу вас этим заниматься. Судя по всему, от вас потребуется всего один раз поговорить с ним. Вы объясните ему, что в качестве главного шеф-повара он будет полным хозяином на своей территории без какого-либо вмешательства со стороны администрации отеля, от него ожидаются только результаты. Распределение себестоимости регулируется…

— Мистер Лиггет! — Вульф погрозил ему пальцем. — Пожалуйста, прекратите тратить время попусту. Я не стану обращаться к мистеру Беррэну от имени отеля «Черчилль».

Наступила тишина, и я подавил зевок, удивляясь, что склонный дергаться Лиггет не подскочил на стуле от ярости. Напротив, он застыл на месте,

не шевелясь и не сводя глаз с Вульфа. Вульф, столь же неподвижный, смотрел на него прикрыв глаза.

Помолчав так с минуту, Лиггет спокойно заговорил. В его голосе не слышалось и тени раздражения:

— Если вы сможете нанять для меня Беррэна, я заплачу вам двадцать тысяч.

— Меня это не интересует.

— Я… я заплачу тридцать тысяч! Нужная сумма наличными будет у меня завтра к утру.

Вульф шевельнулся, не сводя глаз с собеседника.

— Нет. Оно того не стоит. Мистер Беррэн — первоклассный шеф-повар, но отнюдь не единственный в мире. Послушайте. Хватит притворяться, вы не ребенок. Вы явились ко мне с этим предложением, послушав дурного совета. Скорее всего, вы неглупый человек, и если бы на кону стояли лишь ваши интересы и вы слушали бы только себя и опирались только на собственные возможности, то, я уверен, вы бы поступили иначе. Но вас сюда послали, мистер Лиггет. Я знаю это. Это было ошибкой, но, учитывая, кто за вами стоит, иного ожидать и не приходится. Полагаю, вы вернетесь и доложите о неудаче, но если вы сно-

ва приметесь слушать советы, слушайте только себя самого.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. Я делаю честное предложение.

Вульф пожал плечами.

— Если моя речь не имеет смысла, то разговор окончен. Доложите о неудаче самому себе.

— Я не собираюсь никому ничего докладывать! — Голос Лиггета стал жестким, как и взгляд, которым он сверлил Вульфа. — Я пришел к вам, потому что решил, что так будет проще всего избежать возможных проблем. Я могу добиться своего и без вашей помощи.

— Вот и добивайтесь.

— Но я все равно предпочел бы избежать ненужных проблем. Я заплачу вам пятьдесят тысяч.

Вульф медленно, почти неуловимо покачал головой.

— Вам придется доложить о неудаче, мистер Лиггет. Если и верна пословица, что все на свете имеет свою цену, то за деньги вам меня не купить.

Зазвонил телефон. Когда кто-нибудь вот так застывает на месте, я уделяю ему особое внимание, так что я обогнул Лиггета, не сводя с него глаз. Сняв трубку, я услышал голосок голубогла-

зой красотки, сообщившей, что нас вызывает Нью-Йорк. Затем другой голос грубо потребовал Ниро Вульфа, объявив, что с ним желает говорить инспектор Крамер.

— Вас, сэр. Мистер Пурди.

С тяжелым вздохом он принялся поднимать себя из кресла, и, встав, навис над посетителем.

— Мистер Лиггет, мои дела не касаются посторонних. Наш с вами разговор окончен, и, если вы не возражаете?..

Лиггет выдержал его взгляд, и без единого слова, не торопясь и не медля, он поднялся и вышел. Я прошел за ним до двери и, когда она закрылась, повернул ключ.

Разговор Вульфа с Крамером длился больше десяти минут. В этот раз я сидел и слушал, но, хотя и вынес из него кое-что помимо мычания, этого было недостаточно, чтобы полностью оценить ситуацию. Однако мне показалось, что он чересчур далеко зашел в своем недоверии к моему умению притворяться. Поэтому, когда он повесил трубку, я был готов требовать, чтобы он пролил свет и дал четкие объяснения, но не успел он вернуться в кресло, как телефон зазвонил снова. На этот раз вызывал Чарльстон, и после щелчков и треска из трубки раздался голос, знакомый мне не хуже

мелодии рекламы солнцезащитного крема.

— Алло, мистер Вульф?

— Это Верховный суд, щенок!

— О, привет, Арчи, как вы там?

— Чудесно. Отдыхаем на полную катушку. Подожди, сейчас дам мистера Вульфа. — Я протянул ему трубку. — Сол Пензер звонит из Чарльстона.

Этот разговор продлился не меньше предыдущего, и мне удалось выловить из него еще несколько обрывков и крох информации о версии, которую Вульф явно считал основной, хотя в кое-какие детали трудно было поверить. Наконец Вульф повесил трубку, прошествовал обратно в свое кресло, осторожно откинулся на спинку и переплел пальцы на вершине своих объемов.

— Который час? — пожелал он узнать. Я взглянул на часы на руке.

— Без четверти семь.

Он вздохнул.

— До обеда осталось чуть больше часа. Напомни мне перед уходом взять с собой текст речи. Ты можешь запомнить кое-что, не записывая?

— Сколько угодно.

— Все это необходимо сделать. Во-первых, мне надо переговорить с мистером Толманом. Скорее всего, он сейчас в отеле, как мы и договорились.

Затем я должен буду позвонить мистеру Сервану, и это может быть непростой разговор. Насколько мне известно, в последний вечер гостей не приглашают. В данном случае эту традицию придется нарушить. Пока я звоню, приготовь все, что нам понадобится, собери вещи и распорядись о доставке багажа к поезду. Ближе к полуночи у нас может не остаться времени. Пошли в отель за счетом и рассчитайся. Я правильно понял, что у тебя с собой пистолет? Отлично. Надеюсь, он не понадобится, но пусть он будет у тебя. И, черт побери, пошли за парикмахером, я не в состоянии побриться сам. Затем зови Толмана и начинай собирать вещи, а пока мы будем одеваться, я объясню программу на вечер.

16

Традиция была нарушена, и пока двери в зал не открылись и Луи Серван не появился на пороге, приглашая войти, среди собравшихся в гостиной раздавались возгласы неодобрения. Впрочем, по большей части недовольство гостей, разбившихся на отдельные компании и потягивающих шерри и вермут, относилось не к этому, а к объявленному всем запрету покидать Западную Вирджинию до особого распоряжения властей. Доменико Росси выступал так, что Барри Толман, стоявший у радиоприемника, не мог его не слышать. Толман отлично выглядел, хотя вид у него был взволнованный. Рэмзи Киф оглушительно выражал свое возмущение, а Жером Беррэн рассудил, что, боже правый, это, конечно, дикость, но следует держать себя в руках, а то так и аппетит испортить недолго. Альберт Мальфи несколько утратил свой пыл, но продолжал стрелять глазами по комнате. По-видимому, он решил, что ухаживать за мамашей Мондор будет разумным началом его предвыборной кампании 1942 года. Рэймонд Лиггет и Марко Вукчич сидели на

диване и тихо беседовали. И тут моему старому приятелю Барри Толману как следует досталось. Точнее, ему ничего не досталось. Как только в комнату вошла Констанца, он с решительным видом направился было к ней, но она его и не увидела, и не услышала, да так, что я даже засомневался было, присутствует ли он вообще.

За несколько минут до того как нас пригласили в зал, явилась Дина Ласцио. Разговоры стихли. Ее отец Росси и следом Вукчич поспешили к ней, а затем и другие подошли выразить свои соболезнования. Безутешная вдова из нее получилась не лучше, чем из меня — кружащийся дервиш, но ведь не может женщина, собираясь в недолгую поездку с мужем, всякий раз брать с собой траурный наряд на случай внезапного убийства супруга. И я не мог осуждать ее за появление на пиру, потому что знал, что это Ниро Вульф попросил Сервана лично уговорить ее прийти.

За столом я снова оказался рядом с Констанцей, что вполне меня устраивало. Вульфа усадили по правую руку Сервана. Вукчич сидел рядом с Диной Ласцио, ближе к противоположному концу стола. Лиггет и Мальфи сидели рядом напротив меня. Беррэн был напротив Вульфа, по левую руку Сервана, что, по моему мнению, было большой

честью для человека только что из кутузки. Рядом с ним сидел Клэй Эшли, безуспешно старавшийся выглядеть дружелюбно. Остальные сидели кто где, лишь изредка перемежаемые вкраплениями женщин. Перед каждым из нас лежало отпечатанное типографским способом меню:

ОБЕД ПО-АМЕРИКАНСКИ

Устрицы, запеченные в раковинах
Черепаха по-мэрилендски / «Битое» печенье
Жареная молодая индейка
Рисовые крокеты в айвовом желе
Лимская фасоль в сливках / Булочки «Салли-ланн»
Авокадо «Тодхантер»
Ананасовый шербет / Бисквит
Висконсинский сыр / Черный кофе

Официанты под руководством Моултона приносили и уносили блюда, и Луи Серван с суровым достоинством, смешанным с изрядной долей беспокойства, следил за всем происходящим. Однако первое же блюдо должно было рассеять его тревоги, ибо устрицы оказались такие жирные, вкусные и ароматные, что казалось, будто они

вскормлены с рук арахисом и голубикой. Их подали с большой церемонией и даже с некоторой помпой. Поставив перед каждым по огромной миске с целой дюжиной устриц, официанты выстроились перед ширмой — той, за которой 48 часов назад было спрятано тело Филиппа Ласцио. Затем дверь в буфетную отворилась и в зал вошел темнокожий повар в сверкающем белизной поварском колпаке и фартуке. Он сделал несколько шагов и выглядел настолько смущенным, что, казалось, вот-вот шмыгнет назад, но Серван встал, поманил его, повернулся к столу и обратился к собравшимся:

— Я хотел бы представить вам мистера Гиацинта Брауна, рыбного шеф-повара курорта «Канова». Устрицы перед нами — его работа. Судите сами, достойны ли они быть поданными Les Quinze Maîtres. Мистер Браун просил меня сказать вам, что он ценит оказанную ему честь. Не так ли, Браун?

— Да, сэр. Все как вы сказали.

Услыхав раздавшиеся аплодисменты, Браун еще сильнее смутился, поклонился и скрылся за дверью. Мэтры подняли вилки и принялись за дело, и остальные последовали их примеру. Отовсюду раздавалось одобрительное мычание.

Росси что-то крикнул через стол.

— Превосходно, — негромко вынес приговор Мондор. — Запекать в максимально раскаленной духовке? — Серван торжественно кивнул, и вилки задвигались снова.

Когда подали блюдо из черепахи, церемония повторилась. На этот раз нам представили Крэбтри, и когда мы доели, то в восхищении стали звать его снова. Многие вышли из-за стола, чтобы пожать ему руку. Ему было очень приятно, и он совсем не смущался. Перед индейкой вышли двое — седой и морщинистый Грант и еще один негр, незнакомый мне, ибо на нашем сборище в ночь со среды на четверг он не присутствовал. Это была лучшая индейка, которую мне когда-либо доводилось пробовать, но предыдущие блюда были столь обильны, что я с трудом доел свою порцию. Мэтры же ели словно женщины, пакующие багаж, когда важен не объем чемодана, а вещи, которые необходимо туда уложить. Не говоря уже о кларете, которым они заливали все эти яства. За столом становилось все веселее, и даже старый Серван расточал улыбки налево и направо.

Без сомнения, кормежка была по высшему разряду! Вина я почти не пил, голова и так была

словно набита ватой, и я рассудил, что если мне опять придется спасать Вульфу жизнь, то следует поберечь остатки соображения.

От первоначальной натянутости не осталось и следа, все были сыты, довольны и наслаждались ароматами кофе и коньяка, и вот наконец пробило десять и Вульф поднялся, чтобы произнести речь. Без сомнения, он понимал, что походил на истца по делу о побоях, но это его нисколько не смущало. Мы подвинули стулья так, чтобы сидеть лицом к нему, и затихли, а он непринужденно заговорил:

— Мистер Серван, дамы, досточтимые кулинары и уважаемые гости! Я чувствую себя немного глупо. В иных обстоятельствах вам — по крайней мере многим из вас — было бы интересно и поучительно послушать о вкладе Америки в мировую кулинарию, и мне пришлось бы призвать на помощь все свое красноречие, дабы убедить вас в значительности и весомости этого вклада. Но когда я принял столь лестное для меня приглашение выступить с речью на эту тему, я не подумал о том, что мне придется начать ее как раз тогда, когда это может показаться полностью излишним. Ведь, как ни приятно беседовать о блюдах, несравнимо более приятно их есть, чем

мы сейчас и занимались. Один мой знакомый как-то раз признался мне, что одно из его любимых занятий — закрывать глаза и мечтать о прекрасных женщинах. Когда же я предложил ему открыть глаза и поглядеть вокруг, он возразил, что женщины его мечтаний прекрасны все без исключения и к тому же гораздо прекраснее настоящих. Сходным образом можно считать, что блюда в моей речи будут превосходить блюда, которыми вы только что насладились, но я вынужден отбросить и этот ложный аргумент. Я могу сколько угодно описывать и восхвалять превосходные американские блюда, но никакие мои слова не смогут сравниться с устрицами, черепахой и индейкой, которые только что были здесь, — он указал на стол, — а ныне — здесь! — И с этими словами он нежно похлопал по нужному месту.

Раздались аплодисменты. Мондор вскричал: «Bien dit!». Серван сиял.

По правде говоря, это была еще не речь, там этого не было. Теперь он приступил к собственно речи. Первые минут десять я нервничал. Ничто на свете не доставит мне большего удовольствия, чем вид сконфуженного Вульфа, но не в присутствии посторонних. Когда счастливый миг

настанет (чего еще никогда не случалось), я хочу оказаться единственным зрителем на этом представлении. Я боялся, что тяготы путешествия, бессонные ночи и рана послужат к тому, что он всю речь забудет к чертям, но прошло минут десять, и я понял, что беспокоиться не о чем. Он говорил легко и уверенно. Я отхлебнул бренди и успокоился.

Когда он дошел до середины, я начал беспокоиться по другому поводу и взглянул на часы. Было уже поздно. Чарльстон всего в шестидесяти милях, и Толман уверял, что от него ведет отличная дорога, по которой можно легко доехать за полтора часа. Зная всю сложность задуманного, я был убежден, что уехать сегодня ночью все равно не получится, но замысел требовал присутствия Сола. Поэтому, когда лакей в зеленой куртке тихонько вошел из холла в гостиную и подал мне условный знак, я понял, что и тут беспокоиться не о чем, и на цыпочках прокрался к дверям.

В малой гостиной сидел маленький человечек с большим носом. Его потрепанная кепка висела на колене, а самому ему не мешало бы побриться. Он встал, и я с ухмылкой стиснул ему руку.

— Привет, любезнейший! Вот уж не думал, что меня обрадует твой вид! Ну-ка повернись, дай

оценю тебя со спины.

— Как мистер Вульф? — требовательно спросил Сол Пензер.

— Отлично. Произносит речь, как я его научил.

— Ты уверен, что с ним все в порядке?

— А что может быть не в порядке? А-а, ты имеешь в виду его ранение. Ничего особенного, — отмахнулся я. — Считает себя героем. Надеюсь, в следующий раз подстрелят меня, а то он так и будет хвастаться. Ты что-нибудь выяснил?

Сол кивнул.

— Я выяснил все.

— Тебе надо что-нибудь передать Вульфу до того, как он начнет разоблачение?

— Нет, не думаю. Я добыл все, о чем он просил. Вся полиция Чарльстона была к моим услугам.

— Да, я в курсе. Это мой приятель мистер Толман устроил. Я тут еще одного дружка завел, Оделлом звать, он в людей камнями кидается. Напомни мне как-нибудь, расскажу. Здесь не соскучишься. Я пойду назад, а ты жди здесь, пока не позовут. Ты поел?

Он подтвердил, что сыт, и я вернулся на свое место рядом с Констанцей. Когда Вульф дошел до конца абзаца и сделал паузу, я вынул из нагрудного кармана носовой платок, провел им по губам

и убрал обратно. Он скользнул по мне взглядом, дав понять, что заметил сигнал, и продолжил говорить о филе-порошке и его заимствовании кулинарной традицией Нового Орлеана у индейцев Чокто с Байю-Лакомб, так что я знал, что он добрался до четырнадцатой страницы. Похоже, речь удалась. Даже Доменико Росси заинтересованно слушал, несмотря на то, что Вульф подчеркнул, что три главных кулинарных центра Америки — Луизиана, Южная Каролина и Новая Англия — не подвергались ни малейшему итальянскому влиянию.

Вульф подошел к концу, и даже зная, что он задумал и что времени в обрез, я ожидал, что он сделает хотя бы небольшую паузу и, может быть, предоставит Луи Сервану возможность поблагодарить его, но слушатели даже не успели понять, что речь завершена. Вульф всего лишь окинул взглядом каре окружавших его лиц и продолжил:

— Надеюсь, я не наскучу вам, если поговорю на другую тему. Я рассчитываю на ваше терпение, потому что то, что я собираюсь сказать, затрагивает как мои, так и ваши интересы. Разговор о кулинарии закончен, пришла пора поговорить об убийстве. Убийстве Филиппа Ласцио.

Возникло движение, послышался ропот. Лизетта Путти что-то пискнула. Луи Серван поднял руку:

— Позвольте. Я хотел бы сказать, что мистер Вульф делает это по предварительной договоренности. Огорчительно завершать обед Les Quinze Maîtres таким образом, но, похоже, иначе нельзя. Мы даже не… Нет, ничего не поделаешь…

Рэмзи Киф недоброжелательно посмотрел на Толмана, Мальфи, Лиггета и Эшли и проворчал:

— Так вот почему все эти люди…

— Да, поэтому, — перебил его Вульф. — Очень прошу всех вас не винить меня в том, что я вынужден поднять эту печальную тему. Всему виной убийца Ласцио. Своим злодеянием он расстроил веселье, бросил на уважаемых людей мрачную тень подозрения и вконец испортил и мой, и ваш отдых. Так что не только у меня к нему особые счеты, — он коснулся повязки. — У всех нас к нему общий счет. К тому же я слышал, как перед обедом многие из вас выражали свое недовольство тем фактом, что вы все задержаны здесь вплоть до особого распоряжения властей. Вы же понимаете, что в данных обстоятельствах нельзя ожидать, что вас отпустят на все четыре стороны, пока существует подозрение, что один

из вас — убийца. Поэтому, повторяю, я рассчитываю на ваше терпение. Вы не можете уехать, пока не найдут виновного. Я рассчитываю сделать это здесь и сейчас. Я изобличу убийцу и докажу его вину, не выходя из этой комнаты.

Лизетта Путти снова пискнула и прикрыла рот рукой. Ропот стих. Кое-кто оглядывал остальных, но большинство не отрывало глаз от Вульфа. Он продолжал:

— Для начала, думаю, мне следует объяснить вам, что именно произошло здесь, в этой комнате во вторник вечером, а потом мы перейдем к вопросу, кто это сделал. Пока соусы дегустировали Мондор, Койн, Киф и Серван, все шло как полагается. Как только Серван вышел, Ласцио перегнулся через стол и поменял местами все блюда, кроме двух. Без сомнения, он переставил бы их тоже, но дверь открылась, и вошел Беррэн. Своим дурацким и подлым поступком Ласцио рассчитывал опорочить Беррэна. Может, и Вукчича заодно. Возможно, после ухода Беррэна Ласцио собирался вернуть блюда на свои места, но его убили до того, как он успел это сделать.

Пока Беррэн дегустировал соусы, в гостиной включили радио. Это был заранее условленный сигнал для человека, прятавшегося в кустах непо-

далеку от окна гостиной.

— Постойте!

Все повернулись к Дине Ласцио, издавшей этот негромкий и сдержанный возглас. Ни в ее голосе, ни в облике не чувствовалось ни малейшего волнения. Вот разве что ее миндалевидные глаза казались чуть более томными, чем обычно.

— Неужели вам будет позволено беспрепятственно говорить неправду?

— Да, мадам, если считать, что вы правы. Если вы начнете оспаривать каждое мое утверждение, то нам ничего не удастся достичь. Подождите, пока я закончу, и если окажется, что я все наврал, то вы сможете подать в суд на клевету и разорить меня.

— Радио включила я. Это всем известно. Вы сказали, что это был условный сигнал…

— Да, я так сказал. Умоляю вас, давайте не будем превращать наш разговор в перебранку. Я говорю об убийстве и предъявляю серьезные обвинения. Позвольте мне закончить. Я выложу все свои карты, и тогда уже опровергайте меня, если сможете. В любом случае, или я буду дискредитирован и опозорен, или же кто-то из присутствующих закончит… Мистер Толман, вы здесь, в Западной Вирджинии, вешаете?

Не отрывая взгляда от Вульфа, Толман кивнул.

— Тогда кто-то закончит жизнь в петле. Как я уже сказал, тот, кто прятался в кустах неподалеку от окна гостиной, услышал радио и увидел, что Беррэн туда вернулся. Не теряя времени, он проник на террасу и вошел в зал через эту дверь. Ласцио стоял у стола в одиночестве и удивился, увидев незнакомого ливрейного слугу-негра. Ведь убийца вырядился в ливрею «Кановы» и зачернил себе лицо. Преступник подошел и дал Ласцио узнать себя, потому что они были хорошо знакомы. «Узнаешь? — улыбнулся убийца. — Я же мистер Уайт, мистер Белый! — будем пока называть его так, ведь он и впрямь был белым, а не негром. — Я мистер Уайт, я переоделся и загримировался, ха-ха, сейчас мы их всех разыграем, Ласцио, дружище, и оставим в дураках. Ты иди за ширму, а я останусь у стола…»

Разумеется, никто, кроме Ласцио не слышал, что именно было сказано. Разговор мог пройти совсем по-другому, но, как бы то ни было, в итоге Ласцио ушел за ширму, а мистер Уайт последовал за ним со взятым со стола ножом в руке и ударил его в спину прямо в сердце. Без сомнения, это было проделано мастерски быстро, потому что до буфетной не донеслось ни криков, ни звуков

борьбы. Убедившись, что нож сделал свое дело, мистер Уайт оставил его в спине жертвы и вышел из-за ширмы. И тут он увидел, что вон та дверь в буфетную приоткрыта и какой-то чернокожий смотрит на него в щелку. Не знаю, предусмотрел ли он подобное развитие событий заранее или же просто проявил удивительную выдержку, но он остановился у края ширмы, взглянул прямо в глаза тому, кто подглядывал, и приложил палец к губам. Простой и эффектный жест. Он мог и не знать, и, скорее всего, не знал о том, что в то же самое время из-за двери на террасу на него смотрела женщина. Его маскарад сработал в обоих случаях. Чернокожий понял, что перед ним белый, принял его за затеявшего розыгрыш гостя и предпочел не лезть не в свое дело. Женщина решила, что это работник курорта, и этого ей было достаточно. Пока мистер Уайт находился в зале, его увидел еще один человек — присутствующий здесь старший официант Моултон. Когда Моултон заглянул в приоткрытую дверь, мистер Уайт уже уходил и был к нему спиной, поэтому Моултон не видел его лица. Пришла пора представить действующих лиц. Человек, первым заглянувший из буфетной, был Пол Уиппл, один из здешних официантов, который, стоит заметить, изучает антропологию

в Говардском университете. Тот, кто увидел мистера Уайта выходящим, был Моултон. Женщина, видевшая его через дверь с террасы, была миссис Лоуренс Койн.

Койн вздрогнул и в изумлении уставился на жену. Она выставила вперед подбородок:

— Но вы мне обещали!..

— Я ничего вам не обещал. Извините, миссис Койн, но я считаю, что гораздо лучше рассказать все как было.

— Мне никто ничего не сказал, ничего! — Койн почти заикался от возмущения.

— Прошу вас! — Вульф поднял руку. — Я уверяю вас, сэр, вам и вашей жене не о чем беспокоиться. Более того, мы все должны быть благодарны ей. Если бы она не прищемила себе дверью палец и не попросила поцеловать его в моем присутствии, то очень вероятно, что вместо того, кто это заслужил, повесили бы мистера Беррэна. Но не будем отвлекаться.

Вот что произошло здесь во вторник вечером. Теперь я объясню, какую роль сыграло радио. Можно было бы предположить, что его включили, когда соусы пошел дегустировать Беррэн, что это было сделано с целью навлечь на него подозрение. Но это не так. Скорее всего, намере-

ния навлечь подозрение на кого-то конкретного не было, но если и было, то подозрение должно было пасть на Марко Вукчича. Было условлено, что радио включат за несколько минут до того, как настанет очередь Вукчича идти в зал, независимо от того, кто дегустировал соусы в тот момент. Так вышло, что это оказался Беррэн, и так вышло, что, желая подставить Беррэна, Ласцио переставил блюда. И, наконец, так вышло, что расставленную Беррэну ловушку нечаянно захлопнул Моултон, вернувший блюда на свои места до того, как вошел Вукчич. Я еще не рассказывал вам об этом. Суть в том, что радио было включено за несколько минут до того, как в зал должен был идти Вукчич, потому что только Вукчича миссис Ласцио могла с уверенностью рассчитывать задержать в гостиной на столько времени, сколько мистеру Уайту требовалось для достижения своей цели. Как мы все видели, она добилась этого, заключив себя в объятия Вукчича и продолжая танцевать с ним.

— Неправда! Вы же знаете, что это неправда!

— Дина, заткнись!

— Но он говорит неправду!

— Заткнись, я сказал, — спокойный голос Доменико Росси звучал гораздо авторитетнее, чем его

обычный скандальный тон. — Если он говорит неправду, пусть выскажет ее всю.

— Благодарю вас, — Вульф слегка наклонил голову. — Думаю, настало время разобраться, кто такой мистер Уайт на самом деле. Обратите внимание, опасности, поджидавшие его во вторник вечером, были больше мнимыми, чем настоящими. Вплоть до момента, как убийца вонзил нож в спину Ласцио, он ничем не рисковал, будучи просто переодетым шутником. И если бы потом его кто-нибудь увидел — а ведь его увидели! — то что с того, ведь он был вымазан в черный цвет! Все, кто видел его во вторник вечером, встречали его потом без ливреи и краски и ничего не заподозрили. Он и рассчитывал на то, что никому и в голову не придет его заподозрить. На это у него был ряд оснований, главным из которых было то, что во вторник вечером его в «Канове» не было. Он был в Нью-Йорке.

— Боже правый! — не выдержал Беррэн. — Так если его здесь не было…

— Я имею в виду: считалось, что его здесь не было. Пока нет причин сомневаться в этом, мы считаем, что другие люди находятся там, где это наиболее вероятно. Мистер Уайт понадеялся, что подобное сомнение не возникнет. Но он оказал-

ся чересчур самоуверен и легкомыслен и сам навлек на себя подозрение, проговорившись в беседе со мной.

Вам известно, что в делах такого рода у меня богатый опыт. Это моя профессия. Во вторник вечером я сказал мистеру Толману, что я убежден в невиновности Беррэна, но не стал раскрывать основную причину этой убежденности, потому что не занимался тогда этим делом и предпочитаю не обвинять людей в делах, которые меня не касаются. Причина эта заключалась в том, что я не сомневался, что, включив радио, миссис Ласцио подала сигнал убийце. Другие обстоятельства этого дела можно отнести за счет случая, но трудно поверить в то, что, когда она, танцуя с Вукчичем, повисла у него на шее, оттягивая его приход в банкетный зал в то самое время, как убивали ее мужа, это было простым совпадением. Особенно если была возможность наблюдать, как именно это было проделано, а она у меня была. Здесь миссис Ласцио совершила серьезную ошибку. Не требуется большого ума, чтобы догадаться, что раз уж дело происходит в моем присутствии, стараться следует гораздо лучше.

Когда Беррэна арестовали, я, как вам известно, вмешался. Но как только я добился его освобож-

дения, мой интерес к убийству снова пропал. И тут была совершена еще одна идиотская, почти невероятная ошибка. Мистер Уайт решил, что я слишком много узнал, и, даже не потрудившись выяснить, не вышел ли я из игры, проник через кусты под окно моего номера и попытался меня застрелить. Мне кажется, я знаю, как именно ему удалось подобраться к «Апшуру». Примерно час спустя, мой помощник мистер Гудвин увидел, как он слезал с лошади у отеля. Конный маршрут пролегает в пятидесяти ярдах от задней стены павильона. Мистер Уайт легко мог сойти с тропы, привязать лошадь, пробраться через кусты под окно, после выстрела вернуться к лошади и, никем не замеченный, продолжить поездку. Так или иначе, он совершил эту ошибку, и я, вместо того чтобы выйти из игры, встал у него на пути. У меня снова появился личный интерес.

Как я уже сказал, я считал, что убийца действовал в сговоре с миссис Ласцио. Версию, что замысел принадлежал исключительно ей, а убийца был ею нанят, я отбросил, потому что в этом случае маскарад не имел бы смысла. К тому же трудно представить, что наемный убийца, будучи незнаком с Ласцио, сумел войти в зал, взять нож со стола, заманить Ласцио за ширму и убить его

без криков и малейшего сопротивления. Когда вчера арестовали Беррэна и я взялся отыскать доказательства его невиновности, меня привела к ним тоненькая ниточка: просьба миссис Койн поцеловать ее прищемленный дверью палец, с которой она обратилась к мужу. Так и сегодня, когда я взялся поймать убийцу, я следовал ниточке столь же тонкой. Вот что это было. Вчера около двух часов дня мистер Мальфи и мистер Лиггет прилетели в «Канову» прямым рейсом из Нью-Йорка и немедленно проследовали ко мне в номер, не разговаривая ни с кем, кроме слуг. Во время разговора Лиггет заметил — мне кажется, я смогу процитировать дословно: «Кто бы это ни был, он решил не тратить время на дегустацию приправ в соусе прэнтан!» Припоминаете, сэр?

— Господи, да вы сдурели! — фыркнул Лиггет. — Вы и впрямь хотите припутать сюда меня?

— Боюсь, что так. Подайте в суд за клевету заодно с миссис Ласцио. Так вы припоминаете свои слова?

— Нет. Как и вы.

Вульф пожал плечами.

— Теперь это неважно, хотя именно за эту ниточку я и потянул. Этого оказалось достаточно, чтобы начать расследование. Представлялось

маловероятным, чтобы такая мелкая деталь, как название соуса, который мы дегустировали, была включена в первые короткие телеграммы с сообщением об убийстве, достигшие нью-йоркских газет. Я позвонил в Нью-Йорк своему человеку, а также полицейскому инспектору Крамеру. В своих просьбах к мистеру Крамеру я постарался расставить сети пошире. Например, я попросил его проверить всех пассажиров всех самолетов, рейсовых или арендованных, вылетевших из всех нью-йоркских аэропортов в любой пункт назначения, откуда можно было добраться до «Кановы» не позднее девяти вечера вторника. Я выбрал этот срок, потому что, когда во вторник после обеда мы перешли в гостиную, миссис Ласцио тут же исчезла и отсутствовала в течение часа. Если моя теория чего-то стоила, то, по всей вероятности, она встречалась со своим сообщником. Я также попросил мистера Крамера выяснить все о жизни миссис Ласцио в Нью-Йорке, о ее друзьях и знакомых… — Погодите, мадам. Прошу вас. У вас будет возможность высказаться. — Ибо на тот момент мой интерес ни в коем случае не ограничивался мистером Лиггетом. Под подозрением оставался даже один из вас, и я хочу публично выразить свою благодарность мистеру Блану за

его терпение и добрую волю, проявленные им в ходе эксперимента, который вычеркнул его из списка подозреваемых. Не сомневаюсь, что все действо показалось ему полнейшей нелепицей.

Сегодня в час дня я получил телеграмму с сообщением, что соус прэнтан не упоминался ни в одной газете, вышедшей в Нью-Йорке во вторник. Если Лиггет вылетел до десяти утра прямым рейсом и ни с кем, до встречи со мной, не разговаривал, то откуда он знал, что это был соус прэнтан? По всей вероятности, он все-таки с кем-то говорил. А говорил он с миссис Ласцио, около половины десятого вечера вторника, где-то неподалеку от этого павильона, планируя совместные действия, результатом которых стало убийство Ласцио…

Вульф говорил, а я следил за Лиггетом. Мне не нравилось, что я не вижу ни его рук — он сидел за столом напротив, ни глаз — он смотрел на Вульфа. Все, что я мог видеть, это край его губ да вздувшуюся жилу на шее, так сильно он стиснул челюсти. Со его места ему не была видна Дина Ласцио, но я ее видел, и только ее закушенная нижняя губа выдавала в ней отсутствие той беспечности, с которой она трепала Вульфа по плечу. Вульф продолжал:

— В три часа дня мне позвонил инспектор Крамер. Среди прочего он сообщил, что Сол Пензер, который работает на меня, вылетел в Чарльстон согласно моим инструкциям. Затем — сейчас самое время это упомянуть — около шести часов мистер Лиггет совершил еще одну глупейшую ошибку. Надо отдать ему должное, вряд ли это была его идея. Скорее всего, она принадлежала миссис Ласцио, которая убедила мистера Лиггета в ее разумности. Он пришел и предложил мне пятьдесят тысяч долларов наличными за то, чтобы я убедил мистера Беррэна занять должность шеф-повара в отеле «Черчилль».

Лизетта Путти снова пискнула. Жером Беррэн взорвался:

— В этом разбойничьем притоне? В этой вонючей дыре? Я? Да я скорее яичницу на собственных ногтях зажарю!

— Именно. Я отверг это предложение. Со стороны Лиггета было глупостью предлагать мне это, ибо я не настолько самоуверен, чтобы польститься на приманку, являющуюся по сути признанием вины, а такая непомерная сумма денег, конечно же, была равносильна прямому признанию.

Он будет отрицать это, он может даже отрицать, что вообще делал мне это предложение.

Это неважно. Я получил другие, более весомые доказательства: мне снова позвонил инспектор Крамер. У нас мало времени, и я не стану утомлять вас подробностями, но среди прочего он рассказал мне, что, по слухам, Лиггета и миссис Ласцио уже около двух лет связывает взаимный интерес. Также он выполнил один из моих запросов. Когда в ночь с понедельника на вторник мы ехали сюда на поезде, мистер Беррэн рассказал мне, как он в субботу посетил Курортный зал ресторана отеля «Черчилль». Тамошние официанты носят ливреи знаменитых курортов, в том числе и «Кановы». Люди инспектора Крамера обнаружили, что где-то год назад мистер Лиггет заказал себе дубликат ливреи «Кановы» и появился в ней на костюмированном балу. Без сомнения, тот факт, что у него уже была эта ливрея, и подсказал ему способ осуществить задуманное. Как видите, картина начинает вырисовываться все более четко: Лиггет знал о соусе прэнтан до того, как у него появилась возможность это узнать, он был близок с миссис Ласцио, и в его гардеробе имелась ливрея «Кановы». Есть и другие факты. Например, во вторник днем он уехал из отеля, как он сказал, поиграть в гольф, и при этом не появился ни в одном из клубов, где он обычно

играет, но сейчас все это придется пропустить. Мистер Толман сможет собрать все эти сведения после того, как мистер Лиггет будет арестован. А сейчас перейдем к Солу Пензеру. Я не сказал вам, что он позвонил мне из Чарльстона сразу после инспектора Крамера. Приведите его из малой гостиной, пожалуйста.

Моултон поспешно вышел.

— Самая изобретательная ваша ложь, — спокойно заговорил Лиггет, — заключается в том, что я якобы пытался подкупить вас. И она же наиболее опасная, потому что крупица правды в ней есть. Я действительно приходил к вам, чтобы просить вас поговорить с Беррэном от моего имени. Полагаю, ваш человек готов подтвердить вранье, что я предлагал вам пятьдесят тысяч…

— Прошу вас, мистер Лиггет, — Вульф жестом остановил его. — На вашем месте я бы не пытался импровизировать. Сперва вам следует все тщательно обдумать… А, здравствуй, Сол! Рад тебя видеть!

— Здравствуйте, сэр, и я вас! — Сол остановился рядом со мной. На нем был поношенный серый костюм с вечно мятыми брюками. Старую коричневую кепку он держал в руках. Кинув взгляд на Вульфа, он скользнул по каре окружавших его

лиц, и я знал, что все эти физиономии отныне навеки запечатлены в его портретной галерее.

— Обращайся к мистеру Лиггету, — велел ему Вульф.

— Хорошо, сэр. — Сол немедленно перевел взгляд на жертву. — Добрый день, мистер Лиггет.

Лиггет и не подумал обернуться.

— Да это просто какой-то фарс!

Вульф пожал плечами.

— Сол, у нас мало времени. Ограничься сутью. Играл ли мистер Лиггет в гольф во вторник?

— Нет, сэр, — голос Сола прозвучал хрипло, и он откашлялся. — Во вторник в 1:55 пополудни он сел на самолет компании «Интерстэйт Эйрвейз», вылетевший из аэропорта Ньюарк. Я летел на том же самолете, с той же стюардессой и показал ей фотографию Лиггета. Самолет сделал остановку в Чарльстоне в 6:18 вечера, и там Лиггет сошел с него. Так же сделал сегодня и я. Примерно в половине седьмого он арендовал машину в гараже Литтла на Мартин-стрит, «Студебеккер» 1936 года выпуска, оставив залог в двести долларов двадцатидолларовыми купюрами. Я приехал сюда на этой же машине, она стоит у дверей. В нескольких местах по пути я останавливался и пытался разузнать, где именно на обратном пути

он смыл с себя краску. Я торопился, потому что вы велели мне успеть приехать до одиннадцати. Он вернулся в гараж Литтла в четверть второго ночи с помятым крылом машины, что обошлось ему в лишние десять долларов. Он ушел из гаража и на Лорел-стрит взял такси, номер С3428, водитель Эл Биссель, до чарльстонского аэропорта. Там он сел на ночной беспосадочный рейс компании «Интерстэйт Эйрвейз», который приземлился в Ньюарке в 5:34 утра в среду. Его дальнейшие передвижения мне неизвестны, но он достиг Нью-Йорка, потому что еще до восьми утра он уже был в своей квартире и говорил по телефону с Альберто Мальфи. В половине девятого он позвонил в Ньюарк и арендовал самолет до «Кановы» для себя и Мальфи и в 9:52…

— Достаточно, Сол. С того момента он не скрывал своих перемещений. Ты говоришь, что приехал сюда на той же машине, которую Лиггет брал во вторник?

— Да, сэр.

— Да ты его со всех сторон обложил! И у тебя были его фотографии, чтобы показывать свидетелям? Стюардессе, работнику гаража, таксисту?

— Да, сэр. Когда он выехал из гаража, он был белый.

— Без сомнения, он изменил внешность где-то по дороге. Это не так сложно, как кажется, сегодня мы вымазали человека в черный цвет у меня в номере. Отмываться сложнее. Вряд ли работник гаража или таксист заметили остатки краски?

— Нет, сэр, я спрашивал.

— Да, уж ты такого не упустишь. Конечно, в уши они ему не заглядывали. Ты не сказал про багаж.

— У него был средних размеров чемодан из темно-коричневой воловьей кожи, с латунными застежками и без ремней.

— Во всех случаях?

— Да, сэр. И туда, и обратно.

— Отлично. Приемлемо. Думаю, всего этого достаточно. Сядь вон туда, у стены.

Вульф оглядел присутствующих. Он удерживал их внимание и раньше, когда рассуждал о готовке, но сейчас они слушали его с куда большим интересом. Стояла мертвая тишина. Он продолжал:

— Как видите, мы продвигаемся вперед. Теперь вы понимаете, почему я сказал, что такие детали, как упоминание Лиггетом соуса прэнтан, больше не имеют значения. Без сомнения, он отнесся к такому непоправимому преступлению, как убийство, с невероятным легкомыслием,

но не следует забывать две вещи. Во-первых, он рассчитывал, что никому и в голову не придет сомневаться в его отсутствии в «Канове», и, во-вторых, он лишился разума. Он был одурманен, испив из чаши, поднесенной ему миссис Ласцио. С Лиггетом покончено, мистеру Толману осталось лишь арестовать его, подготовить дело и добиться обвинительного приговора в суде. Вы хотите что-нибудь сказать, мистер Лиггет? Я бы не советовал.

— Я ничего не хочу сказать, — голос Лиггета звучал как обычно. — Кроме того, что если Толман на это поведется, то он поплатится не меньше вашего. — Он выставил вперед подбородок. — Я слышал о вас, Вульф, и знаю, на что вы способны. Черт его знает, почему вы решили подставить именно меня, но, когда я покончу с вами, я и это выясню.

Вульф серьезно кивнул.

— Да, это ваша единственно возможная линия поведения. Разумеется. Но я-то покончил с вами и передаю вас властям. Вашей самой большой ошибкой была попытка убить меня как раз тогда, когда я вышел из игры. — Он достал из кармана листки с речью и разгладил их. — Видите? Вот куда попала ваша пуля. Перед тем, как поразить

меня, она пробила мою речь… Мистер Толман, допускают ли в вашем штате женщин в состав присяжных по делам об убийстве?

— Нет, только мужчин.

— Ясно. — Вульф перевел взгляд на миссис Ласцио. — Вам повезло, мадам. Непросто будет убедить двенадцать мужчин вынести вам смертный приговор. — Он снова обратился к Толману. — Вы готовы арестовать Лиггета по обвинению в убийстве Ласцио?

— Да, готов, — голос Толмана звучал твердо.

— Так что же, сэр? С мистером Беррэном вы не колебались.

Толман встал. Ему потребовалось сделать не больше четырех шагов. Он положил руку Лиггету на плечо и провозгласил:

— Рэймонд Лиггет, вы арестованы. Формальное обвинение в убийстве будет предъявлено завтра утром. — Он повернулся и приказал Моултону: — Шериф перед входом, скажи ему, пусть идет сюда.

Лиггет повернулся и посмотрел на Толмана снизу вверх.

— Молодой человек, вы погубите себя.

Вульф задержал Моултона жестом.

— Пусть шериф подождет немного, если

можно, — попросил он Толмана. — Он мне не нравится. — Он снова перевел взгляд на миссис Ласцио. — К тому же, мадам, нам еще следует разобраться с вами. Что касается Лиггета, то… сами видите… — Он указал на прокурора, вставшего за плечом арестованного. — Теперь поговорим о вас. Вы еще не арестованы. Вам есть что сказать?

Женщина-омут казалась больной. Надо понимать, она довольно хорошо умела накладывать макияж, так, что в обычное время только специалист мог определить, насколько сильно она накрашена, но на такие потрясения ее искусство рассчитано не было. Ее лицо покрылось пятнами. Искусанная нижняя губа не совпадала по цвету с верхней. Она сгорбилась и спрятала голову в плечи. Тонким и ломким голосом, совсем не похожим на ее обычный грудной манящий тембр, она выговорила:

— Я не… только… только что я и сказала, это неправда! Неправда!

— Вы имеете в виду, что то, что я рассказал о действиях Лиггета, является неправдой? Или то, что рассказал Сол Пензер? Предупреждаю вас, мадам, то, что может быть доказано, неправдой не является. Вы говорите, неправда. Что именно?

— Про меня… про меня неправда!

— А про Лиггета?

— Я… я не знаю.

— Неужели? Но продолжим о вас. Вы ведь включили радио, не так ли?

Она молча кивнула.

— Включили? — гаркнул Вульф.

— Да.

— И либо случайно, либо нарочно вы задержали Вукчича, танцуя с ним, пока убивали вашего мужа?

— Да.

— И после обеда во вторник вечером, вас не было здесь в течение часа?

— Да.

— И поскольку ваш муж мертв, то если бы не то злосчастное обстоятельство, что Лиггет тоже скоро будет мертв, вы бы рассчитывали выйти за него замуж, не так ли?

— Я… — ее губы скривились. — Нет, вы не имеете права так говорить… нет!

— Прошу вас, миссис Ласцио, не теряйте самообладания. Вам оно еще пригодится, — тон Вульфа внезапно смягчился. — Я не хочу причинять вам боль. Я отлично вижу, что в отношении вас факты допускают два совершенно разных толкования. Первая версия звучит так. Вы и мистер

Лиггет возжелали друг друга. По крайней мере, он возжелал вас, а вы польстились на его имя, богатство и положение. Но ваш муж оказался из тех, кто крепко держится за то, что попало ему в руки, и встал у вас на пути. Ваше желание усиливалось вместе с его упорством, и наконец вы с Лиггетом решились на отчаянный шаг. Казалось, что встреча Les Quinze Maîtres предоставляет прекрасную возможность для того, чтобы убрать вашего мужа, ибо сюда должны были приехать трое, кто его ненавидел: будет кого подозревать. Итак, Лиггет прилетел в Чарльстон самолетом, доехал сюда на машине и встретился с вами где-то на территории курорта в половине десятого вечера во вторник, как вы заранее договорились. Только тогда вы разработали окончательный план действий, ведь Лиггет не мог знать заранее о пари между Серваном и Кифом, результатом которого стала готовившаяся на тот момент дегустация приправ в соусе прэнтан. Лиггет спрятался в кустах, а вы вернулись в гостиную, в нужное время включили радио и танцевали с Вукчичем, задерживая его и давая Лиггету возможность войти в банкетный зал и убить вашего мужа. Да чтоб вас, мадам, нечего так на меня смотреть! Я же сказал, это не единственное возможное истол-

кование ваших действий.

— Но это не так! Это неправда! Я не…

— Позвольте. Не отрицайте слишком многого. Согласен, кое-что в моем рассказе могло быть и неправдой, потому что есть ведь и другое объяснение всему. Но поймите одно и как следует над этим подумайте. — Вульф наставил на нее палец и заговорил, подчеркивая каждое слово: — Будет доказано и что Лиггет здесь был, и что кто-то сказал ему о дегустации соусов, и что он знал когда именно он может войти сюда, чтобы убить Ласцио без опасности быть застигнутым на месте преступления, и что он точно знал, что Вукчич не войдет до того, как он закончит свое черное дело. Иначе его действия не имеют смысла. Поэтому, повторяю, не отрицайте слишком многого. Если вы так и будете настаивать, что не встречались с Лиггетом где-то снаружи, что вы ни о чем не сговаривались с ним, что лишь по совпадению включили радио и удерживали Вукчича, то я опасаюсь за вашу судьбу. Пусть присяжные и будут исключительно мужчины, и пусть они услышат это на суде от вас лично, боюсь, такому они не поверят. Не буду смягчать жестокую правду: я убежден, что вас осудят за убийство.

— Но я не говорил, что вы — убийца. — Голос

Вульфа зазвучал почти успокаивающе. — С момента убийства вы, несомненно, пытались, по крайней мере молчанием, защитить Лиггета, но женское сердце… — Он пожал плечами. — За это вас никто не осудит. И ни за что другое не осудит, вы будете вне всякой опасности, если будет показано, что, когда во вторник вечером вы совещались с Лиггетом, умысел с вашей стороны был не дурной, а совсем невинный. Примем это как гипотезу. Допустим, к примеру, будто вы думали, что Лиггет просто задумал розыгрыш. Неважно, какой именно, эти детали я даже гипотетически не берусь угадывать, розыгрыши — не моя стихия. Для успеха розыгрыша было необходимо, чтобы несколько минут, пока не войдет Вукчич, он остался бы наедине с Ласцио. И это прекрасно все объяснит, и то, что вы включили радио, и то, что вы задержали Вукчича, все, что вы сделали. Объяснит невинно! Поймите, миссис Ласцио, я не предлагаю вам менять показания. Я только объясняю, что, хотя вы и не можете отрицать то, что произошло, вы можете найти этому объяснение, которое вас спасет. Пытаться спасти и Лиггета в этом случае будет чистым донкихотством. У вас ничего не получится. И если такое объяснение существует, не затягивайте с ним… а то поздно

будет…

Лиггет не выдержал. Его голова словно была зажата в огромных тисках, которые медленно и неумолимо поворачивали ее, пока он не оказался лицом к лицу с Диной Ласцио. Она смотрела не на него. Завороженно глядя на Вульфа, она теребила зубами нижнюю губу и почти зримо теребила свой ум. Это продолжалось долгие полминуты, и потом, господь свидетель, она улыбнулась. Улыбка вышла жалкой, но это была улыбка. Затем я увидел, как ее взгляд перешел на Лиггета, и понял, что улыбка выражала вежливое извинение. В ее тихом голосе не было ни малейшей дрожи:

— Прости, Рэй, прости меня, но…

Она запнулась. Лиггет сверлил ее взглядом.

Она перевела взгляд на Вульфа и твердо сказала:

— Вы правы. Конечно же, вы правы, ничего не поделаешь… Когда я встретилась с ним в парке и мы договорились…

— Дина, Дина, ради бога!..

Толман, голубоглазый атлет, рывком вернул Лиггета на место. Женщина-омут продолжала:

— Он объяснил мне, что именно хочет сделать, и я поверила. Я думала, это просто розыгрыш. А потом он сказал мне, что Филипп напал на него,

ударил…

— Мадам, вы понимаете, что вы делаете? — прервал ее Вульф. — Вы обрекаете человека на смерть.

— Я знаю! Но что я могу поделать! Я не могу и дальше лгать ради него, ведь он убил моего мужа! Когда мы встретились в парке и он объяснил мне, что он задумал…

— Ах ты хитрый ублюдок! — выдержка окончательно изменила Лиггету. Он вывернулся из-под руки Толмана и бросился к Вульфу по ногам Мондора, опрокинув по пути Блана вместе со стулом. Я рванулся за ним, но Лиггет уже извивался и брыкался как сумасшедший в медвежьих объятьях Беррэна.

Дина Ласцио не пыталась продолжать говорить в таком смятении и шуме. Она тихо сидела и взирала на происходящее своими томными миндалевидными глазами.

17

— Теперь ее с этой версии не сбить, — уверенно заявил Беррэн. — Ради собственной безопасности она на все пойдет, а это как раз выводит ее из-под удара.

Солнечным утром пятницы наш поезд, словно чайка, летел через Нью-Джерси, к востоку от Филадельфии. Через шестьдесят минут мы должны были въехать в туннель под Гудзоном. Я снова примостился у стенки купе, Констанца сидела на стульчике, а Вульф и Беррэн расположились с пивом на сиденьях у окна. Вульф выглядел не ахти, ибо, разумеется, он и без повязки не рискнул бы бриться в поезде, но знание, что через час эта махина прекратит движение, питало свет надежды в его глазах.

— А вы как думаете? — спросил Беррэн.

Вульф пожал плечами.

— Не знаю и знать не хочу. Необходимо было доказать присутствие Лиггета в «Канове» во вторник вечером и тем окончательно изобличить его. Миссис Ласцио была единственной, кто мог это сделать. Как вы сказали, она, без сомнения,

виновна не меньше Лиггета, а может, и больше, это как посмотреть. Думаю, мистер Толман попробует представить перед судом и ее. Вчера он задержал ее в качестве важной свидетельницы и может использовать ее против Лиггета, а может обвинить как пособницу. Но это не имеет значения. Как он ни старайся, виновной ее не признают. Как она сама сказала, она особенная женщина. Даже если Лиггет захочет отомстить и потянет ее за собой, выложив все как есть, нелегко будет убедить дюжину мужчин в том, что убить ее будет самым правильным решением. Не думаю, что мистеру Толману это по зубам.

Беррэн принялся хмуро набивать трубку. Одной рукой Вульф вцепился в подлокотник, а другой опрокинул остатки пива из стакана в рот.

— Я стараюсь их не слушать, — улыбнулась мне Констанца. — Все эти разговоры об убийствах, — она изящно передернула плечами.

— Что-то вы чересчур часто улыбаетесь, — буркнул я. — При таких-то обстоятельствах.

Брови над ее темными глазами удивленно взлетели.

— Каких обстоятельствах?

Я только рукой махнул. Беррэн разжег трубку и снова заговорил:

— Разве я мог спокойно на это смотреть! Бедный Росси, вы заметили? Бедняга. Когда Дина Росси была маленькой, я столько раз качал ее на коленях. Она была тихоней и хитрюшкой, но хорошей девочкой. Конечно, все убийцы когда-то были детьми, во что порой с трудом верится. — Он принялся за трубку, и скоро все купе заволокло дымом. — Кстати, вы знаете, что Вукчич успел на поезд?

— Нет.

— Запрыгнул в последний момент, — подтвердил Беррэн. — Я видел, как он мчался. Словно лев, за которым гонятся блохи. Я давно проснулся и в купе почти не сидел, но его еще не видел. Ваш человек, конечно, уведомил вас, что я заходил около восьми утра.

Вульф скривился.

— Я был не одет.

— Так он мне и сказал. И вот я снова здесь. Я не в своей тарелке. Я всегда не в своей тарелке, когда я у кого-то в долгу. Я хочу понять, сколько я вам должен, чтобы расплатиться. Там, на курорте, вы были гостем и не желали поднимать эту тему, но вы можете сделать это сейчас. Вы выручили меня, может быть, даже спасли мне жизнь, и сделали это по просьбе дочери, обратившейся к вам

за профессиональной помощью. Я у вас в долгу и хочу расплатиться, вот только, как я помню, ваши услуги стоят недешево. Сколько вы берете за день работы?

— А сколько берете вы?

— Я? — Беррэн вытаращил на него глаза. — Боже правый, я поденно не работаю. Я творец, а не подсобный рабочий!

— Я тоже. — Вульф наставил на него палец. — Послушайте. Давайте примем как данность, что я спас вам жизнь. Если это так, я готов считать это безвозмездным жестом дружбы и доброй воли. Вы примете такой жест?

— Нет. Я в долгу перед вами. К вам обратилась моя дочь. Нельзя ожидать, что я, Жером Беррэн, приму такую милость!

— Что ж, — вздохнул Вульф. — Если вы не примете это как дружеский жест, то ничего не поделаешь. В этом случае мне остается только предъявить вам счет. Нет ничего проще. Если мои услуги подлежат оценке, то она должна быть высокой, ибо услуга была исключительной. Поэтому… раз вы настаиваете на оплате… вы должны мне рецепт колбасок минюи.

— Что?! — Беррэн вытаращил глаза. — Ба! Это смешно!

— Ничего смешного. Вы спрашиваете, что вы мне должны. Я ответил.

— Это возмутительно, черт возьми! — Негодуя, Беррэн брызгал слюной и размахивал трубкой так, что искры и и пепел летели во все стороны. — Этот рецепт бесценен! Вы просите… Боже правый, я отказался продать его за полмиллиона франков! А вам хватает дерзости… наглости…

— Позвольте! — перебил его Вульф. — Давайте не будем спорить. Вы назначаете цену своему рецепту. Это ваше право. Я назначаю цену своим услугам. Это мое право. Вы отказались продать его за полмиллиона франков. Если вы пошлете мне чек на полмиллиона долларов или любую другую сумму, я порву его. Спас ли я вам жизнь или просто избавил от небольшой неприятности — называйте как хотите. Вы спросили, что вы мне должны, и я отвечаю: вы должны мне этот рецепт, и я не приму ничего другого. Сами решайте, платить мне или нет. Возможность есть у себя дома колбаски минюи не реже чем дважды в месяц — думаю, что не реже, — доставит мне неописуемое удовлетворение. Однако я получу немалое удовлетворение, пусть и другого сорта, вспоминая — гораздо чаще, чем дважды в месяц, — что Жером Беррэн у меня в долгу и

отказывается платить.

— Ба! — фыркнул Беррэн. — Жульничество!

— Никоим образом. Я ни к чему вас не принуждаю. Я не потащу вас в суд. Я только расстроюсь, что применил свои таланты, не спал ночами и подставил себя под пули, не заслужив в результате ни благодарности за акт доброй воли, ни платы за свой труд. Повторю свои заверения в том, что не раскрою рецепт никому! Колбаски будут готовиться только в моем доме и подаваться только на мой стол. Я хотел бы оставить за собой право подавать их гостям и, конечно, мистеру Гудвину, который живет со мной и ест то же, что и я.

Беррэн молча смотрел на него. Наконец он проворчал:

— Записывать нельзя. Его никогда не записывали.

— Я не стану его записывать. Я умею запоминать.

Беррэн не глядя сунул трубку в рот, задымил и продолжил в молчании смотреть на Вульфа. Наконец он тяжело вздохнул и поглядел на меня с Констанцей.

— Я не могу рассказать рецепт в присутствии посторонних.

— Одна из них ваша дочь!

— Черт побери, я способен узнать свою дочь! Пусть они уйдут.

Я встал и вопросительно посмотрел на Констанцу.

— Идемте?

Вагон качнулся и Вульф вцепился во второй подлокотник. Было бы обидно попасть в аварию именно теперь.

Констанца встала, потрепала отца по макушке и вышла в открытую мной дверь.

Мне казалось, что добытый Вульфом рецепт достойно завершил наш отдых, но нас подстерегал еще один сюрприз. До Нью-Йорка оставался еще час езды, я пригласил Констанцу посидеть за выпивкой в вагоне-ресторане, и мы отправились с ней туда через три вагона, качаясь и спотыкаясь по дороге. В вагоне-ресторане было не больше десятка завсегдатаев, по большей части скрытых за утренними газетами, и полно свободных мест. Констанца заказала газировку с имбирем, невольно напомнив мне о былых временах, а я взял виски с содовой, дабы отпраздновать гонорар Вульфа. Но не успели мы сделать по паре глотков, как я обнаружил, что пассажир, сидящий через проход, отложил газету и навис над Констанцей, пожирая ее взглядом.

— Вы не имеете права так поступать со мной, никакого права! Я этого не заслуживаю, и вы не имеете права! — упрямо твердил он. — Поймите же наконец, осознайте…

— Вот уж не думала, что отец раскроет рецепт кому бы то ни было, — продолжала мило болтать Констанца. — Однажды в Сан-Ремо я слышала, как он сказал одному англичанину, весьма высокопоставленному…

Он подвинулся так, чтобы встрять между нами, и грубо перебил:

— Привет, Гудвин. Можно задать вам вопрос?

— Привет, Толман, — усмехнулся я, глядя на него снизу вверх. — В чем дело? У вас в тюрьме парочка свеженьких арестантов, а вы тут шныряете.

— Мне надо в Нью-Йорк. Собрать доказательства. Это слишком важно… Послушайте! Я хочу спросить вас, есть ли у мисс Беррэн основания так поступать со мной? Ваше непредвзятое мнение. Она со мной не разговаривает. Она на меня не смотрит! Разве я мог поступить иначе? Что мне оставалось делать?

— Вы могли уйти в отставку. Но тогда, разумеется, вы остались бы без работы и бог знает, когда смогли бы жениться. Проблема серьезная,

понимаю. Но не стоит беспокоиться. Я только что удивлялся, с чего это мисс Беррэн постоянно улыбается без малейшей на то причины, но теперь все ясно. Она улыбалась, потому что знала, что вы тоже едете этим поездом.

— Мистер Гудвин! Это неправда!

— Но ведь она даже не разговаривает со мной…

— Да заговорит она с вами, куда она денется, — махнул я рукой. — Вы просто не знаете, как взяться за дело. Как я недавно убедился, ее личный способ не хуже любого другого. Смотрите внимательно, и в следующий раз сможете проделать это самостоятельно.

Я наклонил стакан и пролил немного виски ей на платье, прямо на колено.

Она вскрикнула и подскочила от неожиданности. Толман вскрикнул и полез за платком. Я встал.

— Не п-пескобойтесь, п-пятна не дудет! — и с этими словами я шагнул через проход, сел на его место и развернул брошенную им газету.

КОНЕЦ